

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

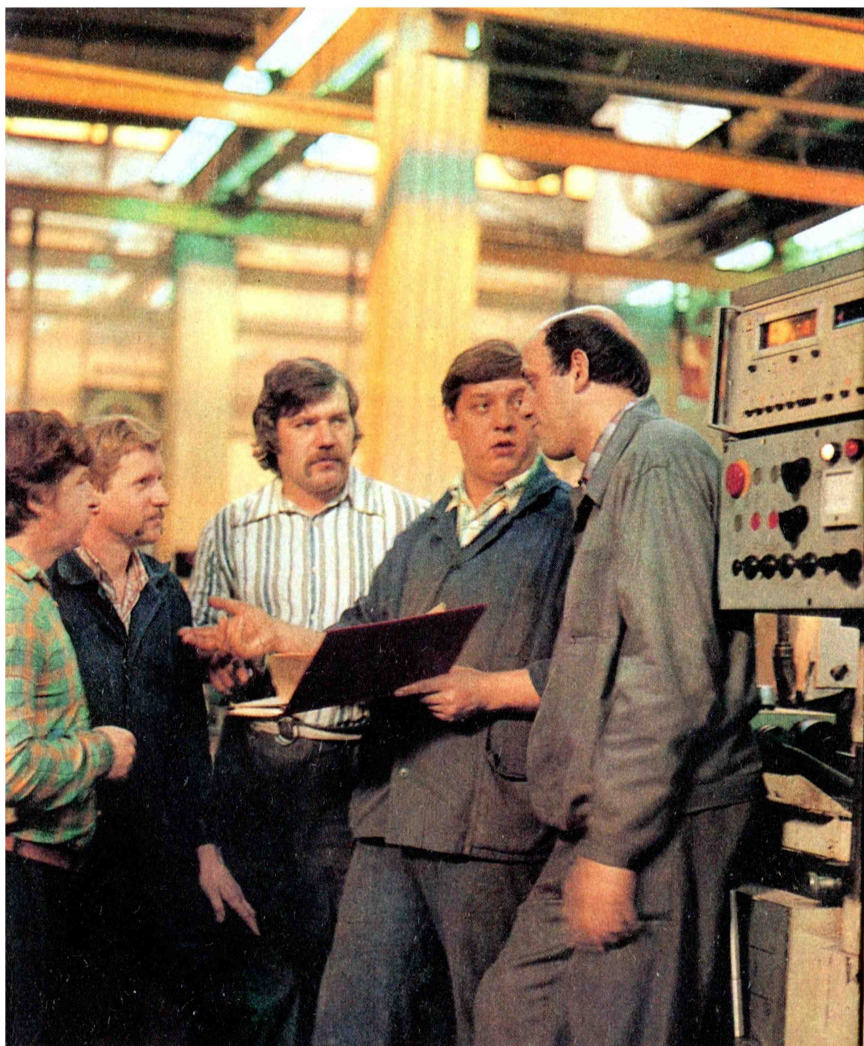
ISSN 0132-0831

1

1988

С НОВЫМ ГОДОМ!

Московский ордена Трудового Красного Знамени инструментальный завод. Не первый год возглавляет совет бригадиров предприятия коммунист И. В. Пантюшин (на снимке второй справа). А сегодня бригадир собрал совет своей бригады, одной из лучших на заводе. Не просто складывается работа по-новому, поэтому обсудить рабочим есть что.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

№ 1 (205) ЯНВАРЬ 1988
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

Ежемесячный
научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР

Главный редактор
В. М. Сиренко
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
С. И. Бабошко,
Г. К. Большакова (заместитель
главного редактора),
В. А. Журавлев
(ответственный секретарь),
Б. В. Заботин, И. Н. Кузнецов,
В. Д. Поволяев, А. М. Рекунков,
И. С. Самощенко, П. И. Седугин,
Ю. С. Семенов, Е. В. Смирнова,
А. Я. Сухарев, А. А. Требков,
А. М. Филатов.

Издательство
«Правда»
Москва

Технический редактор И. П. КАЛАЧЕВА
Оформление В. В. ВАНТУСОВА

Адрес редакции:
129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12

В номере

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

В. ПОВОЛЯЕВ. Все одинаково важно 4

РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНИ

А. ПРОЦЕНКО. Легенда об идеальном поселке. Социально-правовой очерк 12

ГРАНИ ХОЗРАСЧЕТА

П. АЛЬФИМОВ. В идеале — да! А в жизни! 22

А. ЮФЕРЕВ. Копеечный счет 26

С. АЙЗИН. Инструкция и обструкция 30

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

В. КОРЧАГИН. Игра вместо дела! 35

МНЕНИЯ. СОМНЕНИЯ. ПОСТУПКИ

В. ЕГОРКИН. Что может кооператор 37

Н. ПЕТРОВ. Что важнее! 40

В. АНДРЕЕВ. Не было бы перекоса... 41

В. СЕЛЕЗНЕВ. Нужен контроль 41

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г. САВИЧЕВ. Кто получит новую квартиру 43

ОТ А ДО Я

Непрерывный стаж 48

СОБЕСЕДНИК

Н. РАДЬКО. Наши чужие дети 52

ПРОБЛЕМЫ НАШЕГО БЫТА

М. МАЗАНЬКО. Почему загорелся «Рубин»? Комментирует юрист Ю. ЖУКОВ 59

ПЬЯНСТВО — ПОД ЗАПРЕТОМ ЗАКОНА	
А. АНОСОВ. Получка — день тяжелый	67
Судебная хроника	75
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЧиЗ»	
Л. РЫСАЙ. Вырастить человека!	76
■	
ИНФОРМАЦИЯ. КОНСУЛЬТАЦИИ. ОТВЕТЫ	
Слово к читателям. О ваших письмах	78
НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	
Льготы женщинам. Беседа нашего корреспондента В. СЕРГЕЕВА с консультантом юридического отдела ВЦСПС В. ЗИНЧЕНКО	80
Н. ВАРЛАМОВА. Услуга кооператорам	83
В. КАРЯГИН. Осторожно: СПИДИ!	84
■	
И. ЗЕРНОВ. Легко ли стать виноватым! Очерк	86
■	
ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ	
А. КУВШИННИКОВ. Ответный удар «империи»	94
■	
ПОВЕСТЬ	
Л. ЗАХАРОВА, В. СИРЕНКО. Браслет иранской бирюзы	101
■	
КНИЖНАЯ ПОЛКА	
Т. ГЛАДКОВ. Рассказывают чекисты...	123
■	
Вместо кроссворда	128

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница
Москва, Кремль.

Четвертая страница
Фотоэтиюд В. З и м и н а

В номере

Все ОДИНАКОВО ВАЖНО

Заметки писателя

Эти заметки родились в дороге, в самых разных местах, они о том, что я видел, что слышал. Без прикрас, без домыслов, без литературных дотяжек, которые иногда бывают нужны, чтобы закольцевать сюжет.

Мудрый Белинский говорил: «Кто не идет вперед, тот идет назад, стоячего положения нет». Так и в перестройке.

Перестройка — это не что-то временное, когда можно отступить в тень и переждать — авось, пронесет, не некая незакономерная случайность, а закономерная необходимость, это день нынешний и день завтрашний, без перестройки движения вперед нет.

К сожалению, в последние десять — пятнадцать лет мы ко многому потеряли вкус, более того — в окружении общего всепрощенчества многие просто стали плохо работать, понятие «качество» переключалось в понятие «количество», хотя количество никогда еще не заменяло качества, мы утратили любовь к технологии, к добротной работе — вот и пошли массовым тиражом изделия «тяп-ляп».

А нужен жесткий контроль, нужно восстановление технологической дисциплины, нужно качество, а не только количество. Вот почему и появилась госприемка.

Во Владимире — городе большом, промышленном я стал свидетелем некой психологической вилки на одном из крупных заводов. Дело касалось передовых рабочих.

Люди эти полжизни своей работали на план, гнали и гнали его — старались всеми силами, получали хорошую зарплату и хорошие премии, а на деле оказалось, что продукция их никуда не годится, изделия имеют такое низкое качество, что их не то чтобы принимать — даже речи о приемке вести нельзя. Получились ножницы: человек вроде бы все силы вкладывает в свою работу, а результат вышел вон какой — и человек расстроен, в глазах его вопрос и недоумение — раньше он за такую работу премии получал, медали, имел все, в том числе и почет с уважением, а сейчас его продукцию суют в корзину с отходами.

Очень сложно, тяжело, мучительно такому человеку и не только во Владимире. Ему, как и всем, надо перестраиваться. Не перестроиться — значит оказаться в прошедшем времени. И тут крайне важна позиция каждого гражданина, как всякая позиция бойца, находящегося на переднем крае: ни одного человека не должно оказаться в прошлом.

Кто хочет делать дело, тот делает, кто не хочет — ищет нужные слова для отговорок. Слова, как известно, бывают разные, одно и то же слово может быть оправданием, может быть обвинением, может принести горе, может и радость, — и все одно и то же слово.

Перестройка — это не просто повышение качества или замена одних людей другими, старых, допустим, молодыми, а некрасивых — писаными красавцами, это самый сложный психологический, нравственный процесс. Есть люди, которым процесс этот крайне не нравится, они морщатся, оказывают молчаливое сопротивление, втихую судачат. Но судачь — не судачь, а по-старому жить не получится. И, уж конечно, под видом перестройки не должно быть сведения счетов, когда убирают людей неугодных, ершистых, неуживчивых, не должно быть групповщины и местничества. И если уж где-то происходит подобное — виновный должен отвечать.

Расскажу о том, как борются за качество в Томской области. Там, как и в Тюменской, добывают нефть, так же, как и в Тюменской, маются от нехватки оборудования, от того, что с заводов поступают некачественные трубы и механизмы.

И вот в Стрежевом, на севере Томской области, создали специальную базу — официально она называется так: «Центральная база производственного обслуживания объединения «Томскнефть». Тут каждую новую трубу, каждую прибывшую с Большой земли машину обследуют, находят пороки и доводят, что называется, до ума. Здесь же в цехах живет, не думая умирать, и некая горькая выставка — выставка поступившего на базу брака. На стендах выставлены механизмы, которые проработали в шесть либо в десять раз меньше положенного срока, выставлены трубы, которые так и не попали на буровые установки. Конечно, выставка эта не от хорошей жизни, и все же здесь не кивают на обстоятельства, а стараются что-то сделать: в цехах обрабатывают каждый узел доставленной машины, укрепляют каждую деталь, чтобы машина работала дольше.

Вообще, у томичей много интересного, нового, и я, например, часто бывая у тюменцев, жалею, что не бывал раньше у томичей — не приводила сюда дорога, а жаль!

Вот, скажем, вахтовый метод по-томски. У меня вахтовый метод особой симпатии, честно говоря, не вызывал, не вызывает и сейчас. За восемь лет, которые я вел передачу «Страна Тюмения» на Всесоюзном радио, я не раз рассказывал о нем слушателям и всякий раз сомневался: а действительно ли это прогрессивный метод, когда нефтяники, живущие, допустим, в Башкирии, под Саратовом, на Западной Украине и в Белоруссии, приезжают на две недели в тундру, в болота и в тайгу, трудятся там, а потом на неделю возвращаются домой отдыхать. На севере они живут как «временники», им ведь не жалко землю, по которой они ходят, пришлому вахтовнику ничего не стоит сломать одинокое дерево, разрубить тундру гусеницами вездехода, поддеть лемехом бульдозера взрослый кедр, с треском завалить его, чтобы снять пяток шишек с орехами — пришлые все коверкают, все ломают, жгут, поскольку они на этой земле — временные. Не постоянные, а временные, постоянные они на другой земле...

Мне кажется, один из нынешних аспектов перестройки — это необходимость вернуть народу то, что утрачено — что было, слу-

жило людям, а потом вдруг сошло на нет. Для оправдания подобных потерь обычно придумывают разные причины, вплоть до того, что сваливают все на силы небесные, а чего сваливать, когда у этих потерь имеются совершенно конкретные виновники.

Однажды в конце зимы мне пришлось проехать по шоссеиной дороге от Усть-Каменогорска — города, как известно, промышленного, находящегося на рудном Алтае, — до Алма-Аты. Это примерно тысяча сто километров, а если еще приплюсовать наши различные отклонения от трассы, то, глядишь, еще двести километров добавится. Позади остались четыре области: Северо-Казахстанская, Семипалатинская, Талды-Курганская и Алма-Атинская.

Мы шли по трассе, по разным участкам — гористым, степным, низинным, попадали в пургу, в обычный снег, в дождь, потом оказывались на солнечных отрезках, где ничто не напоминало о непогоде, и где-то в середине долгого пути в синих печальных сумерках свернули налево и по ледяной проселочной дороге, с которой в любую минуту можно было соскользнуть в канаву, двинулись к озеру Сасыкколь, а точнее, к рыбацкому поселку Жарсуат.

Если посмотреть на карту, то там можно разобрать одну плавную дугу, что замыкает озера Сасыкколь, Алаколь и Балхаш в единое целое — видать, все вместе они когда-то, в давние времена, были одним морем, а потом наверх начала проступать земля, море истаяло под жарким солнцем, под напором суши сдало позиции, частично испарилось, частично просочилось в землю, и моря не стало, вместо моря образовались три озера: Балхаш, Сасыкколь и Алаколь. У каждого озера — своя судьба, своя жизнь, своя надежда.

Когда мы подъехали к Жарсуату, нас поразила некая гулкая пустота, которая обычно бывает только на кладбищах, — поверху, почти над самой головой, ходил ветер, хохотал, заливался разбойничьим свистом. Даже непосвященному человеку было понятно, что ветер этот недобрый. В домах, плотными темными кирпичами проросшими сквозь снег, не было света, электрические провода на столбах оборваны, во многих рамах выбиты стекла. Ощущение такое, будто невдалеке рванула бомба, часть стекол повывивало, часть осталось, бомба искорежила землю, сдернула провода со столбов и умертвила людей в домах: печально, одиноко, не по себе в этом поселке тому, кто здесь оказывается.

Вот один дом совершенно пустой, без людей, вот второй — длинный аккуратно огороженный палисадником, в котором, как мне показалось, кустилась сирень, хотя в синей вечерней мгле, в мороз разобрать трудно, что за кусты там серели: акации или сирени, но почему-то казалось все-таки сирени, которая любит селиться подле человека, радует глаз, украшает жилье. Вон третий дом пустой, четвертый, с новеньким, светлеющим в сини крыльцом, пятый... Поселок Жарсуат был брошен.

Лишь на самом краю поселка, около кладбища, прямо на улице горел огонь, а у огня, поджав хвосты, стояли две понурые собаки. В небольшом, по самую макушку занесенном снегом хлеве мычала корова, да, услышав наши шаги, заперебирали звонкими копытами овцы. Только один дом из большого селения, на возведение которого ушли многие сотни тысяч рублей, был обитаем — в нем жил старый рыбак Алимгазы Алтынсарин. Утром, уже перед отъездом, когда рассвело, мы увидели фанерную дощечку,

прибитую к стене дома. Дощечка была украшена красной звездой, а надпись сообщала, что здесь живет участник Великой Отечественной войны. Алимгазы воевал на Калининском фронте, был тяжело ранен, потом вернулся домой, работал здесь, схоронил жену, которая лежит рядом же, на кладбище, а когда люди покидали Жарсуат, отказался уезжать отсюда, раз жена тут лежит, то и он здесь ляжет, когда придет его время.

В доме было темно. Постучались в дверь. Когда вошли, хозяин зажег керосиновую лампу.

Когда-то здесь кипела жизнь, на берегу озера были два рыболовецких колхоза, люди брали хорошие уловы, тут ловилась знаменитая маринка — нежная деликатесная рыбешка, ловился осман, по вкусу не уступающий маринке, а окунь, этот иногда так набивался в сети, что его невозможно было выволочь на берег, но главным богатством считались сазаны. Иногда встречались настоящие «поросята», их даже поднять было трудно. Таких сазанов варили, как баранов, по целому часу — только тогда из костей выпаривался целебный жир, а уха получалась такой густой, что в ней, как в легендарном украинском борще, ложка стояла. Люди жили, радовались, строили планы на будущее, растили детей. В плавнях в изобилии водилась ондатра, лисы — много лис, водились корсаки — темно-рыжие стремительные звери, что-то среднее между шакалом и диким котом, и никто не чуял беды. Но беда пришла. В виде вполне современных людей, имеющих высшее образование и научные степени. Это были ихтиологи.

По их планам, богатое озеро Сасыкколь надо было сделать еще более богатым. Как? Да очень просто — запустить в озеро судака. Судак, дескать, разрывается стремительно, привесы дает рекордные, сасыккольским колхозам эта рыба будет очень выгодна. При этом ихтиологи умолчали, а может, просто выпустили из вида, что судак — рыба быстропортящаяся, холодильников в этих жарких местах нет, и судак — это не сазан. Сазан на берегу, в мокрой траве, лежит трое суток и хоть бы хны ему, не прет, не припахивает, судак же за это время превращается в гниль. В пору, когда воды в озере нет — выедает жара, либо ее забирают на свекольные поля, сазан зарывается в ил, дышит там, существует, а когда появляется вода, снова нагуливает жир, размножается, судак же в безводье просто-напросто дуреет, гложет и переворачивается вверх брюхом. В общем, многое было против судака, как многое было за сазана — главную промысловую рыбу Сасыкколя, но тем не менее ихтиологи навязали свое — запустили в озеро судака, получили премию и удалились на другие озера также запускать судака и также получать за него законное вознаграждение.

Что в результате получило озеро Сасыкколь? Судак сожрал все — и маринку, и османа, и окуня, и пескаря, остался только сазан, но и того очень мало — единицы, да еще изредка, два-три раза в год, попадают белые амуры — огромные, по двадцать с лишним килограммов весом, те самые, которых судак смолотить никак не смог. Это доживающие свой век старики. Слоны среди рыб, молоди нет. Через два-три года исчезнет и белый амур.

Добыча рыбы резко упала. Вначале свернул свое хозяйство один колхоз, потом другой. Оставшись без дела, люди начали покидать поселок Жарсуат, ушли кто куда: кто на железную доро-

гу, кто шоферить на трассу, кто переселился на Балхаш, кто переехал на север, где есть заводы, есть работа, есть мощная промышленность — земля обнажилась, озеро опустело, по поселку словно прошелся беспощадный огонь.

Судак, так успешно внедренный ихтиологами, занялся делом, которым и должен был заняться в итоге, — стал пожирать самого себя и вырождаться.

— Вспорешь много судака, а у него в желудке — маленькие рыбешки, собственные же мальки судачата, — говорит Алимгазы, голос у него горький, тихий, — сам себя ест судак.

Вот что получилось, когда в природу вмешался неумный и неумелый человек.

— Найти бы того друга-ихтиолога, я бы... ох, я бы ему... — кулаки у Алимгазы невольно сжимаются. Человек он простой, и если он действительно вздумает кого-нибудь побить — побьет, непременно побьет — истина для него дороже всего. Кожа на скулах Алимгазы натягивается. В следующий миг напряжение жизни в нем ослабевает, кулаки разжимаются. — Ну и нашел бы я его, ну и что? Разве его сейчас укусишь? Нет. Этого ихтиолога ни за что не укусишь. В пору перестройки он перестроился первым, давно уже перестроился и сам кусает других. Условия у нас идеальные — вода тихая, корма много, гидростанций, которые нарушали бы баланс, нет — водный баланс нарушает только человек. То свеклу вздумает сажать, то репу... Вот и получается, что от глупости человеческой гибнет природа. Ведь план по мясу, например, можно выполнять по-разному: можно вырастить скот, выкормить и сдать, а можно так, как это сделали бандиты из повести Айтматова... — Алимгазы человек грамотный, несмотря на то, что нет электричества, он журналы и книги читает регулярно — при керосиновой лампе. Не так давно одним махом одолел «Плаху» Чингиза Айтматова, о том, как бандиты из винтовок расстреляли природу, забили сайгаков, а потом отрапортовали начальству: есть план по мясу! Так же недавно было и с гусями — уже не в книге, а наяву: за одну только охотничью зорьку такие лихие стрелки добывали по двести гусей и знакомо рапортовали — есть план! План по мясу, план по птице! — Человек всю жизнь пас овец, а его заставили выращивать свеклу, — продолжает возмущаться Алимгазы. — Ну какой из меня свекловод? Надо поддерживать то, что у нас заложено в крови, — я скотовод, а не свекловод — это же испокон веков сложилось, из седой древности идет, а тут свекла... Нет, несовместимо! Когда наступает пора выкапывать свеклу — села становятся пустыми, все уходит на свеклу... По призыву местного начальства! Как на фронт. Я не говорю о школах или каких-то конторах — в больницах и то пусто. Придешь к врачу, поскольку сердце прижимает так, что дышать трудно, а врач в поле — свеклу копают. Из-за нее не только старшекласники, даже юные школята, даже третьекласники пропускают занятия, вгрызаются в землю, копают свеклу, их-то зачем тягивать в это дело? Горе! Или такое: нас заставили распахать землю, на которой мы пасли овец. В результате ни земли, ни овец!

Действительно, иногда едешь по каменистой жаркой степи и смотришь с удивлением: она слева и справа распахана, и топчутся там чахлые, пожухлые колоски, в два вершка всего высотой — видать, для сводки, для отчета. «Урожай» этот никогда

не возьмешь ни комбайном, ни серпом. В другом месте топорщится своими метелками свекла. А по обочине ходят овцы, едят гайки, ошметки автомобильной резины, промасленную ветошь. Так скот скоро совсем исчезнет.

Есть, конечно, электроника, металлургия, машиностроение — этим тоже должны заниматься казахи, да, но что касается сельского хозяйства — зачем заставлять заниматься свеклой, если привыкли к скотоводству?

— Как вернуть озеро людям, как? — Алимгазы даже стонет от обиды и неверия в то, что произошло. Хотя не сегодня это произошло, но он все равно не верит. — Все с Сасыкколя ушли. Даже сын мой Булат ушел, устроился на железную дорогу, там работает... Сын Булат — хитрый! Триста рублей получает. Хороший заработок. Иногда на мотоцикле ко мне приезжает, помогает. А сейчас два месяца уже не приезжал — холода стоят.

В самом деле, на улице, несмотря на весну, мороз крутой, снег покрыт толстой и скользкой коркой наста — под ногою наст не проваливается, блестит ласково в свете луны, вызывает недобрые ощущения и боль. Хоть и понятно все, не верится, что для Жарсуата многое уже в прошлом и произошло это по вине людей. Жизнь сюда уже больше никогда не вернется — умрет Алимгазы, и не будет той теплой пульсирующей ниточки — последней, что связывает это умерщвленное место с Большой землей. А Большая земля — вот она, рядом, асфальтированный тракт проходит всего в семнадцать километрах от Жарсуата.

Зимой Алимгазы рыбу ловит понемногу, кормит себя и старую женщину, помогающую ему следить за хозяйством, — такую же, как и он, одинокую, ее зовут Зина-апа. Зина-апа умеет делать все, всю жизнь работала, имеет родственников, но на старости лет оказалось, что ей негде даже голову приткнуть.

Зимой шли сильные дожди, сменялись студью, смена происходила мгновенно, так ничего в тот сезон и не взял Алимгазы. А сын к нему все не едет и не едет. Тяжело Алимгазы, подвижное лицо его каменеет — что же будет с озером, с землей, с поселком этим? Неужели так все псу под хвост и пойдет?

Да, привыкли мы издеваться над природой. Проводим эксперименты вроде бы благие, сулящие выигрыш, а на самом деле уничтожаем жизнь, на место жизни приходят смерть, запустение, гниль. Я бы не говорил об этом, если бы одной из забот перестройки не была необходимость взять все эти эксперименты под жесткий контроль, запретить то, что неразумно и вредно. И тут очень важны позиция, советы, опыт таких, как Алимгазы Алтынсаринов, — перестройка должна учитывать мнение каждого человека. В перестройке важен каждый человек, и найти ему место, правильно определить роль — вот именно здесь ты должен находиться — дело коммунистов. От таких людей, как Алимгазы, нельзя отмахиваться, его мысли надо учитывать — и боль его, и заботы, и опыт, и надежду. И поселок Жарсуат тоже нельзя списывать со счета.

Помню, однажды группа писателей приехала в гости к космонавтам. Георгий Береговой, который тогда еще работал в Звездном городке, рассказал одну историю. Столько лет прошло с той поры, а я ее все помню...

Когда-то в моде были толстые красные и синие карандаши,

очень нарядные и, что называется, внушительные. На карандашах вдоль лакового блестящего тела было тиснуто золотом «Деловой». Видать, эти карандаши были специально созданы для начальственных резолюций: красный — для отказов, синий — для разрешений. Хотя резолюция могла быть вполне нейтральной или даже разрешающей, но если она была начертана красным карандашом, то, несмотря на слова, суть ее была одна: «Отказать!»

Очень хороши были эти карандаши для резолюций. Грифель у них был мягким, жирным, толстым, линию оставлял ровную — диво, а не карандаши! Вот на эти карандаши и нацелился один ретивый рационализатор. Повертел рационализатор в руках карандаш, соображая, что бы такое сотворить? И сотворил. Карандаши мы ведь никогда не используем до конца, обязательно остается огрызок. А вместе с огрызком, с торчком дерева остается и дорогой мягкий грифель, он ведь тоже псу под хвост уходит, этот грифель. А почему бы его не сэкономить? Но как сэкономить? Очень просто — надо вкладывать в дерево стержень не до конца, оставлять сантиметра два, и отверстие в деревянном стволе высверливать тоже не до конца.

Сказано — сделано. Рационализатор получил за свою «вумную» мысль положенное вознаграждение. Но на этого шустрого рационализатора через некоторое время нашелся еще один шустрый любитель что-нибудь изобрести и обязательно не менее «вумное». Второй рационализатор также покрутил-повертел в руках карандаш с наморщенным лбом и обрадованно воскликнул:

— Эврика! А зачем, собственно, деревяшка в торце карандаша? Для чего она остается? Ее можно срубить. Если помножить на все карандаши в стране, экономия, знаете, какая будет?

Конец карандаша, не заполненный грифелем, срезали, карандаш стал короче, а качество ниже. Бюрократов от этого, как известно, меньше не стало, а вот слава карандашей малость помутнела, а заодно и всего карандашного производства. И так во всем, раз за разом, малость по малости, мы теряли качество и славу, формула, как видите, проста, но сколько сложного и убыточного за ней стоит, особенно если карандашную «рационализацию» перенести в область металлообработки, машиностроения, кройки, шитья и производства обуви!

После окончания института я был направлен работать художником на обувную фабрику. Там, пожалуй, первый раз в жизни столкнулся с ножницами между «нужно» и «можно». От нас, художников, требовали товар, за который не было бы стыдно за границей — из разряда «нужно», и мы этот товар давали, делали модели, от которых заходились в восторге самые придирчивые модницы. И на художественные советы готовили такие модели, за которые не приходилось краснеть, благо на фабрике имелся прекрасный экспериментальный цех. Модели эти получали одобрение, отличные оценки, даже аплодисменты, а потом попадали на конвейер. Для того, чтобы быть воспроизведенными массовым тиражом.

Эту продукцию сдавали на склад, где выстраивались целые штабеля из картонных коробок, штабеля перерастали в горы, скоро горы эти уже не вмещались в складские стены, и обувь стали свозить в кинотеатры. Вначале в один, потом в другой. Сами ки-

нотеатры, естественно, пришлось закрыть — какое уж тут кино, когда рядом высятся обувные коробки.

К чему я веду этот рассказ, да к тому, что через некоторое время я увидел картину, скажем прямо, щемящую, вызвавшую большой озноб. Дело было зимой в одном из московских переулков. Где-то в земле, под асфальтом сильный мороз разрубил водопроводную трубу. Чтобы докопаться до нее, надо было разогреть сверхтвердую, спекшуюся в камень землю, расколупать стальной асфальт. И разогревали асфальт обувью — бросали баретки грудой, поливали какой-то маслянистой жидкостью и поджигали. Костер из обуви потрескивал весело, как бывало на рождественских праздниках, но от него такой треск возникал в сердце и так жестко сдавливало глотку, что я поспешил покинуть тот тихий столичный переулок, где жгли не обувь — жгли человеческий труд, старания и пот людей, жгли чью-то совесть.

О таких вещах нельзя забывать, чтобы нигде больше не повторилось подобного.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» отмечено, что «подлинная культура социалистического демократизма не приемлет ни командный, «нажимной» стиль, ни организационную расплывчатость, подмену дела пустопорожними разговорами. И то, и другое чуждо социализму».

Перестройка должна идти во всем: и в большом, и в малом, в ней нет и не должно быть мелочей. Не то одно перестраивается, меняет облик, возникают новые отношения, а другое стоит на месте. А через некоторое время вообще оказывается, что колеса в повозке не годны, у них выбиты спицы — тут уж все, на первых же метрах повозка опрокидывается. Нет, мелочей в перестройке нет, все в ней должно быть важное, все главное.

Александр ПРОЦЕНКО

ЛЕГЕНДА ОБ ИДЕАЛЬНОМ ПОСЕЛКЕ

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОЧЕРК

О нем уже несколько раз писали в центральных газетах. Представьте себе северное сияние, волнами переливающееся у вас над головой, а под ним — прихотливо разбросанные уютные коттеджи, яркостью красок не уступающие всполохам на небе. Сеть пешеходных дорожек, выложенных плитами местного камня, сходится у двух больших домов со сферическими крышами. В центре этих шестнадцатиквартирных зданий запрятаны крытый двор с оранжереей и фонтаном, детский сад с бассейном, столовые, видеоцентр, студия кабельного телевидения, компьютерный центр... Неподалеку, на склоне горы, расположился спортивно-рекреационный центр, горнолыжная и бобслейная трассы.

Должен признаться, этого поселка еще нет в натуре. Но не исключено, что он вскоре появится на севере Свердловской области. Во всяком случае, уже создан штаб эксперимента, научное руководство принял на себя Институт проблем освоения Севера Сибирского отде-

ления АН СССР, а за право строить и владеть таким эталонным поселком боролись сразу несколько министерств. Победил Мингазпром. Не без трудностей, но идея постепенно начинает осуществляться. Не так уж трудно предсказать, что, когда дело дойдет до реализации проекта, на строительство поселка целевым назначением будут выделены необходимые средства. Появятся новые восторженные публикации в газетах и съемки ударной группой ЦТ, авторы проекта получат в худшем случае медали ВДНХ, а может быть, и одну из престижных премий. Любопытаться эталонным поселком приедут многочисленные туристы — наши и зарубежные. Гиды объяснят: «Вот такими в итоге должны стать все наши поселки». Не скажут только, когда...

**А ЧТО ЖЕ МЫ ИМЕЕМ
СЕГОДНЯ!**

Дисплеи подсчитывать не будем, бобслейные трассы в рас-

чет не возьмем. Но и без них картину радужной не назовешь. По свидетельству Госкомстата СССР, в 1986 году из имеющихся в стране почти четырех тысяч поселков городского типа полтысячи не имели водопровода, две тысячи — канализации. Да что там поселки: из 2170 городов 37 существуют без водопровода, 366 — без канализации. О деревне вообще лучше умолчать (что и делают справочники Госкомстата СССР): элементарные коммунальные удобства имеют не более одного процента сел нашей страны.

Но вернемся все же к поселкам. Опишу другой — шахтерский, расположенный в Донбассе, в пригороде города Енакиево. Население — около двух тысяч человек. Уютных коттеджей немного, в основном поселок состоит из каменных двухэтажных восьмиквартирных зданий. Канализации нет. «Удобства», естественно, во дворе. Водопровод — тоже, хотя многие жители незаконно провели к себе в квартиры трубы. Дороги и тротуары разбиты донельзя, уличное освещение практически отсутствует, медпункт закрыт два года назад из-за отсутствия персонала, из всей службы быта — одна парикмахерская, где мастер перед началом работы должна растопить печь (отопление в большинстве домов печное). Автобусы должны ходить по расписанию, но даже старожилы не помнят, когда это расписание соблюдалось.

Теперь попробуйте из двадцати раз отгадать, как может называться такой поселок? Просто и буднично — Стандартный.

Кстати, в Советском энциклопедическом словаре слово «стандарт» трактуется следующим образом: «...в широком смысле слова — образец, эта-

лон, модель, принимаемые за исходные для сопоставления с ними др. подобных объектов».

Будем сравнивать? Например, с эталонным поселком?

Нет, я не против него, но чем провинился перед судьбой Стандартный?

Отгрохать Эталонный — за это охотно берутся министерства, каждому охота прослыть поборником прогресса, а возиться с каким-то заброшенным хутором — увольте, на то есть местные власти.

Что же, если местные власти действительно начинают заботиться о жителях, у них кое-что получается. Примером может служить еще один поселок, расположенный тоже в Донбассе, тоже в Енакиевском районе, но не в пяти, а в двадцати пяти километрах от города, при шахте «Ольховатская». Знаменит он в первую очередь тем, что живут в нем довольные люди. Нет проблем? К сожалению, есть, и немалые. Но постепенно многие из них здесь же и решаются. Приходит, например, в поссовет житель отдаленной от магазина улицы Красный Яр и спрашивает председателя исполкома Виктора Ивановича Данько: «Почему у нас приличного магазина рядом нет?» Данько отвечает: «Буду думать». Идет в отдел рабочего снабжения, к директору шахты Николаю Александровичу Аушеву, к жителям улицы. Разговаривает. В итоге шахта выделяет материалы, общественность строит шлаконаливной домик, а ОРС производит отделку и «начинку». Я был в том магазине — все оказалось вполне «на уровне». И жители довольны.

Еще пример. Приходит к тому же Данько житель улицы Петровской с жалобой: электроэнергия подается в дома с перебоями, линия требует ка-

питательного ремонта. Председатель отвечает: «Митя, поговори с людьми. Ямки выкопаете — столбы дадим». Через месяц шахтные электромонтеры тянут по новым столбам новую линию. А ямки уже копают жители улицы Калинина.

Не в пример Стандартному, есть на улицах поселка Ольховатский и телефоны-автоматы. Данько выпросил в Енакиевском узле связи списанные кабины, общественность их установила где надо, а шахтные связисты провели провода и поставили аппараты.

Перечисление, как говорится, можно продолжить. Получается, что можно находить выходы даже из тупиков. Поселок Ольховатский, кстати, так раньше и называли — Енакиевский тупик. Во-первых, из-за отделенности. Во-вторых, худшего поселка не было во всей округе. Шахта, между прочим, тоже была худшей во всем объединении «Орджоникидзегуоль», теперь — одна из лучших и перспективных.

ПОЧЕМУ ЖЕ ВСЕ ИЗМЕНИЛОСЬ

— Мне повезло с директором шахты, — говорит председатель исполкома поссовета. — Аушев поддерживает любую идею, касающуюся благоустройства поселка. Заметили, например, какие у нас красивые и удобные «автоожидалки» — павильоны на автобусных остановках? Каждая на свой лад, а проекты — Аушева.

— Мне очень повезло с председателем поссовета, — говорит и директор шахты. — Данько у жителей в большом авторитете, силами общественности сделана половина всего, что сделано.

Вот вам и весь «механизм»: обоим повезло — оба и везут.

Можно в одном месте — значит, можно и в другом? Но в поселке Стандартный никто никого не хвалит. Поссовет там ликвидировали десять лет назад, причислив поселок к городскому микрорайону, а директор шахты «Красный Октябрь», при которой в свое время возводился Стандартный, — не столь заботливый руководитель, как Аушев. Может быть, все дело именно в этом? Увы... Помню, как заскреб в затылке директор Аушев, когда я спросил его, сколько средств он тратит на поселок: общественность, конечно, сила большая, но материалы, специальные работы идут за счет шахты. Сколько же идет?

Вызванная в директорский кабинет бухгалтер сначала дала мизерную цифру. Потом, после нашего общего хохота, немного добавила. И еще, и еще... В итоге выяснилось, что расходы шахты на совершенно непроизводственную деятельность за последние пять лет составили без малого миллион рублей. Цифра приблизительная и неполная, потому что поселковые столбы и телефоны, дороги и «автоожидалки» шахтные экономисты старательно прячут за самыми различными статьями графы «основное производство». Порой так замаскируют, что не сразу найдешь.

Опытному ревизору или сотруднику правоохранительных органов, впрочем, при желании не составит большого труда отыскать здесь кучу злоупотреблений из числа так называемых «бескорыстных преступлений». Термин чисто наш, отечественный, порожденный ситуацией в экономике, отсталостью нормативных документов, инструкций, когда те, кто всем распоряжается, ни за

что не отвечают, а те, кто отвечает, ничем не распоряжаются. И тогда, чтобы проявить заботу о людях, приходится идти на нарушения. И Аушев вынужден идти на них. И нынешний генеральный директор объединения «Орджоникидзеуголь» О. С. Аносов стоит на тех же позициях. До его прихода сюда при ежегодных затратах объединения на производственные нужды в полтора миллиона рублей на социальные нужды выделялись буквально крохи. Аносов резко изменил ситуацию, потребовал от директоров шахт вплотную заняться проблемами подшефных шахтных поселков. В мероприятиях социального развития и благоустройства есть уже и Стандартный: вложено больше миллиона рублей на прокладку в поселке канализационного коллектора, начинается капитальный ремонт домов...

Можно делать больше? Не знаю. И Аносов не знает. И тот же Аушев лишь развел руками в ответ на вопрос, где проходит граница между вкладыванием средств в соцкультбыт за счет производства, но на благо производства — и между «растаскиванием» шахты на жилые дома и клубы, поселковые дороги, магазины и прочее. Но как долго можно заставлять руководителя лавировать между законностью и необходимостью? В такой ситуации хорошо себя чувствует тот руководитель, который не желает проявлять особой заботы о своем поселке. Он может оправдаться нежеланием нарушать инструкции и будет прав. Но, с другой стороны, сегодня процесс благоустройства шахтерских поселков под Бнакиево напоминает перетягивание короткого одеяла. К счастью для Аушева, далеко не все его коллеги желают тянуть

это одеяло на себя. Но если завтра каждый директор каждой шахты будет действовать, как Аушев, кому отдаст предпочтение Аносов? Или поставим вопросы иначе: что будет с поселками, если на место Аносова и Аушева к руководству придут другие люди — великолепные производственники, но более равнодушные к нуждам своих рабочих? И самое главное: как должно быть?

Раньше я думал, что неустроенность многих наших городов, поселков и деревень — следствие неумелого руководства, неправильного распределения средств, при котором одни получают с избытком, а другие живут без необходимого. «Обиженным», значит, нужно добиваться, жаловаться, требовать. Работая над этим материалом, пришел к неожиданному выводу: требовать нельзя, можно только просить.

— Возьмем, к примеру, шахту, — сказал генеральный директор объединения «Орджоникидзеуголь». — Она должна иметь вентиляцию, энергоснабжение, водоотлив (то есть ту же канализацию), телефонную связь, не говоря уже о надежном транспорте (шахтные подъемы) и многом другом. Без этих обязательных компонентов эксплуатация шахты запрещена. Думаю, и наши поселки необходимо обеспечить таким же минимумом «жизнеобеспечения». Над тем и работаем.

Мысль совершенно верная. Но каков должен быть этот минимум? Жители улицы Садовая из Углегорска, города-спутника Енакиева, посчитали, что в «минимум» должно входить наружное освещение. Обратились с таким наказом и получили ответ: «Строительство линии освещения по улице Садовая не планируется». И все, отмечались.

Не могу и не хочу обвинять руководство объединения в пренебрежении интересами жителей подведомственных поселков. Делается для их благо очень многое. Аносов приехал в Енакиево из шахтерской же Горловки, которая стала (и ныне является) для «Орджоникидзеугля» неким ориентиром. Но оптимален ли «горловский вариант»? Не знаю. Завтра на место Аносова может прийти другой руководитель, который будет ориентироваться на другой стандарт. Хорошо, если на более высокий, а если нет?

НЕОБХОДИМ ГОСТ

Существуют СНиП — «Строительные нормы и правила», своего рода кодекс проектировщиков и строителей, где расписано, что может быть построено в населенном пункте с таким-то количеством жителей: клуб — на столько-то мест, больница — на столько-то коек, магазин — такой-то площади. Но...

— Из этих норм мы исходим при проектировании городов, — рассказывал мне в Москве руководитель архитектурной мастерской № 1 проектного института «Гипрогор» А. Цветков. — Есть так называемый веер потребностей человека — в жилье, магазинах и мастерских, поликлиниках и транспорте... Все это в соответствии с нормами закладывается в генеральный план города. А дальше — полная неизвестность. Никто не знает, что из задуманного проектировщиками будет построено, а что не сочтут нужным или возможным. Тщательно разработанные и утвержденные во всех инстанциях генеральные планы городов не имеют законодательной силы. Генплан нельзя

нарушить, допустим, вместо жилого квартала «посадить» завод. Но его можно не выполнять. И это тоже предусмотрено СНиПом, один из параграфов которого гласит: «Нормы настоящей главы не являются основанием для определения конкретных объемов строительства и финансирования, устанавливаемых в соответствии с народнохозяйственным планом».

«Кодекс» на поверку оказался благими пожеланиями проектировщиков плановикам и распорядителям кредитов. Он, правда, и существует как «голубая мечта о счастливом будущем». В 60-е годы, например, в строгом соответствии со СНиПом в генпланы городов закладывалась норма жилья, пригодная и для коммунизма — 24 квадратных метра на человека. Сегодня решено считать нормой 18 метров — и то лишь на перспективу.

Как же обосновывается необходимость конкретного строительства конкретного объекта социально-культурно-бытовой сферы в том или ином месте? По-разному. В поселке Ольховатский, например, стоит прекрасная современная школа «на вырост», заполненная учениками пока лишь на треть — земляк-космонавт помог пробить. Где-то пишут «наверх» коллективные письма; где-то действуют через своего депутата Верховного Совета, через друзей или родственников в планирующих органах... Можно всячески ругать эту систему, при которой одни могут роскошествовать не по средствам, а другие не получают минимально необходимого. Но другой системы пока просто нет.

А она должна быть, она просто необходима. Сегодня нам нужны практические нормы

современного уровня жизни людей. Необходим ГОСТ — стандарт советского образа жизни в смысле среды обитания, ниже которого опускаться нельзя.

Ведь посмотрите, что нынче получается? В одно и то же самое время у нас могут существовать поселки «без проблем» — Эталонные, и поселки, где от проблем некуда деваться, — Стандартные. В результате жизненный уровень многих людей зависит не от их трудового вклада, даже не от положения отцов и дедов, а порой от географических причин. И получается, что у нас нет возможности отдать старые долги жителям многих и многих населенных пунктов, которые сооружались не в столь счастливые времена, но без которых страна бы не вышла к сегодняшнему благополучию.

А с другой стороны посмотреть — можем очень многое. Можем возвести шикарные особняки для руководителей больших и малых рангов — те самые, которые сегодня передаются под детские сады, профилактории и гостиницы. Можем отгрохать на Чукотке дворец пионеров из стекла и алюминия, где на третий день зимы плавательный бассейн превращается в каток. Можем запроектировать и построить идеальный поселок на Севере. Приветствуем подобный «бросок в будущее» — мол, дух времени обязывает. Почему-то мне кажется, что в этом часто присутствует дух показухи.

Наверное, я перехлестываю. Но уж слишком «горяч» материал. В последнее время даже иные русские народные сказки начал воспринимать критически. «Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне

передом...» Типичнейшая показуха!

Но вот вопрос: установление ГОСТа на среду обитания человека не повлечет ли за собой новую уравниловку. И каким образом можно, соблюдая принцип социальной справедливости, обеспечить всех и каждого оптимальным набором жизненных благ? В поисках ответа на этот вопрос я пришел к заместителю председателя Владимирского облисполкома, председателю областной плановой комиссии Юрию Алексеевичу Дмитриеву. Почему именно к нему — объясню позже. А пока — несколько слов о самой области.

ЧТО МОЖЕТ СОВЕТ

Область — одна из крупнейших в Российской Федерации. С высокоразвитой промышленностью и немалым сельским хозяйством. Здесь производится десятая часть выпускаемых в стране экскаваторов, 24 процента мотоциклов, 28 процентов сортовой посуды, 12 процентов радиоустройств, самая разнообразная продукция машиностроения. О легкой промышленности и говорить не приходится. Мы привыкли считать Иваново текстильным краем, но Владимирщина производит в год разнообразных тканей почти столько же, сколько Польша и Венгрия, вместе взятые. Ответьте: заработали ли жители этой области право на обладание элементарными благами цивилизации?

А вот что они имеют. На сегодняшний день лишь 93,5 процента жилого фонда (не считая личных домов) оснащено водопроводом, только 90,8 процента жилья имеют канализацию, далеко не все квар-

тиры располагают центральным отоплением, горячей водой, газом, ванными. Более того: в последние две пятилетки в области сокращалось строительство объектов социально-культурно-бытового назначения. Даже в областном центре две трети школ сегодня ведут занятия в две смены, обеспеченность детскими дошкольными учреждениями составляет 83,7 процента — с учетом того, что в детских садах и яслях Владимира сверх установленных норм содержится более трех тысяч ребятишек. Или возьмем медицинскую помощь — во Владимире на 10 тысяч жителей имеется лишь 88 больничных коек при норме 138,6.

В социально-культурно-бытовой сфере, как ни в какой другой, абсолютных критериев не существует — только относительные.

— Как известно, финансирование и обеспечение ресурсами социальной сферы у нас осуществляется по двум каналам, — поясняет Ю. Дмитриев. — Первый — по линии Советов, второй канал, самый богатый, — ведомственный. Без вклада ведомств в развитие непроектной сферы города и поселки у нас жить пока не могут. Но сколько они вкладывают? Увы, кто сколько захочет. Где предприятие побогаче или министерство щедрее, там и жизнь получше.

Что в итоге? В благополучных городах и поселках люди всем довольны. В неблагополучных... Дело даже не только в настроении жителей, хотя для всех нас это очень и очень немаловажно. Здесь проявляется и «побочный фактор». Как только крупное промышленное предприятие начинает создавать в малых городах или поселках чрезвычайно выгод-

ные небольшие филиалы, сразу выявляется жесткая закономерность: чем заброшеннее данный городок, тем труднее наладить здесь производство современной высококачественной продукции. В теории это было известно и раньше: качество — производная не столько квалификации, сколько общего культурного уровня, эстетической развитости рабочих и служащих, инженеров и техников. Теперь подтверждается практически: то, что общество недодало людям вчера, они недодают обществу сегодня. С большими процентами.

— Экономические мотивы, конечно, тоже вынуждают нас заниматься повышением жизненного уровня людей, — продолжает Ю. Дмитриев. — Но главное все же для нас — сами люди. В конце концов человек работает, чтобы жить, а не живет, чтобы работать. А за уровень жизни людей обязан отвечать Совет. На XXVII съезде КПСС, кстати, было ясно сказано о необходимости сделать каждый Совет полным и ответственным хозяином во всем, что касается удовлетворения повседневных запросов и нужд людей, в использовании выделяемых средств, местных возможностей и резервов, а главное — в координации и контроле за работой всех организаций в части обслуживания населения. Но хозяин ли Совет на своей земле? На протяжении многих лет обисполком пытался всячески воздействовать на директоров предприятий союзного и республиканского подчинения, на министерства. Мы просили, требовали от них увеличения капитальных вложений в социальную сферу, чтобы создать хотя бы минимум благ для всех жителей области. Резуль-

таты наших хлопот не радовали. А за счет средств местных Советов мы можем строить лишь 26 процентов областной программы по жилью, 20 — яслей и 14 — детских садов. С учреждениями культуры и отдыха положение еще хуже. Вот почему мы охотно взялись за проведение в области эксперимента.

Эксперимент состоял в следующем. Трех территориям (в итоге это оказались Владимирская, Куйбышевская области и Эстонская ССР) предоставлялось право объединить, начиная с 1988 года, все средства предприятий на гражданское строительство, независимо от ведомственной подчиненности. Облисполком мог, таким образом, стать действительным хозяином на своей территории, начать хотя бы выравнивание уровня жизни во всех городах и поселках (без сельской местности, Агропром в условия эксперимента не входил).

Специалисты областной плановой комиссии заехали на расчеты: сколько области нужно жилья, детских садов, магазинов и прочего. Ориентиром взяли 2005 год, надеялись к этому сроку обеспечить все города и поселки хотя бы минимумом социальных благ. Выяснили, какие министерства сколько задолжали области на развитие социальной сферы. Сначала было желание затребовать по максимуму. Все же решили быть реалистами. Прикинув, сколько средств область ежегодно тратила на соцкультбыт (около 185 миллионов рублей), плановики представили все расчеты в Госплан СССР. Надеялись, что там просто снимут соответствующие суммы с каждого из министерств и выделят средства на соцкультбыт непосредственно облисполкому единым куском,

целевым назначением. Тогда область могла бы распоряжаться этими средствами вполне самостоятельно, вкладывая их туда, куда необходимо.

— Увы, Госплан не обратил на нашу просьбу никакого внимания и выделил средства как обычно по ведомствам, а нам предложил походить по предприятиям «с протянутой рукой» за долевым участием в гражданском строительстве, — с грустью сказал Дмитриев. — На самой идее можно было ставить жирный крест: с «долевиками» облисполком обязан рассчитываться в строгом соответствии с вложенными средствами. Опять же торжествовал «остаточный принцип»: ведомства, которые и раньше скупались на соцбыт, по-прежнему оставались в должниках. То есть эксперимент готов был рухнуть, не начавшись.

Таким образом, даже если бы существовал ГОСТ на среду обитания человека, даже экспериментаторы — владимирцы — не смогли бы осуществить его на практике: деньгами по-прежнему распоряжаются не они. И тем не менее, имея мы такой ГОСТ, облисполком имел бы законные основания требовать от соответствующего министерства выделения средств, допустим, на клуб или кинотеатр (не говоря уже о водопроводе) не просто потому, что с клубом лучше, чем без него, а потому, что без клуба нельзя — ГОСТ не позволяет.

ИЗМЕНИТСЯ ЛИ СИТУАЦИЯ!

Собственно говоря, именно из-за эксперимента я и приехал во Владимир к Дмитриеву. И вот что услышал от него.

— На практике, однако, сей-

час ситуация ухудшается. Как известно, с января 1988 года вступает в силу Закон о государственном предприятии (объединении), предприятия переходят на хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование. При этом меняется сам принцип выделения средств на социальную инфраструктуру. Предприятия будут строить жилье не за счет централизованных источников финансирования, а за счет собственных средств. И если раньше на законных основаниях облисполком забирал у предприятий от 20 до 40 процентов жилья, то теперь только 8 процентов и лишь при долевом способе строительства. Эти 8 процентов используются для обеспечения жильем граждан, проживающих в сносимых домах, и для предоставления служебной жилой площади работникам, непосредственно обслуживающим жилой фонд.

А как теперь обеспечивать инвалидов войны, семьи погибших и других граждан, которым исполком раньше предоставлял площадь за счет жилья, удерживаемого у предприятия, если в минувшем году, например, во Владимире лишь шесть процентов жилья было построено за счет местных Советов. Ведь средств у исполкомов по-прежнему нет.

Правда, теперь предприятия должны участвовать в формировании доходов местного бюджета, предназначенных на финансирование инфраструктуры и благоустройства территорий. Но что будет, если какое-то предприятие не сумеет заработать достаточно средств, чтобы расплатиться с городом?

С этой ситуацией мы уже встречались в Донбассе, на примерах поселков Стандартный и Ольховатский. Там, в первом случае, поселок влачит

жалкое существование, во втором жизнь идет более-менее нормальная за счет предприимчивости директора шахты. При переходе объединения на полный хозрасчет оно просто не сможет содержать свои поселки.

Страдать же будет в первую очередь население. В этой ситуации никакой ГОСТ не сможет наладить в данном городе (поселке) жизнь даже с минимумом социальных благ. Но эта же система не помещает созданию эталонных поселков и городов, которые еще ни рубля не заработали на свое обеспечение максимум этих самых благ. Справедливо ли?

— Во-первых, мы считаем своей обязанностью обеспечить нормальную жизнь людей на всей территории области, независимо от того, как работают предприятия, — сказал Ю. Дмитриев. — А поэтому, думается, все предприятия, расположенные на нашей территории, обязаны участвовать в формировании доходов местного бюджета, предназначенных на финансирование развития инфраструктуры, независимо от результатов производственной деятельности. Причем размер соответствующих платежей должен устанавливаться сам местный Совет.

Что это даст? Возможность влиять на структуру промышленности, даже на демографическую ситуацию в регионе. В области, например, есть «текстильные городки» с преобладанием женского населения. И если бы какое-то министерство начало присматривать для себя площадку для строительства предприятия, на котором должны работать в основном мужчины, область могла бы снизить размер платежей в «текстильных город-

ках», но повысив ее в городках машиностроительных. И наоборот.

Указанные платежи дадут возможность территории планировать повышение жизненного уровня населения и добиваться этого повышения. Вместе с оптовой торговлей стройматериалами и оборудованием платежи, сделав местные Советы достаточно богатыми, дали бы возможность территории самой, без просьб у министерств и ведомств, соорудить для людей все необходимое, начиная от коммунальных удобств и кончая развитой социальной инфраструктурой.

Социальная справедливость при этом не будет нарушена: если все жители области получат за счет местных Советов обязательный минимум социальных благ, то работники передовых предприятий смогут иметь максимум: дополнительные санатории и профилактории, дополнительное жилье, более высокую зарплату, спортзалы и бесплатные столовые на предприятии. Смысл в том, чтобы при наличии «богатых» (по труду) не было «бедных». И пусть это будет нашим главным социальным завоеванием. Причем тогда местный Совет сможет постоянно поднимать планку «минимума» в соответствии с увеличением общественного богатства.

А «идеальные поселки»... Считается, что они нужны как

пример, как модели. Возможно. Но гораздо нужнее нам система, не позволяющая иметь такие поселки, как Стандартный — раз и навсегда построенные, а потом если и меняющиеся, то лишь в худшую сторону.

Пока такая система только начинает создаваться. При таком положении все это похоже на скорый поезд, на вагонах которого крупными буквами написано «Прогресс». Мчится он через годы и десятилетия, и все мы — пассажиры этого поезда, и каждому рано или поздно приходится сойти. Кто-то сошел в Стандартном, кто-то ждет Эталонный. Но поезд-то продолжает мчаться. Не получится ли, что жители следующей станции, которым достанется поселок атомщиков, какой-нибудь Идеальный, будут с усмешкой смотреть на жителей Эталонного, лет через 50 ставшего совершенно непригодным для нормального (для того, будущего времени) житья — несмотря на свои дисплеи, к тому времени перегоревшие, и бассейны, из которых давно ушла вода.

А ведь сегодня мы считаем совершенно нормальным наличие в стране и «голубых городов», и совершенно позорных мест, куда не только иностранцев не зовем на экскурсии — свои бы глаза не глядели. Вот и стараемся не глядеть.

С ПЕРВОГО ЯНВАРЯ НЫНЕШНЕГО ГОДА ВСТУПАЕТ В СИЛУ ЗАКОН СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК О ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ (ОБЪЕДИНЕНИИ).

Настоящий Закон в соответствии с Конституцией СССР определяет экономические и правовые основы хозяйственной деятельности социалистических государственных предприятий (объединений), укрепляет государственную (общенародную) собственность на средства производства в промышленности, строительстве, агропромышленном комплексе и других отраслях, расширяет возможности участия трудовых коллективов в эффективном использовании этой собственности, в управлении предприятиями и объединениями, в решении государственных и общественных дел.

В ИДЕАЛЕ—ДА! А В ЖИЗНИ?

СЛОВО РАБОЧЕГО

Предприятие обязано эффективно использовать труд работников и на этой основе добиваться повышения благосостояния коллектива, успешного решения задач его производственного и социального развития.

Из статьи 14 Закона.

О хозрасчете в последнее время пишется и говорится много. И на нашем Западном судоремонтном заводе немало было разговоров, официальных — на многочисленных собраниях, различных конференциях и неофициальных — в обеденный перерыв, во время перекуров, по пути с работы. Не случайно все это, ведь с января нынешнего года хозрасчет перестал быть для коллектива просто словами, превратившись в экономические принципы, по которым нам предстоит жить и трудиться.

И тем не менее и у меня, и у моих товарищей было, да и по сей день остается немало сомнений, связанных с переходом на новые условия работы, есть определенная доля неуверенности: получится ли все так, как задумано?

Слов о преимуществах экономических методов управления сказано немало, но так уж получилось, что словам, даже самым громким, мы сегодня не торопимся верить. Знаем, что слово, к сожалению, не всегда еще дело.

Люди моего поколения хорошо помнят, какой верой, какими надеждами сопровождалось начало экономической реформы 60-х годов. И тогда говорили о самостоятельности, ответственности, о прямой зависимости оплаты труда от его количества и, главное, качества. Однако вскоре стало ясно, что надежды не оправдались, реформа сошла на нет. Почему это произошло? Многие и тогда задавали такой вопрос, да и сегодня ищут на него ответ. А я как человек рабочий и, может быть, более всех заинтересованный в настоящем порядке на производстве, считаю, что многочисленные директивы «сверху», установки типа «министерство решило» свели на нет инициативу и самостоятельность трудовых коллективов, в немалой степени послужили причиной неудачи реформы.

Гарантированы ли мы от подобных неудач сегодня? Много думал об этом, размышлял о состоянии дел на нашем заводе и должен прямо сказать, что положительного ответа на этот вопрос дать не могу. Я хорошо запомнил слова М. С. Горбачева, сказанные на встрече с трудящимися Мурманска: хозрасчет, попросту говоря, без употребления политэкономических категорий, терминов, сводится к простой вещи — это поощрение хорошей работы и соответствующая оценка плохой. И мы так понимаем: хозрасчет ставит в прямую зависимость доходы рабочих, а значит, и наше положение, благосостояние от конечных результатов. Но при существующем положении дел с планированием и распределением объемов работы конечные результаты нашего труда, его высокое качество от нас, рабочих, зависят, увы, не всегда.

Утвердив график ремонта судов на год, Минрыбхоз СССР систематически пересматривает его в сторону увеличения, вносит в нашу работу нестабильность, тем самым исключая возможность правильно, по-хозяйски распределить время и силы бригады.

Поясню на конкретных фактах и цифрах. Производственная мощность завода — 30 млн. рублей в год. Именно в размере этой суммы предприятие может осуществлять полноценный ремонт 10—12 судов, именно столько завод может гарантировать качество. При составлении сметы на ремонт в ней не предусматривается весь объем работ, с одной стороны, многие неполадки «вылезают» во время ремонта, когда он идет полным ходом, с другой — нехватка денег из-за желания заказчика любой ценой поставить суда в ремонт. На первый взгляд в этих условиях никакой хозрасчет не может нас пугать. Есть объемы работ, известны производственные мощности, казалось бы, хозрасчет должен органично вписаться, а его принципы будут способствовать повышению и производительности труда и качества работы. Словом, каждый работник на заводе становится заинтересованным в проведении качественного ремонта судов в четко установленные сроки.

В идеале — да. А в жизни? Будучи крайне заинтересованными в соблюдении сроков ремонта, все равно мы, получая задание, знаем, что оно будет сорвано. Знает об этом и руководство завода, данный факт не является секретом и для Министерства рыбного хозяйства СССР. Более того, своими распоряжениями, разнарядками «сверху» министерство как бы планирует и срывает планового ремонта судов, и нестабильность в работе.

Как правило, число судов, находящихся в ремонте, вдвое превышает реальные возможности завода. Возникают они у причалов стихийно, зачастую неожиданно, вызывая при этом в коллективе недоумение и сомнение в разумной целесообразности министерских ре-

шений. Вот недавний пример. По той причине, что у ряда судов закончился регистр плавания, все они были поставлены у причалов завода в дополнение к имеющимся плановым и каждое «получило» приблизительно по 800 тыс. рублей для проведения ремонтных работ, которые провести на данные средства невозможно. Тем не менее, планируя нереальное, кому как не заказчику хорошо известно об этом. Однако, не задумываясь о конечном результате, министерство решает свою сиюминутную проблему: суда с просроченным регистром плавания необходимо срочно куда-нибудь пристроить. Пристроили. В данном случае к нам на Западный судоремонтный завод.

И вот результат. Плавбаза «Николай Данилов» вместо плановых восьми месяцев находилась в ремонте три года. Рабочие моей бригады помнят, сколько раз мы приступали к ее ремонту, затем срочно отзывались на очередное внеплановое судно, опять возвращались. Такая нестабильность, отсутствие конкретных и экономически обоснованных объемов работ, что определяет также реальность устанавливаемых сроков, отведенных на проведение этих работ, лихорадит бригаду, вызывая то простои, то штурмовщину. И, главное, мешает быть удовлетворенными своим трудом. Какое уж здесь удовлетворение, если все мы знаем, что корабль, который стоит и не эксплуатируется, подвержен интенсивному старению и разрушению. Вот и получается, пока мы неоправданно долго ремонтируем судно, его физический износ растет буквально не по дням, а по часам.

Пример плавбазы «Николай Данилов», к сожалению, не единичен. Многие суда простаивают в ремонтных доках по два-три плановых срока по той лишь причине, что порядок у нас на производстве еще не наведен и ряд решений министерства, честное слово, вызывает сомнение в том, что это будет сделано в ближайшее время.

Мы понимаем, что переход на новые условия работы потребует проявления новых качеств у руководителей коллективов. Ведь известно, что не все выдерживают проверку хозяйственной самостоятельностью. В условиях хозрасчета нужно уметь предвидеть, чем обернется любое сегодняшнее решение, какова в конечном счете цена и приказа, и поступка.

На мой взгляд, не только нам, рабочим, предстоит многое изменить в своих убеждениях, психологии, привычках. Подобные изменения обязательно должны происходить и в сферах управления. Иначе произойдет то, о чем предупреждал В. И. Ленин: «...можно ли народу продолжать показывать, что мы хотим строить? Нельзя! Самый простой рабочий в таком случае станет издеваться над нами. Он скажет: «Что ты все показываешь, как ты хочешь строить, ты покажи на деле — как ты умеешь строить. Если не умеешь, то нам не по дороге, проваливай к черту!». И он будет прав» (Ленин и В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 169). На мой взгляд, многим еще полезно знать эти ленинские слова и всегда помнить о них.

Вот почему сегодня и у меня, четырнадцать лет проработавшего на заводе, и у многих моих товарищей нет уверенности в том, что у нас на заводе принципы хозяйственного расчета смогут выстоять и одолеть сложившиеся привычки, стиль работы отдельных министерских руководителей, которые никак не вяжутся с требованиями дня. И по этой же причине мы начинаем работать в новых условиях с известной долей сомнения и настороженного отношения к происходящим переменам.

Хозрасчет должен поставить нашу зарплату в зависимость от результата труда, так мы понимаем основную задачу сегодняшней экономики. Рабочего человека нынче уже не надо убеждать в том, что зарплата должна быть заработана. Но в этот процесс зарабатывания никто не должен вмешиваться. Увы, пока вмешиваются, и гораздо чаще, чем требуется. Потому, наверное, что вмешиваться легче, чем научиться по-настоящему считать, учитывать, прогнозировать. И как итог недалевидной экономической стратегии по приказу «сверху», вопреки утвержденному графику и плану у причалов завода появляется плавбаза «Светогорск», а транспортный рефрижератор «Пролив Виктория» ставится в ремонт на месяц позже утвержденного срока. И опять привычная переброска бригад с одного судна на другое, третье... И «выбивание» материалов, запасных частей.

Я так понимаю: низкое качество труда и хозрасчет несовместимы. И из Закона о государственном предприятии (объединении) вытекает, что одна из главных задач трудовых коллективов — наиболее полное удовлетворение спроса потребителей на отличные изделия. Окончательную и объективную оценку труду коллектива нашего завода выносят рыбаки, ведущие лов в различных широтах Мирового океана. Оттого, насколько качественно, по совести рабочей сделан ремонт, зависят эффективность их труда, их заработок, а нередко и безопасность. Каждый из нас понимает это, но и каждый знает, сколько при спешке и штурмовщине допускается недоделок, как требование закончить ремонт любой ценой сказывается на качестве. Чего греха таить, и я, с 1980 года работая с личным клеймом, не раз поступал против своей совести, заведомо зная, что выпускаю брак. И вот что я думаю: если нам и в новых условиях придется выбирать между «сделать в срок» и «сделать качественно», то многое из намеченного, разумного и правильного, вновь останется лишь словами.

Меня могут спросить: что ты хочешь и что предлагаешь конкретно? Я отвечаю: мне и моим товарищам по бригаде нужно конкретное, экономически обоснованное задание. Нужна гарантия, что ничье директивное распоряжение вдруг не внесет в него коррективы. Требуется также четкая система материально-технического обеспечения всем необходимым для проведения ремонта. Словом, мы готовы работать в условиях, когда трудиться плохо невыгодно. И обществу, и нам. Но готово ли к этому Министерство рыбного хозяйства — наш основной заказчик и вышестоящая инстанция?

П. АЛЬФИМОВ,
бригадир корпусного цеха
Западного судоремонтного завода

г. КЛАИПЕДА

КОПЕЕЧНЫЙ СЧЕТ

ОБ ОПЫТЕ РАССКАЗЫВАЕТ ЖУРНАЛИСТ

Предприятие действует на основе социалистической законности. В условиях полного хозяйственного расчета и самофинансирования оно наделяется широкими правами, соблюдение которых гарантируется государством.

Из статьи 2 Закона

Билет в общественном транспорте давно уже стал анахронизмом. По сути дела, он превратился в некую квитанцию, свидетельствующую о честности пассажира, и средство для отражения атак контролера. Никакой иной функции у этого клочка бумаги нет в отличие от других билетов. Простой пример: разница в цене билета на киносеанс указывает на разную степень удобства для зрителей: чем лучше, тем дороже. То же самое в театре, поезде, самолете, наконец, бане. Примеров можно подобрать предостаточно. А вот для чего билет в общественном транспорте? Для доказательства, что ты не вор...

Причем и как средство защиты от воришек, утаскивающих из государственного кармана за поездку пятак, билет свое назначение не выполняет. Иначе не было бы у нас такого количества «забывчивых» пассажиров. По самым скромным подсчетам, каждый третий пассажир общественного транспорта в стране забывает приобрести билет. Только в Москве контролеры-ревизоры обнаруживают за год в среднем более 500 тысяч тех, кто не оплатил проезд. Даже увеличение суммы штрафа за безбилетный проезд с одного рубля до трех никак не сказалось на их числе. Вдумайтесь только: карать за нарушение стали в три раза строже, а число нарушений не уменьшилось!

В прошлом году от билетов в Москве решили избавиться и заменили их неким суррогатом — абонементным талоном. Покупают их сразу десятком, потому что меньше никто не продаст, а там уж дело твое: хочешь кататься — хочешь нет. Самим транспортникам совершенно безразлично, вошел ты в автобус, троллейбус или трамвай, пробил ли ты компостером талон и стал полноправным пассажиром или нет, — деньги уплачены, а значит, и работа выполнена, и карман для премии можно раскрывать...

Постойте, скажут транспортники, но ведь для определения того, перевезены пассажиры или нет, существует, помимо выполнения финансового плана, сбора выручки, и масса других показателей: число выполненных рейсов, пробег машин, расход горючего. Но практика доказывает, что показатели эти второстепенные в силу

того, что выводятся самими транспортниками, а в кассу деньги кладут пассажиры. И как ни крути, их пяточки — единственное на сегодня реальное мерило проделанной работы. И не только сегодня, а особенно сегодня, когда балом в экономике правит хозрасчет. Когда не то что пяточок, а буквально каждая копейка у рачительного хозяина должна быть на учете. Иначе прогоришь. И не на копейки, а на миллионы. По некоторым оценкам, около полумиллиарда рублей за год недополучает казна от тех, кто не оплатил проезд в общественном транспорте. Чем меньше копеек в кассах, тем больше рублей уходит из городских бюджетов на покрытие расходов для содержания общественного транспорта. Тем меньше будет потрачено на другие социальные нужды. Что такое полмиллиарда, представить очень просто, если знать, что один вполне приличный многоэтажный дом обходится в миллион...

Несколько лет назад об этом всерьез задумались в Тбилиси. И пришли к выводу, что существование билетов — это бессмысленная роскошь, если не сказать — расточительство. Что подозревать в нечестности поголовно всех горожан, пользующихся общественным транспортом, как, впрочем, и гостей города, бессмысленно еще больше! А тогда зачем нужны контролеры? И решили создать такую систему взаимоотношений транспортников с пассажирами, такие условия, при которых ответственность за поездку будет равной, как говорится, обоюдной.

На деле это означало вот что: из салонов четырех автобусных маршрутов в один прекрасный день исчезли билеты. Но кассы остались. И выручки в них стало собираться в несколько раз больше. Почему? Да потому, что полноправным хозяином автобуса стал водитель. И они, водители, стали впускать пассажиров на остановках через переднюю дверь, а выпускать через заднюю. Касса — под рукой у водителя, и никто, по сути, не может проشمыгнуть без оплаты.

Нет, может, возразит скептик. Так, как у нас вламываются в общественный транспорт, не то что один, все без оплаты проشمыгну! И это тоже предусмотрели в Тбилиси! Для того, чтобы собрать всю выручку до копейки, надо сделать так, чтобы автобус подходил к остановке строго по расписанию, чтобы не было толчеи и оторванных пуговиц. И вот итог, который тогда, несколько лет назад, попросту ошарашивал: на остановках стояли спокойные очереди пассажиров, кто, скучая, разглядывал прохожих, кто почищал книжки. Подходил автобус, люди окидывали взглядом окна — есть свободные места? — и неспешно втягивались в салон. Потом очередь на секунду замедляла, пропуская тех, кто не против прокатиться стоя. Куда спешить, если через строго определенный отрезок времени придет другая машина?

«Как просто! — вновь усмехнется скептик. — Так не бывает. Что ж, никто из водителей в ту кассу руку не запустил?» И появление этого вопроса предусмотрели в своих расчетах тбилисцы. На первых четырех маршрутах месяцами изучался пассажиропоток: по дням недели, часам суток и даже временам года. И все это для того, чтобы с самого начала эксперимента дать водителям максимальное, но реальное задание по сбору выручки. И именно стопроцентный ее сбор стал точкой отсчета для внедрения собственной модели полного хозрасчета. За каждый процент невыполнения бригадой водителей, обслуживающей маршрут, месячного плана сбора доходов от перевозки в трехкратном про-

центном размере сокращается фонд бригады, предназначенный для оплаты труда. Водителю, перевыполнившему план, за каждый процент перевыполнения увеличивается зарплата. Предусмотрены и другие меры за нерадивую работу, как, впрочем, и поощрения за хорошую. На сколько процентов не выполнил график движения, на столько меньше получишь ты сам и члены бригады. Выехал из гаража на неисправном автобусе — месячная зарплата уменьшится на один процент, а если неисправность обнаружится уже на линии, — на три процента. Грязная машина — получишь на полпроцента меньше. Нарушил правила дорожного движения, оказалось в автобусе больше пассажиров, чем положено, — получишь на три процента меньше. Если нагрубил пассажирам — получишь меньше на пять процентов. Мало того, если допустил за месяц более двух нарушений, вообще придется уйти с маршрута.

Обо всем этом говорится в договоре, который заключают бригада водителей и предприятие. Из него становится ясно, что у бригады нет гарантированного фонда зарплаты. Она складывается из разницы между доходами от перевозки пассажиров и расходами на нее. Совет бригады распределяет зарплату. Если допущен перерасход топлива, покрывок, запчастей, то их лимит на следующий месяц сокращается на ту сумму, на какую был допущен перерасход. А чтоб этого не случилось, водители включили в свои бригады ремонтников. Если автобус прошел положенные после ремонта километры, обслуживающий персонал получает прибавку. Сэкономлены запчасти — зарплата вновь возрастает. Не выполнены требования, извините, получите меньше! Так вот, с тех пор зарплата ремонтников, участвовавших в эксперименте, возросла более чем на 130 рублей. На свое содержание взяли водители и бухгалтер. Платят ему в два раза больше, чем прежде, но и работу за это спрашивают.

Каков итог внедрения полного хозрасчета? Если при прежних способах ведения хозяйства на четыре автобусных маршрута государству приходилось выделять в год более 138 тысяч рублей на покрытие убытков, то в первый же год проведения эксперимента было получено более 120 тысяч рублей прибыли. Сократилось число водителей, ремонтников. Зарплата водителей увеличилась более чем на 150 рублей. И городу, и пассажирам, и транспортникам — всем выгодно от такой работы! Казалось бы, спешите, переводите на полный хозрасчет все предприятия, все объединяйте общественного транспорта. Но не тут-то было!

Властной рукой на информации об эксперименте в Москве начерчивается резолюция: а не повлечет ли все это развитие частно-собственнических тенденций... И пусть это всего лишь вопрос, но содержание ответа предопределено. И Министерство финансов СССР рекомендует не спешить с распространением тбилисской модели полного хозрасчета потому, что водители, дескать, стали больше много зарабатывать... И в самой республике стали раздаваться голоса, ратующие за прекращение эксперимента, за внедрение пресловутого транспортного налога. Единственное, что удалось отстоять, так те четыре первые бригады. Продолжение внедрения полного хозрасчета в Тбилисском объединении пассажирского транспорта было признано нецелесообразным...

Но время расставило все по своим местам. Не занимает руководящего кресла тот человек, который считал полный хозрасчет потворством частным собственникам. Вряд ли кто сейчас осмелится воз-

ражать против полного, реального хозрасчета. Хозяева не на словах, на деле нужны!

И в объединении, и в Министерстве автомобильного транспорта Грузии не опустили руки, не заняли выжидательную позицию, а работали над совершенствованием своей модели хозрасчета, веря, что время для него настанет. А пока шлифовали шероховатости, устраняли малейшие неувязки. Бойтся Минфин, что водитель сам ведет инкассацию и может запустить руку в кассу. Малы кажутся финансистам экономические меры против воровства. Что ж, будем подкреплять их другими. Посоветовались с учеными и создали электронную кассу. Билетов в ней нет, как и прежде, но каждый опущенный туда пятак она учитывает с равнодушием автомата, даже лампочку зажигает для всеобщего обозрения: пятак в копилке. А водитель теперь даже получил право запустить руку в кассу в буквальном смысле. Надо разменять купюру или крупную монету, пожалуйста.

Появились и другие новшества, которые позволяют полный хозрасчет сделать наиболее полным. У меня на столе лежит изящный кусочек пластмассы с коричневой продольной полосой. «Министерство автомобильного транспорта Грузинской ССР»,— написано на нем,— система «Роботрон». Войдет с ним водитель в проходную, проведет магнитной полоской по считывающему устройству, и ЭВМ зафиксирует, когда он пришел на работу. Выводишь машину со стоянки, опять-таки с помощью необычного пропуска фиксирует компьютер время выезда. А помимо этого: количество рейсов, получение и израсходование горючего, запчасти, время, проведенное в ремонте, сам вид ремонта, объем выручки и много еще чего другого. В любой момент руководитель может получить благодаря этому всю необходимую информацию о положении дел на предприятии, в любой момент, ориентируясь по данным компьютера, специалист может узнать о появлении неурядиц и принять меры к их устранению. Точность, как говорится, гарантируется. А без точности какой хозрасчет. А чтобы была она предельной, на улицах Тбилиси установили телемониторы, которые транслируют сложившуюся обстановку с перевозками пассажиров.

Порой, сами того не зная, люди вступают в правоотношения и совершают действия, обусловленные законом. Возможно, многие родители, не говоря уж о детях, и не предполагают, что право поездки в общественном транспорте и обязанность оплатить проезд закреплены в статье 14 Гражданского кодекса РСФСР, которая гласит, что «несовершеннолетние в возрасте до пятнадцати лет вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки». А о взрослых речь идет в статье 11. В статье 374 того же кодекса говорится, что по договору перевозки пассажира перевозчик обязуется перевезти пассажира в пункт назначения... пассажир обязуется уплатить установленную плату за проезд». Нарушь любая из сторон условия договора, и неминуемо возникновение ответственности. Так вот, форма полного хозрасчета, найденная в Тбилиси, можно сказать, направлена и на то, чтобы таких нарушений было как можно меньше. Чтобы их не возникало вовсе.

А. ЮФЕРЕВ

От редакции: тбилисская модель полного хозрасчета, внедренная в городском общественном транспорте, сулит выгоды и государству, и горожанам. Вот почему мы намерены содействовать развитию эксперимента и берем над ним шефство.

ИНСТРУКЦИЯ И ОБСТРУКЦИЯ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЮРИСТА

При несоблюдении договорных обязательств предприятие несет экономическую ответственность, возмещает в установленном порядке ущерб, нанесенный потребителю.

Из статьи 16 Закона

Вот ситуация: мебельный комбинат «Великие Луки» договорился с торговлей поставить вместо устаревшей ходовую мебель. Выиграл покупатель, выиграло государство — дополнительно в бюджет поступило свыше миллиона рублей. Но стороны не оформили договор письменно, поверили друг другу на слово, хотя Положение о поставках товаров народного потребления вполне допускает замену ассортимента по предварительному письменному согласованию. Тем не менее местные финансовые органы не засчитали поставку «незаконных» наборов. Вывод напрашивается один: низок уровень правовой подготовки руководителей и специалистов.

Особое значение юридическая грамотность приобретает в условиях перестройки механизма хозяйствования.

Коллегия Минлесбумпрома СССР и президиум ЦК профсоюза еще в январе 1987 года приняли специальное постановление по правовому всеобучу.

Утверждены программы, рассчитанные на различные категории работников. Ведь точное соблюдение законов, умение разбираться в их тонкостях — одна из гарантий стабильной работы коллективов.

И все же это только одна часть проблемы. Другая гораздо глубже. Сегодня приходится признать: переход на полный хозрасчет пока тормозится рядом правовых норм, необоснованно снижающих ответственность смежников за нарушения договорных обязательств. Вот в чем главная загвоздка.

Известно, например, что санкции за недопоставку продукции устанавливаются в процентах к стоимости недопоставленной или неоправленной в срок продукции. При этом действует принцип обязательного восполнения долга. А вот смежники, а именно железная дорога, находящаяся в привилегированном положении. По требованию грузоотправителя она обязана выделить вагоны для восполнения не-

догруза, но лишь в течение следующего месяца. Потом долг сам собой списывается. А как же быть с неотправленной продукцией? Поставщикам наносится немалый ущерб. Ведь штраф за неподачу железной дорогой вагонов в срок всего по 1 рублю с тонны. Партнеры таким образом изначально находятся в неравных условиях. Ведь основной критерий оценки результатов хозяйственной деятельности—100-процентное выполнение договорных обязательств. Значит, по чужой вине поставщик заранее обрекается на срыв заданий.

К сожалению, Устав железных дорог СССР не содержит серьезных стимулов, побуждающих железнодорожников «возвращать» вагоны. Не говоря уже о том, чтобы взыскивать с них нанесенные по этой причине убытки.

К чему же приводит сложившийся годами принцип разной ответственности? Если, например, леспромхоз за недопоставку вагона с круглыми лесоматериалами должен выплатить неустойку в сумме 1444 рубля, то с железной дороги он может взыскать лишь 60. В случае неподачи вагона по требованию грузоотправителя в следующем месяце данного квартала, как это предусматривается, железная дорога уплатит еще 60 рублей. Этим неустойка и ограничивается. Между тем с леспромхоза, помимо прямого штрафа, можно взыскать еще и убытки, связанные с нарушением им договорных обязательств. А убытки немаленькие. Само собой разумеется, что при недопоставках более дорогой продукции, чем простой круглый лес, суммы неустоек резко возрастают. Так, за неподачу вагона с хвойными пиломатериалами (при тех же условиях) на предприятие налагается штраф 4460 рублей, вагона бумаги — 14 561 рубль, вагона целлюлозы — 22 986 рублей и т. п. Ответственность железной дороги за неподачу одного вагона остается постоянной и не зависит от стоимости не привезенной ею продукции.

Вот так. Захочу — казнию, захочу — милую. Учитывая, что по стальным магистралям перевозится половина всей лесопродукции, нетрудно представить, какие взаимоотношения возникают между лесозаготовительными предприятиями и железнодорожниками. Какая обильная почва для различных правонарушений, «подмазываний», «подмасливания», отпуска «налево» по взаимной договоренности и т. д. Другого выхода порой просто нет. К нарушениям побуждает сама система отношений с транспортниками. Дело-то надо делать. Но... странное дело: органы государственного арбитража, рассматривая споры между грузоотправителями и железными дорогами, не считают отсутствие транспортных средств обстоятельствами, освобождающими предприятия от ответственности за недопоставку лесопродукции. В инструктивном письме Государственного арбитража СССР от 6 октября 1969 года № И-1-33 «О практике применения арбитражами статьи 37 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» содержится запись о том, что при невыделении транспорта в пределах планов перевозок за недопоставку продукции отвечает поставщик. Откуда такая заведомая предвзятость? Не из тех ли времен, когда паровоз был в диковинку? Почему железная дорога всегда права? Подобная трактовка принципа ответственности, данная руководством Госарбитража, заставляет задуматься. Если грузоотправитель не выполнил возложенные на него обязанности по предъявлению к перевозке лесопродукции, оформлению заявок, несвоевременной разгрузке вагонов и т. п., вполне понятно, что он и должен нести за это ответственность.

Но как быть в случае, когда он сделал все от него зависящее,

чтобы обеспечить себя транспортными средствами, а вагонов все-таки не подали? Не дает ответа на этот вроде бы простой вопрос упомянутое инструктивное указание. А это приводит к тому, что периодически поступают просьбы об освобождении предприятий от уплаты неустоек за недопоставку лесопродукции в связи с неподачей вагонов по плану перевозок.

Неужели и ныне устаревшие инструкции будут сдерживать развитие истинных хозрасчетных отношений в экономике? А инструктивное указание Госарбитража СССР от 6 октября 1969 года № И-1-33 как раз из разряда явно устаревших, я бы даже сказал, тормозящих.

Необходимость его пересмотра давно назрела. Ведь в условиях самофинансирования и самокупаемости трудовые коллективы должны четко представлять себе, куда и на что идут их деньги. Иначе никакого хозрасчета попросту не будет, а будут опять волевые решения. Принцип вины должен найти свою правовую регламентацию. Нельзя допускать такого положения, при котором недоработки одних остаются безнаказанными, а возникающие при этом убытки ложатся на плечи других.

Теперь, в новых условиях хозяйствования, нельзя быть равнодушным к штрафам, пени и неустойкам, которые выплачиваются за нарушения договорных обязательств. Ведь абсолютный размер отчислений в фонд материального поощрения предприятий увеличивается (уменьшается) в зависимости от выполнения договорных обязательств. При полном выполнении — 15 процентов плюс, при срыве минус 3 процента за каждый процент недопоставок. Сама жизнь заставляет считать, ибо приказами теперь экономических проблем не решить. Переменам в экономике, в системе управления ею нужна и надежная правовая основа. Возьмем сложившиеся годами правовые взаимоотношения между лесозаготовителями и объединениями и органами Госнаба.

Несмотря на то, что между ними существуют договорные отношения на поставку лесопродукции, положение сторон опять же далеко не равнозначно. Леснабсбыт выступает прежде всего как плано-регулирующий и контролирующий орган, так как в соответствии с возложенными на него обязанностями выдает документы, являющиеся основанием для заключения договора, планирует перевозки лесных грузов, определяет очередность поставок, контролирует соблюдение фондовой дисциплины и т. п. Начиная с 1980 года на многих отгрузочных пунктах леспромхозов даже действуют специальные уполномоченные Леснабсбыта. Им предоставлены огромные права. Они могут дать или не дать разрешение на предъявление груза к перевозке, распределять уже поданные станциям под загрузку вагоны теми или иными сортаментами. В результате вместо ритмичной отгрузки получается перекоз: одна лесопродукция «выдерживается» и вывозится в срок, другая залеживается на года, гниет. Без специального штампа уполномоченного, без его подписи ни один вагон с лесом не может быть отправлен. К чему привела такая практика? Прежде всего к принижению роли договоров, которые сегодня при поставках лесопродукции практически сведены на нет. Решающим становится теперь не договор, а указания уполномоченного. В Положении об уполномоченных, утвержденных постановлением Госнаба СССР от 18 апреля 1980 года № 27, вообще не содержится какой-либо записи об ответственности этих работников за срыв поставок.

С одной стороны, снабженцы отвечают перед потребителями за то, что не обеспечили их лесопродукцией, с другой — сами взыскивают штрафы с леспромхозов за неотгруженный часто по своей же вине лес. Получается лишь видимость санкции, так как страдают все, кроме оборотистого посредника, который, имея все права, по сути, ни за что не отвечает.

Требуется навести порядок и в самой системе договоров. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 июня 1986 г. № 672 «О повышении ответственности объединений, предприятий и организаций за выполнение договоров поставки продукции и товаров» установлено, что договоры нужно заключать до начала планируемого года. Однако требование это пока не выполняется.

Закон о государственном предприятии (объединении), ряд других нормативных актов, регламентирующих хозяйственную деятельность в условиях полного хозяйственного расчета, должны стать истинным регулятором не только экономических, но и юридических отношений между предприятиями.

С. АЙЗИН,
начальник юридического
отдела с арбитражем
Минлесбумпрома СССР

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР» подготовило к выпуску обновленные материалы по всем десяти томам Свода законов СССР по состоянию законодательства на 1 января 1987 г. (две подборки).

В настоящее время рассылаются в книготорговую сеть обновленные материалы к томам 1, 2, 3, 4, 5 и 9 Свода (одна подборка). Материалы по обновлению Свода законов СССР к томам 6, 7, 8 и 10 (вторая подборка) будут разосланы в текущем году.

Указанные материалы по обновлению Свода законов СССР распространяются Всесоюзным государственным объединением «Союзкнига» через магазины подписных изданий согласно условиям подписки на дополнение к Своду и выдаются подписчикам за отдельную плату.

Напоминаем лицам и организациям, получающим Свод, что подписка на материалы по его обновлению продолжается.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

«Игра вместо дела?» Острое, может быть, в чем-то даже «перегибающее палку» выступление бригадира комплексной бригады Московского комбината твердых сплавов В. Корчагина открывает новую рубрику нашего журнала — «Дискуссионный клуб». О чем пойдет речь? О проблемах самоуправления, социальной справедливости, о реформе уголовного и хозяйственного законодательства, о распределении жилья и об индивидуальной трудовой деятельности... Короче, обо всем, что волнует сегодня наше общество. В работе «клуба» примут участие хозяйственники, ученые, юристы-практики. И, конечно, читатели. Итак, приглашаем на первый разговор...

ИГРА ВМЕСТО ДЕЛА?

Демократизация, самоуправление, выборность... Эти слова сейчас у всех на слуху. Слышишь их по радио, читаешь в газетах, прислушиваешься к разговорам в цехе, в автобусе, дома, наконец. Вот кое-где прошли выборы руководителей, директоров довольно крупных предприятий. В другом месте избрали начальника смены, мастера... Там — еще кого-то. Улучшилось ли дело, пошло ли оно круто вверх, как того ждут от самоуправления и выборности?

Скажу о том, что знаю лучше, с чем сталкиваюсь каждый день, — о положении дел в нашей комплексной бригаде прессовщиков и слесарей-наладчиков. Почти два года мы работаем по бригадному подряду. За это время сложилось впечатление, что бригада никому не нужна.

Председатель профкома комбината не помню, когда был у нас, никто не поинтересуется, какие трудности у коллектива. А их предостаточно.

Казалось бы, по положению многие вопросы полномочен решать совет бригады, а мы между тем не можем даже сами определить численность и состав бригады. Рабочие считают, что определять свои структурные звенья должен совет цеха или даже предприятия. Нам же спускают сверху утвержденные нормативы численности. Кто лучше знает предприятие и производство: работники министерства или те, кто работает на нем? Мы в бригаде не можем навести порядок, потому что не дают возможность самим решать многие вопросы. К примеру, если мы хорошо сработаем и соответственно получим немало — сразу же срезают расценки. У рабочих никто не спрашивает, с ними не советуются. Наше начальство говорит: или соглашайтесь с новыми расценками, или заставим. Вот вам и самоуправление.

Получилось, что производительность труда выросла. Но за счет чего? Только за счет интенсификации нашего труда. Мы работаем на износ.

Считаю, что серьезно тормозят нашу работу инертность и неумение перестроиться руководителей среднего звена. Мы готовы работать с полной отдачей. Но как это трудно осуществлять, судите сами. Нередко в цехе по нескольку месяцев простаивает дорогостоящее импортное оборудование из-за отсутствия запчастей. Вот и сейчас стоят прессы, почти год — нег подшипников. Почему? Потому что закупают оборудование люди, далекие от производства. Например, недавно в ФРГ ездил закупать прессы секретарь нашего парткома. А я считаю, что нужно было послать и рабочего. Чтобы он на месте присмотрелся к слабым местам станков и соответственно мы купили бы нужные запасные части. Итог был бы не такой, как сейчас: секретарь парткома сидит в кабинете, а мы в цехе мучаемся с простаивающими станками.

Что ни говорите, а кто, как не мы, рабочие, понимаем, что, пока игра в демократию у нас на комбинате не вылилась в настоящую

демократию, успеха не будет. Ни на производстве, ни в социальной сфере.

Как преодолеть в деятельности наших руководителей формализм и, естественно, бюрократизм — не знаю. Знаю одно: только выборностью, самоуправлением в том виде, каковы они сейчас, дела не спасти.

К примеру, в колхозах, где издавна все строится на демократических началах, до недавнего времени все было донельзя централизовано и административно зарегулировано!

Ладно, пойдём дальше. Народных депутатов всегда избирали. А велика ли отдача от наших избранников? Действительно ли они решают проблемы, которые насущны, важны для нас, избирателей? Не сводится ли их управление делами района, города, области лишь к голосованию на сессиях?! И как бы ни были хороши законы о трудовых коллективах и о государственном предприятии, они не будут работать, если мы, рабочие, не возьмем за наши дела сами. Разве не так?

В. КОРЧАГИН,
бригадир комплексной бригады
Московского комбината твердых сплавов им. Соловьева

ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЯМ

Итак, уважаемые читатели, В. Корчагин приглашает вас к дискуссии, предлагает: «Попробуйте опровергнуть мои доводы».

Ждем ваших писем с опровержением ли, подтверждением ли его позиции.

- *Были ли у вас подобные ситуации?*
- *Есть ли самоуправление на вашем заводе, в цехе, бригаде или тоже «только игра в демократию»?*
- *Конфликтны ли, на ваш взгляд, самоуправление и единоначалие?*
- *Что, по вашему мнению, может рабочий коллектив? А если не может, то почему? Приведите примеры из жизни своего коллектива.*

ЧТО МОЖЕТ КООПЕРАТОР

Мне часто говорят: зачем, мол, тебе все это? Работа интересная есть. Денег хватает. Фрукты-ягоды для себя лично вполне можно на даче вырастить. А тут — только нервы мотать. Что можно, что нельзя — непонятно. При одной мысли о предстоящем разговоре с каким-нибудь бдительным чиновником, видящим свой святой долг в том, чтобы «держать и не пущать», становится так тошно, что хочется немедленно послать все к черту и уже ни на что такое от своей привычной работы не отвлекаться.

Но не посылаю. Отвлекаюсь. Стараюсь быть корректным даже в самых оскорбительных и нелепых ситуациях. Думаете, ради «длинного рубля» и не такое люди терпят? Я, конечно, не святой бессребреник, но дело тут не только в деньгах. Мне, как тому таможеннику, — помните в «Белом солнце пустыни»? — Тоже уж очень «за державу обидно». Вы только гляньте на карту — ничем страна не обижена, все здесь выращивать можно. Да одних черноземных областей хватило бы, чтобы всех от Чопа до Камчатки обеспечить и фруктами, и овощами. Но ведь не обеспечиваем же, и во многих районах яблоко и в сезон-то редкость, а уж зимой и говорить нечего. Посмотришь на все это, и не знаю, как вам, а мне лично стыдно делается.

Мы занимаемся производством и поставкой овощей и фруктов, элитного посадочного материала, доставкой празднично оформленных букетов по адресам, проблемами информатики, исследованиями и разработками в области биотехнологии и другими проблемами. Мы хотим, чтобы в любое время года и в любом регионе страны люди могли купить цветы, свежие овощи, фрукты. Конечно, это очень нелегкая задача. Силами одного или даже ста кооперативов такое количество продукции произвести невозможно. Но это и не нужно. В стране ежегодно, по данным официальной статистики, не доходит до потребителя более трети произведенной сельхозпродукции. В масштабах такого государства, как наше, это миллионы тонн ежегодно! Так вот мы хотим сделать так, чтобы эти миллионы тонн перестали наконец гнить, запахиваться тракторами обратно в землю или просто уходить в грязь и под снег поздней осенью. Не вина, а беда совхозов и колхозов, что не могут они эту продукцию реализовать, не отлажен у нас этот механизм. С телеэкрана регулярно раздаются сетования: дескать, разрешили же колхозам 30 процентов на рынке реализовывать в счет плана, а они не хотят воспользоваться такой замечательной возможностью. Но в реальной жизни к точке опоры еще и рычаг нужен, инфраструктура, технология движения товара. Колхозы же розничной сети в основном не имеют, а во что выливаются их отношения с базами, последнее время писали так много, что можно

и не повторяться. Так вот одним из важных направлений своей деятельности наш кооператив считает закупку у колхозов и в личных хозяйствах продукции, которую сами они реализовать не в силах, и доставку ее на рынок. По опыту знаю, что здесь у многих моих собеседников отношение к предмету разговора резко меняется. Пока они считают, что я и мои товарищи собираемся обеспечить страну продуктами с собственных дачных участков или из горшочков на балконах, они видят в нас либо безвредных маниловых, либо героев (в зависимости и от собственной доверчивости), но как только выясняется, что речь идет о вещах реальных и очень конкретных — в глазах появляется сомнение: «Да вы знаете, как это называется?..» Да, знаю. Это называется «торгово-посредническая операция», и это совершенно необходимый элемент в цепи «производство — рынок». А еще я знаю, что иногда это любят называть спекуляцией: скупка с целью перепродажи. Скажите, а могут вообще быть оптовые закупки не с целью продажи? И можно ли реализовать оптовую партию товара в розницу без дополнительных трудовых затрат? И должен ли оплачиваться труд людей, спасающих продукты от бездарного гниения на поле, если эти продукты растили не они, а кто-то другой?

Я сначала почти оправдывался: дескать, мы же не только этим будем заниматься, у нас семь направлений, мы и свое производить тоже собираемся. Но почему нужно оправдываться? Ничего, что противоречило бы нашей социалистической морали, я в подобной деятельности не вижу. По-моему, духу нашего общества противоречит скорее то, что мы столько лет не могли ничего противопоставить организационно-экономическому «порядку», обрекающему на гибель плоды труда миллионов людей. Когда на экране телевизора мы видим, как в Греции или в Италии тонны апельсинов давят бульдозерами, нам говорят: смотрите, мол, до чего капитализм доводит. А когда у нас поле элитной земляники запахивают, это что, выходит, социализм виноват?

По совести и разуму я могу назвать спекуляцией только такой порядок, при котором придерживаются и перепродают товары, поступающие в государственную сеть. Даже частник, торгующий на московском рынке в мае помидорами по 10—12 рублей за килограмм, не спекулирует. Он продает плоды своего труда по ценам, которые регулирует сам рынок, спрос.

Кстати, частники видят в нашем кооперативе опасного конкурента. Мы отличаемся от них ценами, масштабом и конечной целью. Не случайно наши ребята боятся сейчас реализовывать продукцию вблизи рынков: знают, что там могут побить в прямом, а не в переносном смысле. Еще бы, цены у нас значительно ниже, чем у них (всего на 20% выше государственных). А интерес у нас не только рубль, но и социальный престиж. Хотим себя уважать и видеть уважение в глазах людей. Я бы назвал это готовностью кооператива к социальной ответственности, к тому, чтобы неразрывно связать свои проблемы и задачи с проблемами и задачами страны. Не волнуют меня только проблемы чиновников, много лет процветавших, ничего не делая, а в новой системе рискованных остаться не у дел. Но пусть это будет, как говорится, их проблема.

Именно так я понимаю суть постановлений правительства о кооперативах и решений ЦК партии. Наши цели, задачи, наша деятельность полностью соответствуют их духу. А вот не противоречат ли они букве какого-нибудь подзаконного акта, я, честное слово,

не знаю. Уж слишком многие из тех «не пушающих» чиновников очень хотели бы считать, что противоречит. А если человеку очень хочется, то, сами понимаете... И получается, что все зависит от того, как данная «власть предержажая» особа хочет этот акт толковать.

С одной стороны, вроде бы есть недавние постановления ЦК и Совмина, а с другой — тебе говорят: «А закона-то еще нет, разрешить не можем». А на кое-что уже и закон есть, а подзаконных актов, инструкций по применению нет. Я, конечно, не юрист, но кожей чувствую: пока в стране не будет действовать правило, разрешающее все, что не запрещено специально, будут давить нас бюрократы. Ибо в праве разрешать или не разрешать — единственная их сила. Намучились мы с такими дядями... Возьмем хотя бы историю создания нашего кооператива.

Большинство его членов — москвичи, но зарегистрирован кооператив при Щелковском горисполкоме. Почему? Потому что регистрироваться нас заставляют только по месту непосредственной трудовой деятельности, а работаем мы в Щелкове. Ладно, мы совсем не стремимся быть непременно приписанными к столице. Но вот беда: во многих райисполкомах считают, что при этом мы и привозить свою продукцию в Москву не имеем права. Дескать, вы зарегистрированы в области, там и торгуйте. Но, позвольте, кому же я там могу свои цветы или овощи предложить? Там у людей свои такие на участках растут. Они бы их сами с удовольствием кому-нибудь предложили.

Мы уж было совсем отчаялись, но, к счастью, в руководстве одного из райисполкомов Москвы нашлись люди, которые поняли всю абсурдность ситуации и пустили нас на территорию своего района. Это была наша первая удача. Уверяю вас, что район от этого не пострадал.

Но все равно каждое разрешение берется с боем, и мотив отказа всегда один: инструкцией это не предусмотрено. Но ведь ясно же, что движение развивается, возникают новые формы — никакой инструкцией все не предусмотреть. А еще если учесть, что отношение со стороны многих должностных лиц к нам весьма недоброжелательное (один товарищ в банке мне прямо сказал: «Не понимаю, зачем только вас разрешили. Лично мне все эти кооперативы ни к чему»), то все разночтения толкуются не в нашу пользу. Хотя должен сразу оговориться, на уровне руководства Центросоюза в лице гг. Синякова В. М. и Амелина И. А., Главкоопсельхозпроизводства и Главмоскоопторга мы встречаем полное понимание и поддержку. Несколько раз начальники главков выручали нас в почти безвыходных ситуациях. Но ведь по всем мелочам к начальству бегать не будешь, а сейчас именно эти мелочи решают все. Вот, например, ситуация с цветами: у нас проблема не чем торговать, а где торговать. На каждую торговую точку — не ларек, не палатку, а именно точку — мы берем разрешение в райисполкоме, где четко оговорено место и время. И если завтра на этом месте будут вестись дорожно-строительные работы, отойти на сто метров в сторону все равно нельзя. А если время мое истекло, а цветы еще есть и люди хотят их купить, то тоже нельзя. Но, позвольте, кому это мешает? Цветы на любом перекрестке в любое время суток только украшают город и улучшают настроение прохожих...

Мы хотели поставить свой павильон, договорились в Центросоюзе о покупке, но... в последний момент были вынуждены отка-

заться: банк не дал нам кредит. Все это результат двойственного отношения к кооператорам. С одной стороны, даже недоброжелательно относящиеся к нам люди понимают, что движение это полезное, с другой — видят в нас каких-то хапуг, занятых одной мыслью: как бы потуже набить свой карман. А мы ведь не только для себя стараемся. Для колхозников, у которых сердце кровью обливается при виде гибели плодов своего труда. Для покупателей, томящихся в бесконечных очередях. Для детишек в детских домах, которые, бывало, годами свежих овощей не видели и которым теперь наш кооператив отчисляет 5 процентов своей прибыли на покупку овощей и фруктов. Если хотите, для наших внуков и правнуков стараемся, когда разрабатываем вопросы экологических последствий сельхозпроизводства. Члены нашего кооператива (народ у нас грамотный, есть высококлассные специалисты, кандидаты наук), например, разработали проект безотходного свинокомплекса, где все фекалии перерабатываются в биологически активные добавки к комбикормам и биогаз для теплиц. Мы готовы предложить этот проект заинтересованным хозяйствам. Рентабельность резко возрастает, а экологически комплекс абсолютно чист. Есть у нас и другие исследования такого рода.

Не убедил я вас? Знаю, что не всех убедил... Ну что ж, видимо, есть вещи, которые словами не докажешь. Пусть доказывает время. Кого-то возмущают высокие цены? Они снизятся, обязательно снизятся и у нас, и на рынке, когда товаров станет много.

И это будет моим последним аргументом.

В. ЕГОРКИН,
председатель кооператива «Ваш сад»

ЧТО ВАЖНЕЕ?

Уважаемые товарищи!

Хочу поделиться с вами своими сомнениями. Я работаю инженером на крупном предприятии. Инженер я, по оценкам окружающих, вроде бы неплохой, регулярно получаю премии, несколько моих рационализаторских предложений внедрено в производство, в стадии рассмотрения находится заявка на изобретение.

Но вот в кругу моих друзей и знакомых меня считают за настоящего лопуха и искренне смеются. Потому, что моя зарплата немногим более 150 рублей в месяц. Мне говорят: чудак, да с твоей головой ты в любом кооперативе такие деньги будешь зашибать! Причем многие мои знакомые так и сделали, ушли из промышленности и теперь всю изготавливают заколки для волос и прочую дребедень, используя знания и опыт, полученные в престижных технических вузах и на работе.

И мне обещают не менее 500—700 рублей в месяц. И вот хочу спросить: неужели для государства важнее заколки, нежели наша продукция? Или, может, кооперативы заменят нас и будут выпускать такую продукцию, которую делает сейчас наш завод?

Н. ПЕТРОВ,
молодой специалист, Москва

НЕ БЫЛО БЫ ПЕРЕЖОСА...

В городе Риге сейчас зарегистрировано 160 кооперативов. Самые различные. Много это или мало? Мы считаем, что мало. Пишем объявления, перечисляем, какие кооперативы особенно нужны городу, призываем умельцев организовываться. Очень нужны кооперативы по ремонту квартир и сантехники, по уходу за детьми. Мы идем навстречу кооперативам — есть у нас списки пустующих подвалов и нежилых помещений. Предлагаем — идите, смотрите, считайте свои капиталы, товарищи кооператоры, потянете ли ремонт? Считают, смотрят, ремонтируют. С гордостью скажу: за первые 8 месяцев ни один кооператив не обанкротился. Однако есть, на мой взгляд, у нас и определенные парадоксы. Растут как грибы кооперативы таксистов, фотографов, дизайнеров. Есть даже кооператив службы знакомств. Нужны ли они городу? Нужны, но в строго определенном количестве. А мы пока не контролируем спроса на такие услуги, думаем, коль не прогорают, значит, нужны! Горожанин, мол, своим рублем голосует за их существование. Так ли это? На деле же нужно, чтобы кооперативы были союзником местных властей в удовлетворении первоочередных запросов граждан.

В. АНДРЕЕВ,
начальник отдела кооперативов при
Рижском горисполкоме

НУЖЕН КОНТРОЛЬ

У нас на «Сарканайс квадратс» такие вот разговоры ходят: разрешили, мол, наживаться дельцам без всякого контроля, какие им вздумаются — такие цены и устанавливают. Вроде узаконенного грабежа получается. Сшил кто-то модные брюки и заломил за них цену, как за полный костюм. Говорят, можете у него не покупать, никто не неволит. Правильно, никто не заставляет, но парень какой-нибудь купит — модные же, в магазинах нет, и себе в бюджете ощутимую прореху сделает. Чем он ее залатает? У нас на комбинате рабочие хорошо зарабатывают — от 250 до 300 рублей. Попробуй больше этого уровня получить: сразу пойдут разговоры — мол, расценки высокие, нормы низкие, надо пересмотреть. Контроль над заработком на предприятиях жесткий. А в кооперативе никаких барьеров — получай, сколько заработал. Отсюда и произвольные цены на товары и услуги. А, между прочим, за электроэнергию и отопление они платят по твердым государственным расценкам, за аренду помещения — тоже. Прибыль же кооперативов мы из своего рабочего кошелька оплачиваем. Думаю, какой-то потолок, какой-то контроль и над кооперативными ценами нужен.

В. СЕЛЕЗНЕВ, водитель

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

● В вашей семье подросли дети, появились внуки, и квартира, в которой до сих пор жили, оказалась мала. Как получить новую? Поставят ли вас на учет по улучшению жилищных условий? На этот вопрос отвечает доктор юридических наук, профессор Г. Савичев.

● Что такое непрерывный стаж? Как его сохранить? Об этом вы узнаете, прочитав материал под рубрикой «От А до Я».

КТО ПОЛУЧИТ НОВУЮ КВАРТИРУ

В редакционной почте немало писем, где читатели просят помочь им разрешить жилищные проблемы. При этом некоторые из них убеждены, что получить квартиру они не могут из-за нарушения их прав. Внимательно изучая почту, приходишь к выводу, что многие граждане просто не знакомы с жилищным законодательством, не имеют представления о порядке учета нуждающихся в улучшении жилищных условий, правилах предоставления и пользования жилыми помещениями. Однако не скроем, что и определенные нарушения в разрешении жилищных вопросов все еще имеются.

Во избежание ненужных конфликтов мы решили вооружить читателей необходимыми знаниями, чтобы помочь им разобраться в их обязанностях и правах при разрешении жилищных вопросов.

Первую беседу на эту тему ведет доктор юридических наук профессор Г. П. САВИЧЕВ.

Трудно представить, что в нашей социальной сфере есть вопросы, более злободневные и острые, чем жилищные. Вот почему партия и правительство считают делом особой значимости ускорение решения жилищной проблемы, с тем чтобы к 2000 году каждая советская семья имела отдельную благоустроенную квартиру или индивидуальный дом.

Решение этих вопросов достигается не только путем расширения жилищного строительства, повышения комфортности, улучшения планировки, совершенствования технического оснащения квартир и домов, но и правильным их распределением и использованием.

Огромная роль в решении жилищной проблемы принадлежит законодательству и органам, его применяющим.

Юридической базой регулирования жилищных отношений являются Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик, жилищные кодексы союзных республик. Однако новые задачи, поставленные на XXVII съезде КПСС и последующих Пленумах ЦК КПСС, потребовали внесения в Основы и жилищные кодексы ряда дополнений. Так, 21 апреля 1986 года принят Указ «О расширении прав трудовых коллективов предприятий и организаций в решении вопросов улучшения жилищных условий рабочих и служащих», которым Президиум Верховного Совета СССР дополнил статью 12 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик новой частью следующего содержания:

«По решению трудовых коллективов предприятий и организаций в коллективных договорах могут предусматриваться для рабочих и служащих, имеющих право на первоочередное получение жилых помещений, а также новаторов и передовиков производства, добившихся высоких показателей в труде и активно участвующих в общественной жизни, льготные основания признания их нуждающимися в улучшении жилищных условий при обеспечении жилой

площадь по месту работы, а также и количество жилой площади, выделяемой для этих целей. В коллективных договорах указанным новаторам и передовикам производства может быть предусмотрено предоставление жилых помещений в первоочередном порядке».

С января 1988 года вводится в действие Закон СССР о государственном предприятии (объединении). Этот важнейший нормативный акт наряду с другими призван решать и некоторые вопросы, связанные с жильем. Так, в соответствии с Законом трудовой коллектив направляет на жилищное строительство средства фонда социального развития.

Администрации и профсоюзному комитету предприятия с согласия совета трудового коллектива разрешается производить внеочередное выделение жилья отдельным высококвалифицированным специалистам и другим работникам с учетом их трудового вклада.

Что и говорить, каждому человеку хочется иметь отдельную квартиру, обязательно просторную и непременно со всеми удобствами. Это желание понятно. Однако, пока в стране не полностью решена жилищная проблема, предоставить жилье всем желающим улучшить свои жилищные условия невозможно. Поэтому, думается, вполне справедливо предоставлять жилые помещения прежде всего тем, кто наиболее всего в них нуждается. Ну, а как это определить? Для этого установлены определенные критерии нуждаемости в жилье. Они определены жилищными кодексами союзных республик и принятыми в их развитие правилами учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и предоставления жилых помещений. В РСФСР Советом Министров республики были утверждены 31 июля 1984 года Примерные правила учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и предоставления жилых помещений. Конкретные правила на основе Примерных утверждаются Советами Министров автономных республик, исполнительными комитетами краевых, областных Советов народных депутатов, Мосгорисполкомом и Ленгорисполкомом по согласованию с соответствующими советами профсоюзов.

В соответствии с указанными Примерными правилами нуждающимися в улучшении жилищных условий признаются граждане, имеющие обеспеченность жилой площадью на одного члена семьи ниже определенного уровня. Этот минимальный уровень обеспеченности жилой площадью (или как его еще называют «учетная норма») определяется местными Советами и в основном колеблется от 5 до 8 кв. м. В ряде республик учетная норма установлена непосредственно в республиканских правилах. Естественно, по мере развития жилищного строительства учетная норма постепенно будет повышаться.

Следующим основанием для признания гражданина нуждающимся в улучшении жилищных условий является проживание в жилом помещении (доме), не отвечающем установленным санитарным и техническим требованиям. Эти требования, так же как и учетная норма, определяются на местах исполкомами местных Советов народных депутатов. Например, в Ленинграде исполкомом Ленсовета утвержден Перечень дефектов жилых помещений, в котором установлен целый ряд причин, дающих основание признавать площадь непригодной для постоянного проживания, и в частности такие: над комнатой или через нее проходят канализационные трубы, шум и вибрация в комнате от работы стационарных механизмов или инженерного оборудования превышают требования санитарных норм.

В соответствии со статьей 29 ЖК РСФСР нуждающимися в улучшении жилищных условий признаются также граждане, проживающие в квартирах, занятых несколькими семьями, если в составе семьи имеются больные, страдающие тяжелыми формами некоторых хронических заболеваний, при которых совместное проживание с ними в одной квартире невозможно. Однако никакого перечня таких хронических заболеваний нет в отличие от списка заболеваний, дающих право на первоочередное получение жилой площади. Поэтому в каждом конкретном случае вопрос о постановке на учет как нуждающегося в улучшении жилищных условий в РСФСР решается строго индивидуально — по заключению учреждений здравоохранения.

В улучшении жилищных условий признаются нуждающимися семьи, проживающие в смежных неизолированных комнатах и не имеющие родственных отношений, а также живущие в общежитиях (кроме сезонных и временных работников, лиц, работающих по срочному трудовому договору или поселившихся в общежитиях в связи с обучением). Длительность проживания в общежитиях для постановки на учет в РСФСР определяется в местных правилах.

Если человек длительное время живет на условиях поднайма в домах государственного и общественного жилищного фонда или найма в домах жилищно-строительных кооперативов либо в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, и не имеет другой жилой площади, то он тоже признается нуждающимся в улучшении жилищных условий.

Итак, мы рассказали об общих основаниях признания граждан нуждающимися в улучшении жилищных условий. Однако Примерными правилами учета граждан и изданными на их основе местными правилами оговорена возможность расширения случаев приема на учет по улучшению жилищных условий. Например, в Московской области нуждающимися в улучшении жилищных условий признаются инвалиды Великой Отечественной войны и приравненные к ним в установленном порядке лица, проживающие в коммунальных квартирах, независимо от размера занимаемой жилой площади, или же матери, которым присвоено звание «Мать-героиня», имеющие не более 7 кв. м жилой площади на одного члена семьи. Оговоримся, что здесь приведен не весь список лиц, имеющих право на льготные основания признания их нуждающимися в улучшении жилищных условий, а только некоторые из них.

До сих пор мы говорили о том, кто считается нуждающимся в улучшении жилищных условий. А теперь давайте рассмотрим вопрос о порядке принятия этих граждан на учет.

Обязательным условием для принятия на учет граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и предоставления им жилых помещений является по общему правилу постоянное проживание (с постоянной пропиской) в данной местности, населенном пункте. В некоторых местных правилах установлена также длительность такого проживания. Например, в Москве и Московской области на учет по предоставлению жилья, принимаются граждане, постоянно проживающие соответственно в городе или области в течение, как правило, десяти лет.

Вместе с тем в Примерных правилах указывается, что в порядке исключения, с разрешения исполнительного комитета краевого, областного, Московского и Ленинградского городских Советов народных депутатов и соответствующего совета профессиональных сою-

зов, на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий по месту работы могут быть приняты рабочие и служащие, длительное время добросовестно работающие на предприятиях, в учреждениях, организациях и проживающие в другом близлежащем населенном пункте.

В соответствии со статьей 30 ЖК РСФСР учет граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, осуществляется по месту жительства в исполнительном комитете районного, городского, районного в городе, поселкового, сельского Совета народных депутатов. Если же граждане работают на предприятиях, в учреждениях и организациях, имеющих жилищный фонд и ведущих жилищное строительство или принимающих долевое участие в жилищном строительстве, то такой учет производится по месту работы. Причем граждане по желанию могут встать на учет одновременно и по месту работы, и по месту жительства. На предприятиях наравне с работниками принимаются на учет также граждане, оставившие работу в связи с уходом на пенсию, а в случаях, предусмотренных законодательством, и работники медицинских, культурно-просветительных учреждений, предприятий общественного питания и других организаций, непосредственно обслуживающих трудовые коллективы данных предприятий. На крупных предприятиях учет граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, может быть организован по цехам и подразделениям. В таких случаях члены семьи, работающие на одном предприятии, по их желанию, принимаются на учет каждый в своем цехе, подразделении.

Ведение учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, осуществляется в исполнительных комитетах местных Советов народных депутатов — отделами по учету и распределению жилой площади, а на предприятиях, в учреждениях, организациях — должностными лицами, назначенными администрацией по согласованию с профсоюзным комитетом. Для того чтобы встать на учет, гражданин подает заявление, прилагая к нему выписку из домовой книги, копию финансового лицевого счета и в необходимых случаях справки (заключения) бюро технической инвентаризации, учреждений здравоохранения и другие документы, которые будут необходимы для решения вопроса о постановке на учет для улучшения жилищных условий.

Поступившее заявление гражданина тщательно проверяется в исполкоме местного Совета народных депутатов общественной комиссией по жилищным вопросам, а на предприятиях, в учреждениях, организациях — жилищно-бытовой комиссией профсоюзного комитета с составлением акта проверки жилищных условий по установленной форме. После этого соответствующая комиссия рассматривает заявление и материалы проверки жилищных условий и вносит предложение о принятии гражданина на учет либо отказе в этом соответственно исполнительному комитету местного Совета народных депутатов или администрации и профсоюзному комитету предприятия, учреждения, организации. В соответствии со статьей 31 ЖК РСФСР принятие на учет производится по месту жительства решением исполнительного комитета Совета народных депутатов, а по месту работы — совместным решением администрации и профсоюзного комитета. При рассмотрении вопросов о принятии на учет по месту работы принимаются во внимание рекомендации трудового коллектива.

Принятые на учет включаются в Книгу учета граждан, нуждаю-

щихся в улучшении жилищных условий, которая ведется в исполнительном комитете местного Совета народных депутатов, на предприятии, в учреждении, организации как документ строгой отчетности по установленной форме. В этой Книге не допускаются подчистки. Поправки и изменения должны вноситься только на основании документов и заверяться должностным лицом, на которое возложена ответственность за правильное ведение учета, и скрепляться печатью.

На каждого принятого на учет для улучшения жилищных условий заводится учетное дело, в котором должны содержаться все необходимые документы, являющиеся основанием для постановки на учет.

В РСФСР ежегодно в период с 1 января по 1 апреля исполнительные комитеты местных Советов, предприятия, учреждения, организации проводят перерегистрацию граждан, состоящих на учете для улучшения жилищных условий, в ходе которой при необходимости дополнительно проверяются жилищные условия очередников. Все изменения, выявленные в ходе перерегистрации, вносятся в учетное дело.

Отметим, что учет граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, должен осуществляться под общественным контролем и с соблюдением гласности.

А можно ли гражданина, стоящего на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, снять с учета? И если это возможно, то в каких случаях?

В соответствии со статьей 32 ЖК РСФСР право состоять на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий сохраняется за гражданами до получения жилого помещения, за исключением следующих случаев: улучшения жилищных условий, если жилая площадь на каждого члена семьи составляет не менее размера, установленного для предоставления жилого помещения, а другие основания для предоставления жилплощади отпали; выезда на другое постоянное место жительства; при выявлении в представленных документах не соответствующих действительности сведений о нуждаемости в улучшении жилищных условий, послуживших основанием для принятия на учет, а также неправомерных действий должностных лиц при решении вопроса о принятии на учет; при прекращении трудовых отношений с предприятием, если граждане состоят на учете по месту работы и никто из членов их семей не работает на этом предприятии, кроме случаев увольнения в связи с уходом на пенсию (в этом случае очередность сохраняется даже тогда, если, будучи на пенсии, гражданин поступит на работу в другую организацию, учреждение, предприятие) или переходом на выборную должность. Не могут быть сняты с учета и нуждающиеся в улучшении жилищных условий семьи, потерявшие кормильца, состоявшего на учете.

Заканчивая изложение вопросов приема на учет по улучшению жилищных условий, надо сказать, что они являются исключительной компетенцией исполкомов местных Советов народных депутатов и предприятий — владельцев жилой площади.

Г. САВИЧЕВ,
доктор юридических наук,
профессор

Н

НЕПРЕРЫВНЫЙ СТАЖ

В коридоре заводоуправления рядом с бухгалтерией стояла группа рабочих. Один из них, механик Агеев, что-то громко доказывал своим товарищам, а увидев идущего по коридору Васильева, обратился к нему:

— Иван Алексеевич, вот вы как председатель нашего профкома объясните мне, почему при стаже работы свыше 15 лет я получил пособие по больничному листку только в размере 50 процентов заработка.

— Ну что ж,— спокойно ответил Иван Алексеевич,— давайте разберемся. Итак, в апреле 1986 года вы уволились с предыдущей работы по собственному желанию.

— Правильно,— подтвердил Агеев,— по собственному желанию, а не за нарушение трудовой дисциплины, и через полтора месяца устроился на работу к вам.

— Однако перерыв в работе превысил допустимый законодательством срок, и ваш трудовой стаж прервался. А размер пособия по временной нетрудоспособности зависит от длительности именно непрерывного стажа. Непрерывный трудовой стаж определяется по продолжительности последней непрерывной работы на данном предприятии, в учреждении, организации. Кроме того, непрерывный трудовой стаж сохраняется при переходе с одной работы на другую. В последнем случае сохранение такого стажа зависит от основания увольнения и продолжительности перерыва в работе.

При переходе с одной работы на другую непрерывный стаж сохраняется при условии, что перерыв в работе не превысил одного месяца, если иное не предусмотрено законодательством. Этот общий срок применяется при увольнении по сокращению штата, несоответствию занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, в связи с переводом на другую постоянную работу, ввиду восстановления трудящегося, ранее выполнявшего эту работу, и в ряде других случаев.

До 1 сентября 1983 года в течение одного месяца сохранялся непрерывный стаж и при увольнении по собственному желанию. Однако в настоящее время один месяц для устройства на новую работу дается лишь при условии, что у работника были для увольнения уважительные причины. В противном случае непрерывный стаж сохраняется только в течение трех недель. А если рабочий или служащий увольняется по собственному желанию без уважительных причин повторно в течение года со дня предшествующего увольнения по такому же основанию, непрерывный стаж вообще не сохраняется (такое правило действует с 13 декабря 1979 года).

Уважительными причинами при увольнении по собственному желанию являются перевод мужа или жены на работу в другую местность или направление за границу, переезд к месту жительства мужа или жены; болезнь, препятствующая продолжению работы или проживанию в данной местности; необходимость ухода за больными членами семьи или инвалидами I группы; переезд в другую

местность в порядке организованного набора рабочих, общественного призыва или сельскохозяйственного переселения; избрание на должности, замещаемые по конкурсу; зачисление в высшее или среднее специальное учебное заведение, аспирантуру либо клиническую ординатуру; нарушение администрацией законодательства о труде, коллективного и трудового договора.

Законодательством предусмотрены и более продолжительные сроки сохранения непрерывного стажа. Так, для лиц, работавших в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, после увольнения с работы по истечении срока трудового договора либо вследствие ликвидации предприятия, учреждения, организации, а также в случае сокращения численности или штата работников непрерывный трудовой стаж сохраняется, если перерыв в работе не превысил двух месяцев. Такие же сроки существуют и для тех, кто поступает на работу в СССР после освобождения от работы в советских учреждениях за границей или в международных организациях.

В некоторых случаях, например, при поступлении на работу лиц, высвобождаемых из аппарата управления в связи с осуществлением в соответствии с решениями Правительства СССР мероприятий по совершенствованию организации управления промышленностью и другими отраслями народного хозяйства, а также при поступлении на работу рабочих и служащих, уволенных из частей, учреждений и предприятий Вооруженных Сил СССР в связи с проведением мероприятий по их сокращению в соответствии с решениями Правительства СССР, непрерывный трудовой стаж сохраняется, если перерыв в работе не превысил трех месяцев.

При расторжении трудового договора беременными женщинами и матерями, имеющими детей в возрасте до полутора лет, их трудовой стаж не прерывается при условии поступления на работу до достижения ребенком возраста полутора лет.

Чтобы у женщины, уволившейся с работы в период беременности или после рождения ребенка, умершего до достижения возраста полутора лет, сохранился непрерывный стаж, она должна поступить на работу не позднее одного месяца со дня его смерти.

Независимо от продолжительности перерыва в работе непрерывный стаж сохраняется при поступлении на работу после увольнения по собственному желанию в связи с переводом мужа или жены на работу в другую местность, а также при поступлении на работу после увольнения по собственному желанию в связи с уходом на пенсию по старости либо после увольнения пенсионера по старости по другим основаниям (кроме причин, о которых речь пойдет дальше, не дающих право на сохранение стажа). Это правило распространяется и на пенсионеров, получающих пенсии по другим основаниям (например, за выслугу лет), если они одновременно имеют право на пенсию по старости.

В начале статьи мы говорили, что непрерывность стажа зависит от продолжительности перерыва в работе и причины увольнения. Так вот, непрерывный трудовой стаж не сохраняется, если рабочий или служащий увольняют за систематическое неисполнение без уважительных причин обязанностей, возложенных трудовым договором или правилами внутреннего трудового распорядка, или за прогул (в том числе отсутствие на работе больше трех часов в течение рабочего дня) без уважительных причин, либо за появление на работе в нетрезвом состоянии. Вступление в законную силу приговора

суда, которым рабочий или служащий осужден к лишению свободы, исправительным работам не по месту работы либо к иному наказанию, исключающему возможность продолжения данной работы, утрата доверия со стороны администрации к работнику, непосредственно обслуживающему денежные или товарные ценности, совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального поступка, несовместимого с продолжением данной работы, также являются основаниями увольнения, при которых прерывается трудовой стаж.

Равным образом не сохраняется непрерывный трудовой стаж при поступлении на работу после увольнения по требованию профсоюзного органа либо при увольнении в качестве дисциплинарного взыскания, налагаемого в порядке подчиненности или в соответствии с уставами о дисциплине, или за совершение работником других виновных действий, за которые законодательством предусмотрено увольнение с работы.

Во всех перечисленных случаях не имеет значения продолжительность перерыва в работе, ибо уже сама причина увольнения не дает права на сохранение непрерывного стажа.

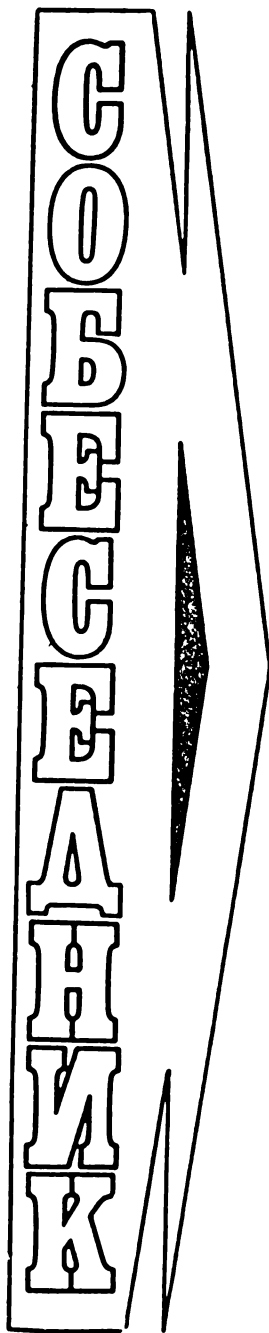
Как правило, непрерывный трудовой стаж складывается из периодов работы в качестве рабочего или служащего. Однако законодательство предусматривает, что в непрерывный стаж засчитывается и время занятия некоторыми другими видами деятельности. Например, служба в составе Вооруженных Сил СССР, в органах КГБ СССР и МВД СССР, в народном ополчении и партизанских отрядах, если перерыв между днем освобождения от службы и днем поступления на работу или учебу не превысил трех месяцев. При таком же условии засчитывается в непрерывный стаж и время обучения в училищах и школах профессионально-технического образования. Включается в непрерывный стаж также время вынужденного прогула при неправильном увольнении, если работник был восстановлен на работе.

Одновременно законодательством предусмотрены периоды деятельности, которые хотя и не прерывают трудового стажа, но и не засчитываются в него. Такими периодами деятельности являются, например, время обучения в высшем или среднем специальном учебном заведении (в том числе на подготовительном отделении) либо пребывания в аспирантуре или клинической ординатуре. При этом перерыв между увольнением с прежней работы и поступлением на учебу не должен превышать установленных сроков (которые зависят от причины увольнения), а после окончания учебы человек должен поступить на работу в течение трех месяцев.

К таким периодам относится также время пребывания за границей членов семей рабочих, служащих и военнослужащих, направленных для работы в учреждения и на предприятиях СССР за границей или в международных организациях либо для прохождения службы при условии, что перерыв между днем возвращения в СССР и днем поступления на работу не превысил двух месяцев.

Изложенные правила применяются при исчислении непрерывного трудового стажа для назначения пособий по государственному социальному страхованию.

В. ГУРИКОВ,
председатель профсоюзного комитета
Министерства химической промышленности СССР

Этот раздел составлен по вопросам читателей.

- Дом ребенка... Каким он должен быть? Читайте материал «Наши чужие дети».
- Виновник пожара... телевизор. Кто за это в ответе?
- «Получка — день тяжелый» — размышления нашего корреспондента о мерах по борьбе с алкоголизмом.
- Наша почта.

НАШИ ЧУЖИЕ ДЕТИ

Состоялся учредительный съезд новой общественной организации — Всесоюзного детского фонда имени В. И. Ленина. Борьба за подлинно счастливое детство, а значит, за будущее нашей страны решили его участники.

Так получилось: оставленные родителями, они стали нашими общими детьми. «Временно оформленные», «отказные», «подкидыши». Между этими тремя категориями существуют минимальные различия, а объединены они удручающим сходством. Обездоленность. С этим трудно примириться, это даже трудно понять: как же мы допустили, что самые беспомощные, доверчивые и трогательные из людей становятся жертвами обстоятельств в миг своего рождения. Как допустили, что рядом с нами кто-то начинает свой путь под знаком несчастья и одиночества. Как допустили...

За чью-то безответственность, нравственную запущенность, чаще всего лишь глупость требуется коллективная плата. Хотя бы в виде растреванности и боли, чувства вины по отношению к этим крошечным мальчикам и девочкам, которые месяцами и даже годами цепляются за жизнь в больницах, где их «забыли», которых ведут в детский приемник-распределитель с вокзалов и мало ли еще откуда... Я не случайно употребила слова «чувство вины», а не «чувство возмущения». В данном случае это продуктивнее и обоснованнее. Возмущенные люди, как правило, требуют

только расправы над теми, кто бросает своих детей. Виноватые думают о том, как помочь самим детям.

Югославский ученый Милан Босанац в книге «Внебрачная семья» так обозначил главную проблему положения в обществе детей, рожденных вне брака и живущих с матерью: социальная дискриминация. Дети, брошенные обоими родителями, рожденные в браке и вне брака, оказываются еще более обиженными в социальном плане.

В нашей стране государственная забота о детях-сиротах, о детях, потерянных или брошенных родителями, имеет свою сложную историю, включающую немало поистине героических страниц. Маленьких, одичавших оборвышей искали и находили в неразберихе гражданской войны: в воровских «малинах», в подвалах и на чердаках... Их не просто отмывали и досыта кормили. Им давали социально гарантированную путевку в жизнь. Это было делом революции. Из трудовой колонии имени Максима Горького, руководимой великим педагогом Антоном Макаренко, из детских домов для сирот Отечественной войны не случайно вышло так много настоящих людей.

Если говорить об истории государственной защиты бездомных детей честно, то надо, вероятно, отметить, что вместе с благополучием мирных дней вернулись и предрассудки благополучия, и жестокость сытости, и желание отгородиться от чужой боли.

Совсем не случайно в последние несколько лет потребовался целый ряд постановлений партии и правительства, посвященных улучшению жизни воспитанников детских домов и Домов ребенка, а также условий работы персонала этих учреждений. В настоящий момент никак нельзя сказать, что все мероприятия, предусмотренные постановлениями, осуществлены. Можно сказать, что они с разным успехом осуществляются. И поскольку все они направлены на улучшение материальной базы детских учреждений, то достижение желаемого результата мы сможем без особого труда зафиксировать.

Сложнее, на мой взгляд, с другим. Со всемогущим и невидимым руководителем будней — общественным сознанием. В нем по-прежнему в тревожных пропорциях сочетается свет просвещенной нравственности с темнотой диких инстинктов и амбиций. Пренебрежительное, брезгливое отношение к чужим, брошенным детям не стало нравственным архаизмом, как скажем, существовавшие когда-то обычаи убивать слабых детей и беспомощных стариков. Скорее, наоборот: отношение к детям, родившимся в неблагоприятных условиях, сегодня еще усугубилось массовым и поверхностным представлением о «генах». Неполное знание бьет гораздо опаснее полного незнания. Если последнее можно отнести к пассивному не-

вежеству, то первое — невежество агрессивное.

Кто виноват в том, что детдомовские дети сейчас стыдятся своего положения? Кто виноват в том, что тема этих детских учреждений так долго была, если не запретной, то, во всяком случае, тщательно замалчиваемой? Кто виноват в том, что судьбы детей, лишенных родительской опеки, так несправедливо сложны? Давайте посмотрим в глаза друг другу, затем попробуем заглянуть в собственные души и тогда, вероятно, придем к общему простому ответу. Мы и виноваты. Вместе. Производному наших мыслей и чувств — общественному сознанию — удалось даже потеснить на задний план закон. Почти не приходится встречаться с юридической инициативой, стремлением создать судебный прецедент в разумных и гуманных целях. И каким-то чиновничьим образом огромная армия сотрудников внушительного количества правовых учреждений в своих трудах, томах, диссертациях и комментариях выпустила из виду целую категорию советских граждан, чьи права оказываются ущемленными, ограниченными с рождения. Ограниченными в силу самых примитивных причин: кто-то не знает закона, кто-то его неверно трактует, кто-то сознательно извращает, а последовательный правовой контроль отсутствует. Юристам давно пора решить, в чем тут дело: в несовершенстве некоторых положений законодательства или в недостаточной компетенции тех, кто призван проводить их в жизнь.

...Она родилась крупным, красивым ребенком. Но первые же анализы показали: девочка унаследовала хроническое заболевание матери. И в

один из дней к родильному дому подъехала «Волга». Немолодой, респектабельный мужчина бережно усадил в нее жену, и они быстро уехали, оставив в палате новорожденную свою первую, единственную дочку, а в кабинете главврача «котказ» от нее навсегда.

...В документах исполкома семья значится многодетной, поэтому квартира была выделена соответствующей площади. Две комнаты, совершенно пустые, хозяева просто закрыли за ненадобностью. Муж, жена и двое детей, проживающие с ними, неплохо разместились в остальных комнатах. А в Домах ребенка разных районов Москвы живут те члены этой семьи, которые никогда не видели своих родителей. Их оставили в роддоме. Довольно молодой хозяин квартиры принял нас почти радушно. Правда, подсчет отсутствовавших детей ему особого удовольствия не доставил, но он все же постарался оказать нам посильную помощь. Рассказал, когда, какого ребенка и где они с женой оставили.

Вот только самого младшего сына Андрея папаша никак припомнить не мог. Лишь после ряда наводящих вопросов вспомнил: «А, этот... Так с этим все. Полный отказ. А чего это вы? Нам же говорили: к нам никаких претензий». Я спросила: «И вам неинтересно, как он там? Вы ведь за год его жизни даже не позвонили в Дом ребенка».

В простодушных голубых глазах многолетнего папы появился металлический блеск: «Я ж сказал — все! Полный отказ. Нет его у нас».

У них его нет. У родного отца — мясника по профессии. У родной матери, работающей продавщицей. Дети у них рождаются не только потому, что

государство на них выделяет дополнительные метры жилья, которые впоследствии можно по-разному употребить с выгодой для себя. (Есть и более интимный мотив, о нем достоверно сообщил голубоглазый мясник: жена не может делать аборт.) И вот поэтому живет на свете мальчик Андрей, с такими же голубыми глазами, как у отца. Ему год, его в Доме ребенка любят, и он пока такой веселый. Андрюша еще совершенно не знает, что он совершенно ничей.

...Дом ребенка. Из него уходись с ощущением, что что-то главное там осталось. Кто-то остался. Зачем-то... Арина мимоходом назвала меня мамой. Сережа спросил: «Почему ты так долго не приходишь?» и Саша интересовался: «Ты меня любишь?» А я боюсь лишний раз погладить по головке одного и того же ребенка: он ведь может подумать, что я хочу его забрать в тот почти сказочный для них мир, который называется домом. По вечерам старшие питомцы Дома ребенка стараются попасться на глаза уходящим воспитателям, сестрам, врачам.

— Ты домой уходишь? — со страстным любопытством задают они всем один и тот же вопрос.

— Не могу я этого выносить, — говорит главврач московского Дома ребенка № 12 Марина Гургеновна Южитарева, чей профессиональный стаж 20 лет.

Старшие — это те, кому уже «стукнуло» два или три года. Младшие ползают по манежу, тянутся, чтобы достать развешенные над ними яркие погремушки, кусают резиновые кольца прорезающимися зубками. На улыбку отвечают улыбкой, на невнимание — слезами, а за протянутую руку цепляют-

ся так крепко, насколько хватает сил.

Современный Дом ребенка — это не сиротский приют давних лет. Это дом. Если работающие в нем умны, добры и хозяйственны, то это хороший дом. Уютный, теплый, приспособленный для детской здоровой жизни, игр, радости.

Первый дом человека, к которому жизнь повернулась самой трагической стороной. Первые близкие... Персонал Дома ребенка — это женщины, наделенные даром всеобщего материнства, чьи сердца переполнены жалостью, тревогой, надеждой, той радостью, которую они всегда готовы разделить со своими питомцами, — они в чем-то счастливее многих обычных людей. Им адресовано первое слово, какое произносят все дети на земле — «мама». И улыбка первая — им, и бессонная ночь, в которую прорезается первый зуб у растущего малыша, тоже их. Права и обязанности персонала Дома ребенка, сотрудников детских домов — особая тема, с обилием нерешенных проблем и белых пятен.

Сейчас на моем столе — груда юридической литературы. Кодексы, статьи, комментарии, разъяснения. Просмотрев многочисленные труды, я в очередной раз убедилась: все законы, указы, разъяснения, создаваемые с первых дней Советской власти, имеют одну цель: чтобы человек, который только что осчастливил нас своим появлением на свет, был принят в лучших традициях цивилизованного общества. Кто в большей степени достоин гарантированных законом гражданских прав! У него, у пришедшего, нет еще ни проступков, ни задних мыслей, ни коварных замыслов, ни дурных желаний. У него есть только

доверие и будущее, которое зависит не от него.

Итак, человек родился. В любом случае у него есть мать и отец. Самой парадоксальной, видимо, является ситуация, когда родители совсем неизвестны и ребенок оказывается «подкидышем», то есть попросту выброшенным как ненужная вещь. В этом случае родителей не ищут, государство берет ребенка на полное обеспечение, а в дальнейшем органы опеки и попечительства без особых сложностей отдают его на усыновление (если у него не обнаружены неизлечимые заболевания). Таким образом, у «подкидышей» есть реальная возможность обрести семью и пользоваться всеми правами несовершеннолетнего, а затем совершеннолетнего гражданина. Право на жилье, заботу усыновителей, полное содержание, наследование имущества приемных родителей... Такую ситуацию я назвала парадоксальной, потому что обездоленность при рождении впоследствии может быть абсолютно компенсированной нормальными условиями жизни в хорошей семье. Здесь, разумеется, тоже есть свои проблемы, например, система отбора и подготовки усыновителей, но это особая тема.

Жизнь детей «временно оформленных» в детские учреждения, по сравнению с жизнью «подкидышей» — это цепь препятствий, подчас неразрешимых противоречий. Ребенок здоров, и находятся люди, желающие его усыновить. Для этого по закону необходимо письменное согласие родной мамы. Ребенку необходимо, усыновителям, но не маме. Ей согласие на усыновление давать невыгодно. Пока он у нее в бумагах значит, она мать-одиночка. Ей квартиру на

ребенка дают, она пользуется льготами, может даже пособие получить, поскольку разные социальные службы у нас, к сожалению, информацией друг с другом не делятся. И переходит такой «временно оформленный» человек из одного детского дома в другой и страстно мечтает о семье, в родном доме, до совершеннолетия верит, что его «мама забереет». Мимо проходит теплая, полноценная жизнь, люди, которые могли бы ее украсить. А как только появится первый заработок, тут и «мамаша» подоспеет. Не зря же ребенка за собой оставляла «на черный день». Вот он, этот день. Старость. И статья в Конституции есть о том, что дети должны заботиться о родителях и оказывать им помощь. Считаю ли я, что воспитанники детских домов должны быть жестокими и непримиримыми по отношению к своим непутевым, предавшим их и достаточно расчетливым матерям? Я считаю, что не дети должны решать подобные проблемы. У закона есть великая способность предусматривать подобные повороты событий. И если на протяжении многих лет разные женщины пользуются узаконенной свободой жить без ребенка, жить и гулять, пока о нем заботится государство, коверкать его судьбу, не давая согласия на усыновление,— значит, закон недоработан, неуниверсален, неточен. И давайте избавим себя от ложного труда заявлений, будто такой закон продиктован гуманным отношением к женщине-матери. О какой матери в данном случае идет речь? О той, для кого собственный ребенок — всего лишь жертва?

Итальянский просветитель XVIII века Чезаре Беккарриа сказал: «Милосердие должно

быть исключено из хорошего законодательства». Неопровержимая логика справедливости — высший уровень закона. А мы, часто исходя лишь из того, что имеем, и считая это единственно возможным, забываем, что у законов есть авторы. Это — люди. Они могут ошибаться.

Приведу еще один пример. Сколько юристов, журналистов, работников системы детских учреждений возмущались формулировками и содержанием статьи 101 КоБС РСФСР. Сколько лет назад всем было ясно, что она помогает плохим матерям вредить интересам ребенка. Но все и нынче на местах. Только обездоленных ребятшек, вероятно, стало еще больше. Всякий раз, когда органы опеки делают очередную попытку отдать ребенка на усыновление без согласия родителей, они начинают просто тонуть в противоречиях статьи 101.

«В случаях, когда родители уклоняются от участия в воспитании ребенка, усыновление в виде исключения может быть произведено без их согласия, если будет установлено, что они более года не проживают совместно с ребенком и, несмотря на предупреждение органов опеки и попечительства, не принимают участия в его воспитании или содержании и не проявляют в отношении ребенка родительского внимания и заботы».

Беру наугад одну из формулировок: «Не принимают участия в его воспитании или содержании». Что за альтернатива такая? Ведь тот же Кодекс о браке и семье провозглашает две главные обязанности родителей: воспитывать своих детей (ст. 52) и содержать их (ст. 67). Предупреждением органов опеки считается официальная

бумага. А если «будет установлено, что патронажные сестры Домов ребенка все три года содержания там временно оформленных детей умоляют родителей забрать их домой или дать согласие на усыновление, то это окажется личной инициативой патронажных сестер, не влияющей на правовую ситуацию. А вот, если «женщина», не согласная написать «отказ», принесет ребенку 100 граммов конфет раз в год, то она уже может смело ссылаться на статью 101 и говорить, что проявила в отношении ребенка «внимание и заботу». И этот ребенок не будет усыновлен.

С чем сравнить горе женщины, полюбившей чужого «временно оформленного» ребенка и расстающейся с ним навсегда из-за того, что тот числится чьей-то ненужной «собственностью»? Как говорят медики, это «высшая шкала боли». Разве эта женщина, готовая посвятить жизнь чужому ребенку, не мать? Разве та мать, что когда-то, зачем-то родила? Почему же мы так мало гуманны по отношению к этой, которая того стоит?

...Молодая женщина вошла в кабинет главврача. Произнесла с нотками вины в голосе: «Переведите меня в другую палату. А то в этой хулиганы. Говорят: убить меня надо!»

— А ты что же хотела, чтобы тебе букеты дарили? — спросила главврач.

Женщина даже улыбнулась от сознания своей защищенности. Она свободна, и главврач родильного дома ей больше не нужен. «Вы со мной так не разговаривайте. Я на вас жалобу напишу, понятно?»

— Понятно, — вздохнула главврач. — Переведу. — А когда ты вышла, сказала мне: «Ох, как права знает. Больше, может,

ничего не знает. Но права — намертво».

Я тогда узнала, что женщина, отказавшаяся от своего ребенка после родов, пользуется правом на послеродовой отпуск. 56 дней при нормальных родах, 70 — при патологии. Эти дни необходимы не столько матери, сколько младенцу, — почему мы их дарим людям, которые в родильный дом приезжают для того, чтобы освободиться от проблем и забот? Объясняют существующее положение по-разному. Чтоб на работе ни о чем не догадаться. Чтоб переехать в другой город. Чтоб... А, может, это не наши дела? Может, это чьи-то личные подробности: как планируется проводить жизнь после отказа от ребенка? Вероятно, в данной ситуации было бы справедливей и отдыхать, и переезжать за свой счет. Счет государства нужен сейчас в неизмеримо большей степени новому члену общества, который еще долго не сможет позаботиться о себе сам.

Что же касается щадящего режима молчания, чтоб на работе не знали, в другом городе не догадывались, то это очередная уступка нравам, которые осудят женщину, родившую без мужа ребенка. А разве не он — главное действующее лицо в данной ситуации?

Мудрость государственной политики по отношению к брошенным детям, на мой взгляд, выражается в первую очередь в том, что, как только написан «отказ», ребенка забирают сразу на полное государственное обеспечение, независимо от причин, по которым его бросают родители. Медлить здесь нельзя: слишком беспомощное существо находится во власти слишком ненадежного человека. Но когда главное мероприя-

тие состоялось и он оказался под защитой Дома ребенка — новый житель нашей страны, — ему в дальнейшем необходима как можно более полная информация о родителях, а в идеале — и о других родственниках. Она была бы необходима в помощь врачам, органам опеки, усыновителям. Сейчас же в деле «отказного» ребенка есть предельно скудная информация о родителях: фамилия, имя, отчество, адрес.

Но хотя у нас существует статья об усыновлении, но нет статьи, касающейся отказа от ребенка, которая бы предусматривала соответствующие санкции.

Таким образом, у каждого человека есть возможность добровольного отказа от родительских обязанностей. Но никто и никогда не провозглашал, что брошенный ребенок лишается всех своих прав. И то, что происходит именно это, представляется вопиющим социальным просчетом и юридической невнимательностью. Существует положение, согласно которому за ребенком, выбывшим из квартиры родителей в детский дом, сохраняется ранее занимаемая жилплощадь. А если ребенок родился, но его не прописали? Так поступают с большинством «отказников». Причем у значительного процента родителей есть квартира. Если нет у мамы или папы, то наверняка есть у дедушки с бабушкой, у других родственников. Законодательство всех цивилизованных стран фиксирует обязанности всех взрослых членов семьи по отношению к ребенку. Кто и кому дал право лишать «отказников», «временно оформленных» того, что им положено и без чего их жизнь окажется потом невероятно усложненной?

Почти никто из родителей, оставивших детей, не платит на них алиментов. По закону с родителей могут быть взысканы расходы на содержание детей, помещенных в детские учреждения, но такие дела, к сожалению, крайне редки. Да и потом: интересы ребенка здесь представлены косвенно. Расходы на содержание детей взыскиваются в пользу соответствующих детских учреждений. А если бы существовал личный счет у каждого ребенка, тогда имело бы смысл дела против родителей возбуждать чаще, яснее была бы конкретная цель — материальная устойчивость растущего человека. Цель, столь желанная для государства в целом. Люди, уверенные в своей обеспеченности, редко совершают асоциальные действия.

Я много лет интересуюсь судьбами воспитанников домов ребенка, детских домов и не разу не слышала о том, чтобы кто-то из них получил наследство. Хотя родственники есть у всех. Они выходят из детского дома свободными даже от тени материального благополучия. У них ни квартиры, ни копейки за душой, ни реальных подпорок в перспективе. Чаще всего они сразу идут на работу, в лучшем случае — в профтехучилище. В институтах им на стипендию не прожить. Кто знает, какую здесь выгоду упускаем мы, теща себя надеждой, что Ломоносовы всегда пробьются. Не всегда...

Но почему же в таких условиях оказываются люди, за которыми с момента рождения закреплены гражданские права? По одной причине: нашего коллективного равнодушия. Над нами не каплет, они не спрыснут...

Наталья РАДЬКО

Почему загорелся «РУБИН»?

У нашего читателя Ю. Б. Смирнова загорелся цветной телевизор «Рубин-714» выпуска 1977 года. Потушить его не удалось, пламя перекинулось на комнату. Прибывшие пожарные погасили огонь, однако квартире был нанесен большой ущерб.

Судя по сообщениям печати, случай этот не единственный. Горят квартиры и дома, порой в огне погибают люди. Ежегодно ущерб от возгораний телевизоров достигает нескольких миллионов рублей. Почему же наша отечественная техника столь ненадежна? С этим вопросом я обратилась к начальнику Главного управления Министерства промышленности средств связи СССР Б. Н. Чернову.

— А почему вы думаете, что горят только наши телевизоры? В Москве постоянно регистрируются пожары от импортных аппаратов. В 1987 году, например, от японских телевизоров фирмы «Панасоник», выпущенных в 1985 и 1986 годах. А за день до вашего визита по радио сообщили, что у премьер-министра Швеции произошел пожар из-за телевизора шведского производства. Статистика свидетельствует, что во всем мире пожары возникают у одной сотой владельцев телевизоров.

В нашей стране, по данным министерства, ежегодно у миллиона владельцев телевизоров возникает примерно сто пожаров. В печати обычно приводятся гораздо большие цифры: ведь, по существующим правилам, у нас в стране регистрируются не пожары от телевизоров, а так называемые «возгорания» аппаратов. А это не одно и то же. Возгоранием телевизора,— цитирую положение о порядке возмещения ущерба,— считается «воспламенение его комплектующих изделий, узлов, элементов монтажа, в результате чего оказываются поврежденными или разрушенными другие комплектующие изделия, узлы и блоки телевизора или весь телевизор». Так вот,

возгораний, которые непосвященные принимают за пожары, примерно в четыре раза больше.

Если говорить именно о пожарах, то в большинстве случаев они возникают из-за аппаратов, выпущенных до 1979 года. Изделия 1979—1982 годов становятся «виновниками» гораздо реже. А случаи пожаров из-за телевизоров выпуска 1983 года и позже чрезвычайно редки, они соответствуют международным стандартам, их с охотой покупают за рубежом.

О том, почему телевизоры загораются, мне рассказали в Государственном испытательном центре Московского телевизионного института.

Перед тем как начать выпуск новой модели, ее тщательно испытывают, заставляют работать без перерыва по четырнадцать часов в сутки в течение месяца-двух. Ставят в специальные камеры, где поднимают температуру до 40—80 градусов или опускают до минус 40 градусов. Повышают влажность воздуха, понижают давление. Испытывают аппараты на механическую прочность: на устойчивость к ударам, вибрации.

Жесткий контроль за пожароопасностью телевизоров ведется и на заводах. Если телевизор, пришедший со сборки, не выдерживает испытания, его отправляют на доработку, вновь проверяют надежность и только потом дают «добро» на отгрузку потребителю. Регулярно Государственный испытательный центр забирает с завода партии готовых телевизоров и проверяет их в своих лабораториях.

Если изготовители так тщательно проверяют качество, то почему же телевизоры загораются? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте проследим путь телевизора от завода к владельцу.

Когда на железной дороге вагон с телевизорами пускают с «горки» и он ударяется о другой вагон, далеко не все аппараты это выдерживают. Грузчики часто бросают коробки с аппаратами, сооружают из них пирамиды. Даже в больших столичных магазинах хранятся они не в лучших условиях, а уж в сельских нередко стоят среди бочек с солеными огурцами, да еще сверху на них могут положить мешок с мукой. А в результате вышедший с завода исправный телевизор к моменту покупки может стать пожароопасным.

Б. Н. Чернов: Проследив путь нашей продукции от ворот завода до прилавка, мы ужаснулись — ведь вся наша работа над качеством идет насмарку. Сейчас нашими институтами разработаны контейнеры для телевизоров, исключающие поломки при транспортировке. Испытания уже заканчиваются, в 1988 году начнется их выпуск. Но это полумера, видимо, придется брать в свои руки и перевозку.

Еще одна проблема. Чтобы покупателю не достался поврежденный телевизор, все поступившие в магазин аппараты должны пройти так называемый «контрольный прогон» — проработать десять часов без перерыва. Магазины исправно берут с нас деньги — по шестьдесят рублей за каждый аппарат, однако часто включают телевизор лишь на несколько минут, перед тем как отдать его покупателю.

Мириться с таким положением дел нельзя. Сейчас министерство создало восемнадцать фирменных магазинов; продавцов, которые в них работают, мы учим квалифицированно обращаться с телевизорами. Покупатели, приобретающие аппараты в этих магазинах, меньше жалуются на неисправности, реже и возгорания. Думаем,

что все телевизоры надо продавать только в фирменных магазинах, открыть их в каждом областном центре, каждом крупном городе.

Однако решением вопроса перевозки и продажи проблема, к сожалению, не исчерпывается. Еще одна причина возгораний — пыль, скапливающаяся внутри аппарата. Поэтому телевизоры необходимо регулярно чистить, вовремя менять неисправные детали, регулировать узлы — в общем, проводить техобслуживание. А мастерские делают это плохо. Телевизор Ю. Б. Смирнова, например, в последний раз ремонтировался за два месяца до пожара; мастер, как записано в квитанции, провел все противопожарные мероприятия. А результат известен.

Многие владельцы телевизоров заключают с мастерскими договор на абонементное обслуживание, с них регулярно берут деньги, в том числе и за профилактический осмотр аппарата. Однако, как свидетельствуют многочисленные жалобы, поступающие и в нашу редакцию, обслуживание телевизоров ведется некачественно, порой вообще не ведется, а качество ремонтов не выдерживает критики.

Б. Н. Чернов: Из-за этого Минпромсвязи долго воевало с республиканскими Минбытами, но успеха мы не добились. Вот пример нашего, в кавычках, сотрудничества. Одна из наиболее пожароопасных деталей старых цветных телевизоров — строчный трансформатор. С 1983 года их стали делать из негорючих материалов. Тогда же Министерство электронной промышленности СССР выпустило более миллиона этих трансформаторов, чтобы заменить их во всех старых телевизорах. Это должны были сделать республиканские Минбыты. К первому января 1987 года из 1,3 миллиона трансформаторов было заменено менее пятидесяти тысяч. При этом технология работ зачастую грубо нарушалась.

Пользуясь случаем, хочу проинформировать читателей журнала: каждому владельцу цветного телевизора, выпущенного до 1980 года, надо обратиться в телеателье, оно обязано бесплатно заменить трансформатор — это уменьшит вероятность возгорания. Кстати, комиссия нашего министерства, расследовавшая причины пожара у товарища Смирнова, выяснила, что, хотя телевизор неоднократно чинился, трансформатор ему заменить поленились.

От плохой работы телеателье страдаем не только мы, владельцы телевизоров, но и заводы-изготовители, которые при возврате телевизора несут убытки. Поэтому в последние годы заводы стали создавать свои собственные техцентры по ремонту телевизоров. Создан такой центр в Московском производственном объединении «Рубин». Он считается одним из отделов завода, специализирующимся на обслуживании телевизоров в период гарантийного срока.

Техцентр работает по иным принципам, нежели мастерские службы быта, которым планировали все большие объемы ремонта. Ни качество ремонта, ни жалобы владельцев на зарплату работников телеателье не влияют. Появляется соблазн наспех провести ремонт или вообще сообщить владельцу, что телевизор якобы бракованный, его необходимо вернуть на завод. Порой мастера сами звонят в телеателье и «устраивают» себе несуществующие заказы.

По-иному поставлено дело в техцентре завода. Здесь за бригадой закреплено строго определенное количество обслуживаемых телевизоров. Оплата труда зависит от качества ремонта и от отсутствия жалоб клиентов. А в результате возврат на завод уменьшился почти в десять раз: если мастерские признают бракованными 8,5 про-

цента телевизоров, то техцентр — менее процента. Намного уменьшилось и число возгораний, а пожаров, повторю, от новых телевизоров вообще быть не может.

Как же заставить телемастерские Минбытов хорошо работать?

Б. Н. Чернов: Сейчас решил вопрос передачи телеателье министерствам—изготовителям телевизоров: Минпромсвязи, Минрадио-прому, Минэлектронпрому, Минобщешашу. С января 1987 года в некоторых регионах все телеателье перешли в подчинение этих ведомств. Например, сейчас нашему министерству подчиняются телеателье Москвы, Ленинграда, Воронежа... Реорганизация закончится к 1989 году. Конечно, мы не ограничиваемся сменой вывески, а будем полностью менять принципы работы мастерских, создавать центры фирменного обслуживания телевизоров, повышать квалификацию мастеров, вводить новые системы организации и оплаты труда.

Итак, министерства-изготовители собираются взять на себя все хлопоты. Решит ли это проблему пожаров? К сожалению, нет. Потому что есть еще один виновник возгораний телевизоров: сам потребитель.

Меня познакомили с некоторыми письмами, поступившими в Минпромсвязи. Вот, например, Б. Хазисов прислал благодарность: его телевизор во время переезда на дачу слетел с верхнего багажника машины и после этого продолжал работать. К сожалению, автору невдомек, что в телевизоре могли разойтись контакты и через десяток-другой, может быть, сотню часов работы произойдет возгорание.

К. Савельев, уехав в отпуск, оставил включенным цветной телевизор. Вернувшись через месяц, он обнаружил, что телевизор исправно работает, и тоже написал благодарность. Увы, он не учел, что его квартиру спас счастливый случай.

Мне рассказывали множество случаев, мягко скажем, неправильного обращения с телевизорами. Порой люди ставят на аппарат включенный утюг, а перегрев приводит к пожару. Держат на телевизоре цветочные горшки и обильно поливают растения, вода при этом течет в корпус. Один гражданин переносным телевизором «Юность» колот орехи. Все это было бы смешно, но результаты, увы, печальны.

С немислимым варварством относятся к телевизорам в гостиницах.

Б. Н. Чернов: Правила противопожарной безопасности сообщаются в инструкции, которая приложена к каждому телевизору, выпущенному после 1979 года. Почему же они многим владельцам даже новых телевизоров неизвестны?

Как выяснилось, Минпромсвязи, Московский телевизионный институт, Центральный НИИ бытового обслуживания РСФСР, а также Госпожнадзор регулярно в течение нескольких лет миллионными тиражами выпускали инструкции и памятки, в которых говорилось о мерах противопожарной безопасности, а также о том, что надо предпринимать, если телевизор все же загорится. Памятки эти должны были вывешивать в домоуправлениях, телеателье, опускать в почтовые ящики. Однако владельцы телевизоров — по крайней мере большинство — эти памятки так и не получили. По чьей вине, установить мне, к сожалению, не удалось — каждое ведомство, куда я обращалась за разъяснениями, отрицало свою вину.

Впрочем, ответственность за профилактику пожаров возложена у нас на Госпожнадзор. Однако позиция этого ведомства вызывает удивление. Главная несурязица даже не в том, что оно не использовало предоставленную ему власть для пропаганды противопожарной безопасности, а в том, что Госпожнадзор изначально не хочет разобраться в причинах возгораний телевизоров.

В Главном управлении пожарной охраны МВД СССР мне показали интересный документ, содержащий статистические данные о пожарах от телевизоров по стране за прошлую пятилетку. В графе «причины пожара» во всех случаях (!) указано одно и то же — «техническая неисправность». Когда я попыталась выяснить, что подразумевается под этими словами, мне пояснили, что причина возгораний, по мнению Госпожнадзора, может быть только одна — заводской брак. И получается: коль вина за пожары целиком и полностью возлагается на изготовителей, истинные виновники часто уходят от ответственности. А завод при этом несет убытки.

Как мы знаем, не был заменен строчный трансформатор у Ю. Б. Смирнова. Но и в этом случае, по заключению Госпожнадзора, причина пожара — «техническая неисправность». Когда писались эти строки, решения суда еще не было, но каким оно будет, догадаться несложно.

Конечно, причины возгораний могут быть и другими, но суть одна: заводу приходится возмещать убытки и за телеателье, и за торговлю, и за транспортников — недаром министерства-изготовители так охотно берут на себя несвойственные им функции, а также и за нашу, владельцев телевизоров, беспечность.

Только в 1986 году МПО «Рубин» выплатило по искам 284 тысячи рублей. Деньги эти берутся из фонда материального поощрения и средств, направляемых на социальное развитие. Уменьшаются премии работников объединения, долгое время здесь не удавалось достроить пионерский лагерь, практически не ведется жилищное строительство.

В последнее время принят ряд кардинальных мер по повышению эксплуатационной безопасности телевизоров. В частности, намечено разработать условия и порядок, стимулирующие сдачу владельцами телевизоров выпуска 1976—1979 гг. Будет повышена зачетная цена за них, их владельцы смогут купить в кредит телевизор любой марки, дефицитные радиотовары.

Предусмотрены и другие меры. Например, мастерские будут обязаны проводить ежегодные профилактические осмотры гарантийных и абонентских аппаратов, а также выполнять необходимые работы по снижению пожарной опасности телевизоров, инструктировать их владельцев, как правильно эксплуатировать аппараты.

Но, думается, было бы целесообразно пересмотреть и порядок возмещения ущерба от возгорания аппаратов. Если в пожаре виновен магазин или телеателье, то их и надо привлекать в качестве ответчиков. Либо надо разрешить заводам предъявлять к виновным регрессные иски. Это послужит им хорошим уроком и заставит более ответственно относиться к своим обязанностям.

Строже надо подходить и к самим владельцам телевизоров. Почему хозяева «Жигулей» обязаны заботиться об исправности своей машины, а хозяева «Темпов» и «Рекордов» нет? Такая нетребовательность к владельцам сложной электронной техники, провоцирующая их беспечность, не идет на пользу ни им самим, ни обществу.

М. МАЗАНЬКО

КОММЕНТАРИЙ ЮРИСТА

Так почему же загорелся телевизор? Компетентные специалисты, к которым обращалась с этим вопросом М. Мазанько, называют много общих причин: и чисто технических, и организационных, связанных с транспортировкой, продажей, ремонтом и эксплуатацией этих сложных аппаратов.

С правовой точки зрения исследование этих причин чрезвычайно важно в каждом отдельном случае возгорания для правильного решения вопроса: кто, в каком размере и каким способом должен возместить причиненный ущерб, а он бывает немалым, как видно из приведенных автором цифр. Справедливо ли возлагать его возмещение только на предприятие-изготовитель? Давайте посмотрим, что говорят по этому поводу закон и судебная практика.

Сразу же оговоримся: следует согласиться с Б. Н. Черновым в том, что нужно четко разграничивать возгорание телевизора, при котором существенно повреждается и выходит из строя только сам телевизор, и пожар, происшедший в связи с возгоранием и причинивший ущерб имуществу владельца аппарата.

Правоотношения, возникающие по поводу возмещения ущерба в этих двух случаях, регулируются разными нормами гражданского права. Рассмотрим их отдельно.

Если возгоранием причинен вред только самому телевизору, а возгорание, в свою очередь, причинно связано со скрытыми дефектами, у покупателя телевизора возникают права, предусмотренные нормами, регулирующими договор купли-продажи, в частности статьей 41 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (статья 246 Гражданского кодекса РСФСР, аналогичные статьи ГК других союзных республик).

«Покупатель,— говорится в статье,— которому продана вещь ненадлежащего качества, если ее недостатки не были оговорены продавцом, вправе по своему выбору потребовать: либо замены вещи, определенной в договоре родовыми признаками, вещью надлежащего качества; либо соразмерного уменьшения покупной цены; либо безвозмездного устранения недостатков вещи продавцом или возмещения расходов покупателя на их исправление; либо расторжения договора с возмещением покупателю убытков».

Это общее правило.

Однако порядок осуществления этих прав лицом, купившим вещь в розничном торговом предприятии, в соответствии с этой статьей определяется законодательством Союза ССР и Советом Министров РСФСР. Этот порядок определен в Типовых правилах обмена промышленных товаров, купленных в розничной торговой сети государственной и кооперативной торговли, утвержденных Минторгом СССР и Госстандартом СССР 1 февраля 1974 года.

Согласно этим Правилам, цветные телевизоры при обнаружении в них скрытых недостатков до истечения гарантийных сроков обмениваются на новые либо покупателю возмещается уплаченная им денежная сумма, если предприятие-изготовитель или гарантийная мастерская не приведут в технически исправное состояние телевизор в двухнедельный срок после получения от покупателя заявки о необходимости ремонта, а также если после двух сложных ремонтов цветной телевизор вновь нуждается в ремонте.

Если же в результате возгорания телевизор вышел из строя в период гарантийного срока, а ремонт его невозможен, покупатель вправе требовать, а магазин обязан заменить телевизор либо возратить сумму, уплаченную при его покупке.

А как же быть с несоблюдением правил эксплуатации телевизора покупателем? Эти правила могут быть нарушены, и очень грубо. Примеры, приведенные М. Мазанько, весьма в этом отношении характерны. Вопрос решается так. Получив сведения о нарушении правил безопасной эксплуатации телевизора, магазин отказывает в удовлетворении претензии покупателя — в его требовании произвести замену аппарата или возратить уплаченную им денежную сумму. Покупатель вправе в таком случае предъявить иск к магазину в народный суд. Возникает гражданское дело. Покупатель становится истцом, магазин ответчиком.

Если в суде будет установлено, что покупатель грубо нарушил правила эксплуатации, например, не отключал длительное время телевизор от сети, применял нестандартные предохранители, суд может отказать в иске. Ну, а когда иск удовлетворяется? Освобождается ли от ответственности предприятие-изготовитель, если недоброкачество телевизора установлена судом? Нет. Но отвечает он уже перед магазином, с которым связан правоотношениями по договору поставки. Вот что записано в статье 263 ГК РСФСР: «Поставщик обязан безвозмездно исправить недостатки продукции, на которую установлен гарантийный срок, или заменить ее, если не докажет, что недостатки возникли вследствие нарушения покупателем (в данном случае — организацией, которой поставлялась продукция.— Авт.) правил пользования продукцией или хранения ее».

Магазин, если суд удовлетворил иск покупателя, предъявляет претензию, а затем иск (такие иски называются регрессными) к предприятию-изготовителю уже в арбитраже. По его решению предприятие-изготовитель обязано либо поставить магазину телевизор взамен выданного по решению суда покупателю, либо возместить убытки магазину, если не докажет, что магазин, к примеру, нарушил правила хранения телевизора, что и явилось причиной возгорания. Не исключена возможность предъявления регрессных исков и к ремонтным предприятиям, по вине которых причинен ущерб.

Теперь встает вопрос: а что делать покупателю, когда возгорание произошло после истечения гарантийного срока? Очевидно, что права требовать замены телевизора или возврата уплаченной суммы он уже не имеет. «Утрата вещь своих потребительских свойств по истечении гарантийного срока указанных прав не порождает», — записано в пункте 18 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 апреля 1985 года «О практике применения судами законодательства об ответственности за выпуск из промышленных предприятий недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции и за выпуск в продажу таких товаров в торговых предприятиях».

Но ведь ущерб покупателю должен быть возмещен? Безусловно. Пленум Верховного Суда СССР четко ответил на этот вопрос. Вот дословно пункт 19 названного постановления Пленума: «Если скрытые производственные недостатки проданной вещи (автомашины, телевизора, радиоаппаратуры и др.) выявились в ходе ее эксплуатации по истечении гарантийного срока, в результате чего

личности или имуществу гражданина причинен вред, предприятие-изготовитель обязано его возместить на основании ст. 88 Основ гражданского законодательства, если не докажет, что вред возник в результате неправильной эксплуатации или хранения вещи».

Таким образом, в этом пункте изложены правовые основания решения вопроса о возмещении вреда в тех случаях, когда возгорание привело к пожару и сгорел не только телевизор, но и другое имущество гражданина.

Правила статьи 88 Основ применяются и в тех случаях, когда гарантийные сроки после покупки телевизора не истекли, но в результате пожара сгорело, помимо телевизора, другое имущество.

При судебном рассмотрении таких споров именно предприятие-изготовитель выступает в качестве предполагаемого причинителя вреда, ответчика, а владелец телевизора — в качестве потерпевшего, истца.

Очень важно подчеркнуть, что даже если органы пожарного надзора действительно не очень логично считают первопричиной пожара во всех случаях неисправность телевизора и не утруждают себя анализом других обстоятельств пожара, то есть определяют вину предприятия-изготовителя, это не освобождает суд от выполнения возложенной на него законом обязанности, «не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все (подчеркнуто мною.—Авт.) предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон» (статья 14 Гражданского процессуального кодекса РСФСР, аналогичные статьи ГК других союзных республик).

Иски во всех этих случаях предъявляются непосредственно к изготовителям товаров. В качестве соответчиков иногда привлекаются ремонтные предприятия, так как не исключена возможность возложения ответственности и на эти предприятия при доказанности, что вред причинно связан с некачественным ремонтом.

Если же доказано, что вред причинен в результате неправильного хранения или транспортировки товаров, могут быть привлечены в качестве соответчиков и магазины, и транспортные организации.

При разбирательстве дела суд должен учитывать и требования статьи 458 ГК РСФСР. «Если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, то в зависимости от степени вины потерпевшего (а при вине причинителя вреда — и в зависимости от степени его вины) размер возмещения... должен быть уменьшен либо в возмещении вреда должно быть отказано».

Таким образом, грубое нарушение правил эксплуатации телевизора его владельцем, будучи доказанным, может служить основанием не только для освобождения предприятия-изготовителя от обязанности возместить вред, но и для уменьшения размера возмещения вреда, даже если все-таки предприятие-изготовитель признано виновным в изготовлении неисправного аппарата. Например, владелец телевизора не только не выключил его, но и вообще ушел из дома при включенном телевизоре; такая грубая неосторожность могла содействовать значительному увеличению вреда.

Ю. ЖУКОВ,
кандидат юридических наук

ПОЛУЧКА — ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ

РЕЙД ЖУРНАЛА

— А, студент! — радостно встретила меня бригада радиомонтажников. — Надо обмыты! — Обмыли. Как и последующие праздник, премию, чей-то день рождения, плохую погоду, хорошее настроение... Особенно запомнилась моя первая зарплата. Пили в рабочее время, прямо в цехе, заботливо передавая друг другу стакан с водкой или бутерброды. «Отметившись», меня прочувственно поздравили мастер и начальник цеха. Конечно, не хватило, и я побежал в магазин, потом еще и еще... Вот только купить цветов маме было уже не на что, да еще потом долго мучило тяжелое отравление...

Так я проходил производственную практику на одном из известных московских заводов. И, сказать честно, гордился подобной «причастностью» к рабочему классу.

Было это в конце шестидесятых годов...

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Третий год в нашей стране ведется борьба с алкоголизмом. Внешне вроде бы повсеместная и бескомпромиссная. Тем не менее результаты достигнуты весьма скромные. Пьянство, изгнанное с производства и улиц, «прописалось» в быту. Сокращение продаж спиртного немедленно отозвалось ростом самогоноварения.

Вот лишь несколько картинок, так сказать, с натуры, которые я сделал, участвуя в рейдах сотрудников московской милиции. Автокомбинат № 3 Мосавтолеттранса. В четыре часа дня в нетрезвом состоянии задержан водитель колонны № 5 М. Насретдинов. Завод «Арагат». Прямо на рабочих местах задержаны в состоянии алкогольного опьянения рабочие К. Юсупов, И. Барков, Э. Мамякин.

Не лучшим оказалось состояние дел на другом предприятии Бауманского района — заводе «Металлорукав». Вот какую статистику нам сообщили в 98-м отделении милиции. За короткий срок рабочий В. Голубцов был доставлен в медвытрезвитель 6 раз, В. Монахов, Ю. Мухин, А. Худяков и С. Сорокин — по 4 раза, Н. Иванов, В. Соловьев и С. Усков — 3 раза. На нарушителей накладываются штрафы, но взыскана лишь половина из них. Комиссия по борьбе с пьянством не вскрывает причины и условия, способствующие пьянству на заводе, не обсуждался вклад мастеров и начальников цехов в наведение в этом плане порядка в цехе. О каком авторитете этого общественного формирования может идти речь, если

нарушитель А. Казьмин даже на заседание комиссии не побоялся прийти пьяным.

На заводе «Манометр» Перовского района выявлено 11 рабочих, бывших в рабочее время в нетрезвом виде. Представители администрации Е. А. Новиков, И. А. Сарычев и В. И. Лобачев не приняли должных мер по отстранению от работы нарушителей, и на основании статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством...» от 16 мая 1985 года на них составляется протокол и налагается штраф. Он, кстати, может достигать 100 рублей. Что ж, в другой раз будет неповадно укрывать пьяниц!

И все же «рекорд» зафиксирован на заводе «Красный богатырь» Куйбышевского района. За один «заход» обнаружено 12 пьяниц. 4 штрафа наложено на руководителей. С 1980 года предприятие лидирует по количеству доставленных в медвытрезвитель. А общество борьбы за трезвость ограничивает свою работу сбором членских взносов. Впрочем, о его вкладе мы поговорим отдельно.

Не лучше обстановка и в большинстве регионов страны. Скажем, в Иркутской области реализация винно-водочных изделий за квартал возросла на 22 процента. Продажа спиртного на душу населения в Приангарье выше, чем по стране. И это без учета самогона. Его производство тоже увеличилось, о чем свидетельствует рост продажи сахара. В минувшем году выявлено около четырех тысяч подпольных винокуров. Полторы тысячи самогонщиков уплатили штрафы от ста до трехсот рублей.

Одна из причин подобного положения, видимо, и в том, что сотrudники областной милиции формально относятся к своим обязанностям, лишь информируют о нарушениях администрацию предприятий, не добиваясь действенности, не участвуя в обсуждении пьяниц в трудовых коллективах. Впрочем, часто подобных обсуждений вообще не бывает.

В минувшем году в вытрезвители области доставлено около пятисот членов партии. На рабочих местах выявлено три тысячи пьяных.

Борьба с опасным злом ведется в Приангарье рывками, непланомерно. Резко снизилась активность добровольных народных дружин. Проверка почти трехсот общественных пунктов охраны порядка показала: эффективность их работы вдвое меньше, чем по РСФСР. На селе девяносто из ста подобных пунктов практически бездействуют. Вяло действуют и комиссии по борьбе с пьянством при исполкомах местных Советов. В Усть-Удинском районе, например, почти все 45 комиссий существуют лишь на бумаге. Стоит ли удивляться, что в колхозе «Восход», скажем, выпивохи совершили 250 прогулов.

Иные работники местных органов щедро выдают записки в торговые точки для покупки спиртного «на похороны», «на свадьбу», даже не утруждая себя проверкой. Судя по этим запискам, в населенных пунктах идут сплошные свадьбы и похороны. Так, председатель Хоготовского сельсовета К. Барголов за несколько дней выдал односельчанам записок на продажу 600 бутылок портвейна.

Капитулировали перед зеленым змием, как подчеркивалось на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР, в Астраханской области. Возросло количество преступлений, совершенных в состоянии опьянения. Участились выпивки на производстве. Да и немудре-

но, администрация иных предприятий не только сквозь пальцы смотрит на выпивох, но и не гнушается принять из их рук стаканчик, другой. Около 50 руководителей было привлечено к ответственности в минувшем году за сокрытие выпивок на рабочих местах и участие в них.

В борьбе с пьянством и алкоголизмом между местными Советами, правоохранительными органами и общественными организациями нет должного взаимодействия и координации. Каждый действует по собственному разумению, а то и бездействует, положившись лишь на запретительные меры. Они, мол, отпугнут.

Не отпугивают, как видите...

СОВРЕМЕННЫЕ КОРОБЕЙНИКИ

Увеличилась и спекуляция спиртным. Недавно, например, к уголовной ответственности привлечен ярый спекулянт Н. Джураев, работавший поваром Айнинского райпо Таджикской ССР. При обыске у него изъято почти 700 бутылок водки. Народным судом Джураев осужден к 5 годам лишения свободы.

Органами внутренних дел за последние годы вскрыты многочисленные подпольные точки по торговле спиртным, случаи перепродажи водки по завышенным ценам на рынках, в гостиницах, пассажирских вагонах.

Время от времени выявляются безобразнейшие факты нарушений правил торговли спиртным. Так, Киргизпотребсоюз реализовал вина в два раза больше, чем предусматривалось фондами, увеличил продажу водки и пива. Поэтому у многих сельских магазинов Киргизии можно увидеть всевозможную технику в разгар рабочего дня. Таким образом механизаторы и водители пополняют запас спиртного.

«Отличились» и работники Карамышевского сельпо Псковской области. Чтобы выполнить план заготовки картофеля от населения, они организовали его прием в обмен на вино. Эта «метода» кооператоров пришлась по душе местным пьяницам. Многие из них мигом очистили домашние погреба, оставив семьи на зиму без картошки, но зато надолго обеспечив себя зельем.

А эту вопиющую историю нам рассказали члены общественной инспекции МГСФС:

— Магазин № 17 Севастопольского района города Москвы. Сержант милиции Молибога с напарником из 53-го отделения милиции «регулируют очередь»... Отоварившиеся выходят через соседний отдел заказов.

В подсобке винного отдела находились посторонние лица — В. Фролов, М. Абрамов, С. Фоменков, И. Семенов и Е. Коноваленко. Тут же рабочий магазина С. Андреев распивал сорокаградусную, один из грузчиков был уже вдрызг пьян, другой помогал выносить, опять же через отдел заказов, ящик пива и бутылки с водкой. Все это погрузили в «Жигули» на глазах у наряда милиции.

Комментарии к этому рассказу, видимо, излишни. Хотелось бы только привести несколько цифр. Вот они. Городской рейд служб БХСС по проверке соблюдения правил торговли винно-водочными изделиями в Москве выявил припрятанного товара на сумму в 330 тысяч рублей. Через месяц мероприятие повторили. «Загашник» потянул на 178 тысяч рублей.

НА ПЕРЕПУТЬЕ...

Так как же нам бороться с этой проклятой злодейкой? Одно из главных сегодняшних направлений борьбы за чистоту наших нравов — это утверждение трезвого образа жизни. Все мы согласны с тем, что борьба эта должна вестись постоянно, по нарастающей.

Довелось мне недавно побывать на Ждановском коксохимическом заводе. Там я познакомился с председателем цехового товарищеского суда И. Л. Йоршем. Коммунист, фронтовик, специалист высшего класса, ветеран завода Илья Леонидович пользуется заслуженным авторитетом. Хотел было уйти на пенсию, но уговорили остаться. И работает начальником участка реконструкции коксового цеха, хорошо справляется с общественным поручением. Под стать ему и члены товарищеского суда, авторитетнейшие люди, отличные производственники В. И. Барданов, Ф. А. Чайковский, Л. Н. Сахарова, Ю. И. Сирокин. Вот что они рассказали:

— Мы не торопимся карать. Вначале идем домой, выясняем обстановку, стараемся контролировать поведение нарушителя. Ведь от штрафов страдают в первую очередь семья, дети. Недавно наказали одного. Так на другой день у проходной встречает нас его жена с двумя детьми и в рев. Аж сердце зашлось! Что делать? Прочитали в газетах об опыте ульяновцев — отрабатывать в свободное время или выходные дни. Вот это правильно: семья не внакладе. Словом, наша задача не столько наказать, сколько пристыдить, привлечь внимание коллектива.

Беспокоит и бесцельное, бессмысленное существование молодежи. У нас крепкая база для проведения досуга и отдыха: Дворец культуры, теплоход, санаторий-профилакторий, база отдыха, спортивные площадки, бассейн. Много всего, кажется, выбирай увлечение по вкусу. А молодежь не идет. Спрашиваю одного-другого: «Чем вчера вечером занимался?» «Зашел товарищ, выпили и пошли на улицу». Потом приходит уведомление из милиции... А ведь ребята только-только пришли из армии, им бы мастерству учиться, семьи заводить.

Илья Леонидович человек опытный, много повидавший, поэтому и сомневается в эффективности «каленого железа». А ведь многие рубят сплеча, более того, требуют ужесточить репрессии.

Однако угрожать алкоголикам так же бессмысленно, как пугать кулаком палочку Коха. Разве борьба за трезвость равнозначна преследованию пьяниц? Нужно глядеть в корень. Об этом, кстати, определенно сказано и в известных партийно-правительственных документах. Подчеркнуто, что проблему преодоления пьянства и алкоголизма нельзя решать наскоками, шумными кампаниями, без упорной систематической работы. Запретительные и административные методы чаще всего загоняют болезнь вглубь, компрометируют важное дело.

В печати уже рассказывалось, какие меры воздействия принимались к нарушителям на одной из фабрик Костомукши: лишение премии за месяц и 13-й зарплаты; перенос отпуска; лишение всех видов премий за год; письма семье и родителям; вывешивание фотографии в винно-водочном магазине; разбор персонального дела на бюро ВЛКСМ; пожизненное лишение права на приобретение спиртного; направление к наркологу для постановки на учет; исключение из членов профсоюза; использование в течение трех месяцев на самых грязных работах, в том числе по уборке туалетов; размно-

жение листовки с описанием проступка и расклеивание во всех общественных местах города; вывешивание карикатуры на автобусной остановке и в корпусе фабрики; снижение размера премии по КТУ на 6 месяцев; перенесение на один год очереди на получение жилья и детского сада; посещение нарушителем смены и служб фабрики, рассказ о себе.

Таков вот плод коллективного разума.

Любой поиск и эксперимент должен идти во имя человека. Тем более в борьбе за трезвый образ жизни, где многое, очень многое решается индивидуальной работой, максимумом терпения, тактом. Время диктует решительность. Но помимо этого настоятельно необходима и человечность.

ТРЕЗВО О ТРЕЗВОСТИ

Совершенно очевидно, что лишь административными мерами и запретами коренным образом жизнь людей, привыкших видеть в хмельном застолье милое занятие, не изменишь. Нужно помочь им иначе заполнять свой досуг.

Вот и Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость (ВДОБТ) своей главной целью провозгласило утверждение здорового образа жизни. То есть члены общества прежде всего на собственном примере должны доказать, как интересно и содержательно можно жить без спиртного. И помочь другим. А что на деле? Увы, увлечение тем же администрированием, стремление побыстрее отрапортовать об успехах, до которых, честно говоря, еще не близко. На сегодняшний день в рядах общества состоят свыше десяти миллионов человек. Получается, по отчету, каждый двадцатый гражданин страны — убежденный трезвенник?

Поверить в достоверность этих цифр не позволяют письма, поступающие в редакцию из разных регионов страны. Читатели сообщают, что на местах в общество загоняют чуть ли не силой, а кое-где умудряются даже планы составить по росту рядов трезвенников. Тревожный оборот принимает дело — подобные мероприятия для «галочки» подрывают веру людей в то, что борьба за трезвый образ жизни не очередная кампания.

Как будто и немало полезного делают члены общества: организуют лекции, беседы о вреде пьянства, кое-где даже борются с самогонварением. В Ивановской области за последнее время открылось 352 новых клуба по интересам, немалая часть с помощью общества. Но гораздо чаще, вопреки главной своей задаче, местные советы ВДОБТ интересуются не тем, как люди живут и что им нужно для трезвого бытия, но единственно — как пьют. И шлют в соответствующие органы телеграммы с требованием закрыть очередной винный прилавок.

Однако большего мы ожидали от нового общества. Рассчитывали, что привлечет оно серьезные научные силы, работников культуры, займется организацией досуга, опираясь в своей работе прежде всего на семью — «болевою» центр проблемы. К сожалению, ничего этого пока нет. Более того, отдельные руководители общества обвиняют печать в подрыве авторитета, в неуважительном тоне. Это, дескать, подрывает основы антиалкогольного движения. А, по-моему, его подрывают формализм, поверхностность и узость в работе, стремление к гигантомании в отчетности. И только само

общество может завоевать авторитет, своим реальным вкладом добиться того, чтобы его уважали, верили в него.

Не в полной мере используются и гражданско-правовые средства борьбы с пьянством и алкоголизмом. Пленум Верховного суда СССР отметил, что суды зачастую не принимают достаточных мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих этим антисоциальным проявлениям.

В Российской Федерации на почве пьянства совершается каждое третье преступление, а в Архангельской, Ивановской, Свердловской, Ярославской областях, Удмуртской АССР — каждое второе. При рассмотрении дел о самогоноварении некоторые суды Кемеровской, Тамбовской областей не всегда устанавливают источники приобретения большого количества сахара, дрожжей и других продуктов, а также лиц, допустивших их разбазаривание, не реагируют на нетерпимые факты привлечения к уголовной ответственности второстепенных лиц, в то время как подлинные организаторы и активные участники этих преступлений остаются неустановленными.

Суды Татарской АССР, Чувашской АССР, Брянской и Курганской областей иногда не выявляют всех лиц, виновных в спекуляции спиртными напитками, организации или содержании притонов для их распития. По делам о преступлениях, совершенных подростками в нетрезвом состоянии, неполно исследуют обстоятельства, связанные с их вовлечением в пьянство, не во всех необходимых случаях ставят вопрос об ответственности за доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения лицом, в служебной зависимости от которого он находился.

На ошибках, говорят, учатся. Но уж больно дорогая у них цена. По моему глубокому убеждению, в последнее время произошел некоторый спад накала антиалкогольной борьбы. Снизился интерес к антиалкогольной тематике. Этим подрывается основа борьбы — массовая поддержка населения. Проще говоря, кто раньше пил мало, стал пить еще меньше, а кто пил много, так и продолжает пить. И каждый день продолжают выстраиваться километровые очереди в винные магазины. По крайней мере в Москве.

И еще одна информация. По данным исследования, проведенного в Латвии, 65 процентов детей школьного возраста, из числа употреблявших спиртные напитки, приобщили к алкоголю взрослые. 90 процентов опрошенных впервые познакомились с алкоголем в семье. Кто первый поднес рюмку? Вот данные опроса: 38 процентов его участников ответили — мать, 25 процентов — отец.

Страшные плоды мы пожинаем от этих выпивок. Только в Москве 8 процентов детей страдают врожденной олигофренией.

«ДЕНЬ ПРОФИЛАКТИКИ»

Борьба с пьянством — это целый комплекс медицинских, экономических, психологических и социальных задач. Так оценили проблему в городе Азове. На первом этапе там, как, видимо, и везде, больше внимания обращали на ужесточение общественного и административного воздействия. Это дало значительный эффект. Но тревогу вызвал такой факт: при общем снижении числа пьющих средний возраст их явно омолодился. То есть отчетливо встала проблема не только борьбы с пьянством вообще, а прежде всего борьбы с пьянством молодежи.

В городе стараются так организовать свободное время трудящихся, чтобы число пьяниц и алкоголиков не пополнялось за счет молодежи и тех, кто не умеет разумно отдыхать. Были созданы штабы выходного дня: городской — при отделе культуры горисполкома, на крупных предприятиях — при профсоюзных комитетах. Штабы вошли составной частью в культурно-спортивный комплекс города (КСК), объединяющий учреждения культуры, спорта и различные общественные организации.

Большой популярностью у азовчан пользуются ставшие традиционными праздники города, дворов, улиц, на которых чествуют передовиков и новаторов производства, трудовые династии, многодетные семьи, ветераны войны и труда. На таких праздниках всегда многолюдно, весело. Но со временем организаторы почувствовали, что отдача меньше, чем рассчитывали. Ведь большинство выступают в качестве пассивных потребителей, желающих, чтобы их развлекали, а не активных участников. Значит, праздник должен помочь каждому понять сферу своих интересов, возможностей, обрести круг единомышленников, с которыми он бы и потом, после праздника, мог общаться, совершенствоваться в своем увлечении.

Обсудив все предложения (а их было как никогда много), совет КСК разработал сценарий праздника. Два дня — субботу и воскресенье с утра до вечера улицы, скверы, спортплощадки были полны народу. Чего только не вместили они: конкурсы рисунков на асфальте, велогонки дошколят, выставки причесок и одежды будущего, выставки технического творчества, легкоатлетический забег, шахматные соревнования, концерты, викторины, конкурсы стихов, дискобалы...

Долго еще в городе вспоминали этот праздник. Но самое важное в том, что готовили и проводили его сами горожане. Подготовка к празднику длилась несколько недель, и все это время тысячи людей шили костюмы для бала, готовили поделки, рисунки, модели... Связи, возникшие между людьми в ходе подготовки праздника, стали основой для новых творческих объединений. Теперь стоит задача перевести эти мероприятия из разряда одноразовых в постоянные.

Как, скажем, в Москве проводятся в трудовых коллективах «Дни профилактики и дисциплины». На одном из них я и побывал. Проводился он на заводе коммунального оборудования при Академии коммунального хозяйства имени Памфилова. В гости к рабочим пришли работники Тушинского райкомов партии и комсомола, сотрудники прокуратуры и различных служб милиции, народный судья и врач-нарколог, представители районных общественных формирований.

Цель встречи — предотвращение правонарушений, уничтожение почвы для их возникновения. Согласитесь, когда во время рейдов хватают и наказывают различного рода нарушителей и этим себя ограничивают — толку в этом мало. Здесь же шла откровенная беседа о проблемах борьбы с пьянством, с разъяснениями выступали специалисты различного профиля. Из зала задавали многочисленные вопросы, предъявляли претензии личного характера. С заявлениями старались разобраться по возможности на месте или же обещали ответить на следующей встрече. (Не могу не отметить, что многие вопросы в который уж раз подняли наиболее острую проблему — правовую неграмотность людей!)

Инициаторами подобных мероприятий, быстро доказавших свою

эффективность, стали Ждановский и Калининский районы столицы. Однако в этом интересном начинании появилась уже и ложка дегтя. Сказался формализм и кампанейщина в действиях районных организаций. Скажем, на завод шлифовальных инструментов в Ленинградском районе пришли только сотрудники милиции. Вот и получается, что именно ей приходится в одиночку бороться со всеми проявлениями пьянства и алкоголизма. А один, как известно, в поле не воин.

Но вернемся на завод. Здесь наступательно работает комиссия по борьбе с пьянством, которую возглавляет В. М. Киркач. Однако же предприятию принадлежит и печальный рекорд. Водитель М. И. Малютин умудрился за одни сутки дважды попасть в вытрезвитель. Эта ограниченность в интересах обошлась ему в 130 рублей. И его семье, не надо забывать. Потому что здесь до сих пор не применяется практика отработки штрафов в свободное время.

И еще на одно немаловажное обстоятельство невольно обратил внимание. Поразила несерьезность атмосферы. Рассказ начальника вытрезвителя неоднократно прерывался смехом зала. Да и лексика применялась какая-то ласкательная: «пьяненький», «водочку кушали». Словно речь идет не о злостных пьянчугах и их нарушениях антиалкогольного законодательства, а о милых проказах расшалившегося ребенка. А ведь подобная несерьезность расхолаживает, мешая увидеть проблему во всей остроте.

Будем честны: пока что убежденная трезвость явно противоречит устоявшемуся быту, навыкам, традициям. (Кто теперь вспоминает те же безалкогольные свадьбы?!). И потому нуждается в ежечасной поддержке. Надо признать откровенно: мы недооценили силы сопротивления трезвости. К тому же во многих местах она вводилась административно, своеобразными кавалерийскими наскоками. Какая уж тут эффективность! Но если голое запретительство оказывается не таким действенным, как мы рассчитывали, то давайте искать новые формы борьбы. Но только не успокаиваться, не опускать руки. Трезвость — это цель, которая стоит любых усилий. Законных, разумеется.

Алексей АНОСОВ

БОР-САМОГОНЩИК

Бригадир пути Московско-Павелецкой дистанции Московской железной дороги В. Мартынов был привлечен к уголовной ответственности за хищение шпал. Во время обыска дома у него были изъяты самогонный аппарат, сделанный из фляги для молока и металлической трубы, 306 литров браги и 18,4 литра самогона. Дальнейшее расследование установило, что Мартынов систематически продавал самогон по месту своей работы на станции Домодедово.

Домодедовский районный народный суд Московской области приговорил Мартынова по части 2 статьи 89 и частям 1 и 4 статьи 158 УК РСФСР (за хищение социалистического имущества и самогонование) к четырем годам лишения свободы.

РАСПРАВА В ОЧЕРЕДИ

На первых двух курсах Грязинского сельскохозяйственного техникума Л. Стрельникова ставили в пример. А с третьего курса он стал злоупотреблять спиртными напитками, прогуливал занятия и только стараниями матери, неотступно следовавшей за ним, со слезами и скандалами заставлявшей его заниматься, окончил техникум.

Дальше сил матери не хватило. Леонид заявил дома, что до призыва в армию решил с друзьями погулять и трудиться не намерен. Он стал завсегдатаем винных магазинов.

Выпивохы города Грязи Липецкой области хорошо знали буйный нрав Л. Стрельникова и, когда он без очереди подходил к винному прилавку магазина, воспринимали это как неизбежное зло.

Без очереди покупали вино нигде не работавший, в прошлом судимый за воровство А. Калачев и плотник мотовозоремонтного завода М. Попов.

Но однажды несколько человек, стоявших в очереди, преградили дорогу «привилегированным выпивохам». Пьяный Стрельников, отстаивая право пройти без очереди, швырнул металлический ящик в наводящего порядок Д., но тот увернулся. «Выяснять отношения» они ушли за магазин. Стрельников вернулся с разбитым носом и поцарапанным лбом. Он пригласил друзей рассчитать с обидчиком.

Тем временем пьяные Калачев и Попов избili Н. Корнеева, тоже пытавшегося навести порядок в очереди.

Стрельников подбежал к умывавшемуся у водопроводной колонки Д. и заявил, что сейчас будет с ним разбираться. Д. вооружился длинным шестом и стал им размахивать, не подпуская к себе агрессивно настроенную компанию, но подбежавший сзади Калачев сбил его с ног. Компания принялась избивать упавшего, а Стрельников поднятым обломком шеста нанес ему два удара, повлекших тяжкие телесные повреждения, а затем и смерть потерпевшего.

Так погиб отец двух маленьких детей, газозлектросварщик высокой квалификации.

Судебная коллегия по уголовным делам Липецкого областного суда приговорила Л. Стрельникова к лишению свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима сроком на 10 лет.

Его сообщники А. Калачев и М. Попов признаны хроническими алкоголиками. Первый приговорен к лишению свободы на три с половиной, а второй на два года. Обоим назначено принудительное лечение от алкоголизма.

Верховный суд РСФСР оставил приговор без изменения.

ВЫРАСТИТЬ ЧЕЛОВЕКА!

ЧИТАТЕЛЬ РАЗМЫШЛЯЕТ

Дорогая редакция! Решила поделиться с читателями своими мыслями по вопросу, который, судя по вашим публикациям, волнует сегодня многих, а именно о роли женщины-матери...

С кем же больше всего общается человек в семье с первых своих дней? С мамой. С нее начинается мир.

Можно много говорить и о роли отца в семье, о дальнейшем воспитании ребенка в детских яслях, в детском саду, в школе, о роли общественности в таком важном деле. И все же... Мать есть мать. Она в первую очередь закладывает в будущего гражданина моральную, нравственную основу. Основу человеческой личности.

Кто плохо учится в школе? У кого плохое поведение? Что это за дети, которыми уже интересуется милиция? Это дети, матери которых не оказывали им в дошкольном возрасте и не оказывают сейчас достаточного внимания. Но оставим тех женщин, которым и закон не закон, которые опускаются морально и порой настолько низко, что даже бросают своих детей. По отношению к ним двух мнений быть не может. Я же хочу сказать о другом...

По-моему, мы стали больше всего ценить женщину, во-первых, за показатели на производстве и уже только, во-вторых, упоминать о том, что она, дескать, мать столько-то детей...

Что же происходит? Женщина, будучи вовлеченной в производственные дела с мужчиной на равных, испытывает все больше трудностей, чтобы не отвлекаться от семьи, отдавать ей достаточно много времени. Ничуть не хочу принижать место и значение женщины на производстве и в общественной жизни. Однако главное для матери — дети. Таково мое убеждение. А времени порой не хватает именно для семьи. И не отсюда ли брак душ человеческих, брак морали, нравственности? Ничего страшнее быть не может.

Очень много сделано в нашем обществе для женщины, но, на мой взгляд, в этом вопросе необходимо сделать еще больше. Что? Пусть об этом напишут читатели. И если встанет вопрос о необходимости пересмотреть какие-то положения Закона... Такую работу надо провести. И только создав женщине условия, при которых она сможет достаточно времени отдавать детям, семье, можно по всей строгости спрашивать с нее за нравственный уровень будущего гражданина.

Н. РЫСАЙ,
педагог

г. ДОНЕЦК

ИНФОРМАЦИЯ КОНСУЛЬТАЦИИ ОТВЕТЫ

● **СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ**

● **ЛЬГОТЫ ДЛЯ БУДУЩИХ МАТЕРЕЙ И ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ**

● **В ПОМОЩЬ КООПЕРАТОРАМ**

● **ЧТО НАДО ЗНАТЬ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВИРУСА СПИД? ОБ ЭТОМ РАССКАЗЫВАЕТ ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ МИНЮСТА СССР В. КАРЯГИН**

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие товарищи!

Вы часто обращаетесь к нам. Только за прошлый год в редакцию поступило более 400 тысяч писем. Все они очень разные. В одних ставятся проблемы, касающиеся острых вопросов нашей современной жизни, содержатся конкретные предложения, как исправить имеющиеся недостатки, как бороться с негативными явлениями. Немало писем содержат оценку наших публикаций, некоторые из них поддерживают точку зрения редакции, в других содержится нелицеприятная критика. Можно с уверенностью сказать, что поводом к написанию многих статей, репортажей, очерков, фельетонов послужили ваши письма. Что же касается пожеланий и замечаний в адрес журнала, то они самым внимательным образом анализируются и учитываются в нашей работе.

В то же время следует сказать, что огромное количество приходящих в редакцию писем связано с просьбой разъяснить действующее законодательство, практику его применения, как поступить в конкретной правовой жизненной ситуации.

Для этого и создан журнал «Человек и закон». Его главная задача — пропаганда правовых знаний среди населения именно на страницах журнала. И для того, чтобы полнее удовлетворять ваши запросы, мы концентрировали свое внимание на наиболее часто повторяющихся в ваших обращениях вопросах, которые в основном касаются жилищного, трудового, гражданского и уголовного права. Тем не менее анализ почты показывает, что продолжают поступать письма с вопросами, на которые журнал уже отвечал или получить на них квалифицированные ответы вы могли бы по месту работы или жительства.

Здесь хотелось бы обратить внимание и на такую особенность почты, когда наши читатели обращаются с вопросами, разрешение которых не входит в компетенцию редакции и их следовало бы урегулировать на местах. Не надо забывать, что редакция не вправе отменить решение суда, опротестовать приговор, привлечь к уголовной ответственности должностных лиц. Мы не можем, зная обстоятельства дела только со слов автора письма, дать заключение или рекомендацию по существу трудового спора, гражданского или уголовного дела и т. п.

Поэтому с целью упорядочения работы с письмами просим вас, дорогие товарищи, помнить:

— основная правовая информация содержится на страницах журнала. Читайте наш журнал и, мы уверены, во многих ваших правовых ситуациях вы сумеете разобраться сами;

— журнал не уполномочен давать и н д и в и д у а л ь н ы е правовые консультации гражданам. Их необходимо получать (и мы еще раз настоятельно рекомендуем поступать именно так) по месту работы, жительства, в юридических консультациях, коллегиях адвокатов, органах юстиции, судах и прокуратуре, в профсоюзных органах;

— журнал не является органом, который разбирает жалобы по конкретным уголовным, административным, гражданским и другим делам. Для этих целей существуют компетентные органы. Мы не раз писали на страницах журнала, куда следует обращаться для разрешения конкретных претензий и жалоб. Настоятельно просим вас помнить об этом.

С нашей стороны мы будем еще настойчивее изучать круг тех вопросов, которые наиболее часто встречаются в редакционной почте. Так, в этом номере по просьбе читателей Н. С. Николаева из Вологды, П. И. Соколова из Перми, И. И. Никонова из Арзамаса, П. Н. Сидоренко из Костромы и многих других мы рассказываем об одной из самых острых проблем жилищного права — порядке постановки на учет граждан по улучшению жилищных условий. Читайте об этом статью доктора юридических наук, профессора Г. Савичева в разделе «Правовой университет».

Кроме того, информация по интересующим вас вопросам будет расширена в правовых консультациях, в почтовом ящике «ЧиЗ», в целом планируется увеличить наш постоянный раздел «Информация. Консультации. Ответы».

Редакция

ЛЬГОТЫ ЖЕНЩИНАМ

В сентябре 1987 года вступил в силу Указ Президиума Верховного Совета СССР «О расширении льгот работающим беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей». Наш корреспондент встретился с консультантом юридического отдела ВЦСПС В. Зинченко и попросил прокомментировать данный Указ.

В. Зинченко. Указ в первую очередь направлен на то, чтобы обеспечить работающим женщинам более благоприятные условия труда, позволяющие сочетать работу в общественном производстве с воспитанием детей. В нем предусматривается ряд дополнительных льгот по режиму рабочего времени, при увольнении беременных женщин и женщин, имеющих детей, переводе их на другую работу, при решении вопроса о выплате женщинам пособий по уходу за ребенком и некоторые другие.

В частности, многие женщины реально воспользуются возможностью работать на условиях неполного рабочего времени. Вообще-то статья 26 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде и раньше предоставляла возможность рабочим и служащим работать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю. Но она предполагала, что рабочий или служащий может трудиться неполный рабочий день или неполную рабочую неделю только по соглашению с администрацией. Администрация, однако, могла такого согласия не давать. Теперь согласно Указу администрация обязана по просьбе женщин устанавливать им неполный рабочий день или неполную рабочую неделю. Право на эту льготу имеют беременные женщины, женщины, имеющие ребенка в возрасте до восьми лет или осуществляющие уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением.

Корреспондент. Сразу возникают два вопроса. Кто из членов семьи имеется в виду? И какие медицинские учреждения могут дать соответствующее заключение?

В. Зинченко. Все те, кто проживает совместно и ведет общее хозяйство. Это могут быть не только супруг и дети, но и родственники мужа, например, свекровь, другие члены семьи. Что же касается медицинского заключения, то оно выдается районными либо ведомственными поликлиниками, то есть теми лечебно-профилактическими учреждениями, где больной наблюдается постоянно.

Корреспондент. Виктор Гаврилович, скажите, пожалуйста, если женщины, о которых мы ведем речь, трудятся в условиях неполного рабочего времени, не сокращается ли в связи с этим их ежегодный отпуск?

В. Зинченко. Нет. Работа на условиях неполного рабочего времени не влечет каких-либо ограничений продолжительности еже-

годного отпуска, исчисления трудового стажа и других трудовых прав женщин. Однако тем из них, которые пользуются дополнительным отпуском за ненормированный рабочий день, при переходе на режим неполного рабочего дня дополнительный отпуск не предоставляется. Это естественно. Ведь неполный рабочий день исключает сверхнормативную занятость, за которую, собственно, и положен этот дополнительный отпуск. Что же касается женщин, занятых неполную рабочую неделю, но с полным рабочим днем, то отпуск за ненормированный рабочий день им предоставляется с учетом степени напряженности труда и фактической их занятости во внеурочное время. Продолжительность дополнительного отпуска в этих случаях определяет администрация по согласованию с профсоюзным комитетом.

Хотелось бы подчеркнуть и такой момент. Как известно, Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года предусматривается введение отпуска по уходу за детьми до двух лет, в том числе частично оплачиваемого до достижения ребенком возраста полутора лет. Но уже сейчас Указ запрещает использовать на ночных работах труд женщин, имеющих детей до двух лет, привлекать их к сверхурочным работам и работам в выходные дни и направлять в командировки.

Внесены изменения и в статью 70 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. Согласно этой статье беременным женщинам в соответствии с медицинским заключением снижаются нормы выработки, нормы обслуживания либо они переводятся на другую, более легкую работу, исключаящую воздействие неблагоприятных производственных факторов. При этом за ними сохраняется средний заработок по прежней работе. Перевод на более легкую работу по тем или иным причинам не всегда возможен. Да и сами женщины нередко от такого перехода отказываются. Поэтому на предприятиях сложилась практика, когда женщины продолжают трудиться на прежнем рабочем месте, но им снижаются нормы выработки или обслуживания. Законодательно такая практика закреплена настоящим Указом.

Корреспондент. А если нет возможности перевести женщину на другую работу? Или сразу несколько десятков человек требует перевода?

В. Зинченко. Администрация обязана изыскать возможность для перевода. В этих случаях широко используются совмещение профессий, другие возможности для замены отсутствующих работников.

Корреспондент. Виктор Гаврилович, в статье 71 Основ, дополненной Указом новой, третьей частью, сказано, что женщина, находящаяся в длительном отпуске по уходу за ребенком, может работать неполный день или на дому. Не могли бы вы пояснить этот момент?

В. Зинченко. Эта норма установлена в интересах женщин, поскольку дает им возможность пополнить семейный бюджет и позволяет также несколько восполнить нехватку трудовых ресурсов. Если женщина находится в отпуске по уходу за ребенком, трудовые отношения в этот период не прекращаются. Она может работать на своем либо на любом другом предприятии, при этом за ней сохраняется право на получение пособия за время частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком. При желании

женщина может приступить и к своей прежней работе с полным рабочим днем. Но в этом случае выплата пособия будет приостановлена.

Корреспондент. Скажите, если женщине перед уходом в отпуск по беременности снижались нормы выработки, то будет ли она получать пособие в полном объеме?

В. Зинченко. Разумеется. Пособие выплачивается полностью, поскольку оно исчисляется в этом случае из гарантированного работнице заработка по прежней работе.

Кроме того, мне хотелось бы остановиться еще на ряде изменений, внесенных Указом в Основы законодательства о труде Союза ССР и союзных республик. Так, если раньше перерывом для кормления ребенка пользовались матери, кормящие грудью, и женщины, имеющие детей до одного года, то теперь он положен всем женщинам, имеющим детей до полутора лет. Введена и другая очень важная норма — обязательное трудоустройство беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет, при увольнении их по окончании срочного трудового договора. Ранее запрещалось увольнять беременных женщин, матерей, кормящих грудью, и женщин, имеющих детей в возрасте до одного года, по инициативе администрации. И лишь в случае полной ликвидации предприятия увольнение допускалось, но с обязательным трудоустройством. А поскольку прекращение срочного трудового договора по истечении его срока не является увольнением по инициативе администрации, то права женщин в этих случаях ущемлялись. Они теряли не только работу, но и, как правило, право на пособие. Теперь это исключается.

Нельзя не сказать и о такой льготе по созданию для работающих женщин более благоприятных условий, позволяющих успешно сочетать материнство с участием в трудовой и общественной деятельности.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС с 1 ноября 1987 года увеличена продолжительность оплачиваемого периода по уходу за больным ребенком с 7 до 14 дней.

Больничный листок и пособие по уходу за больным ребенком, не достигшим 14 лет, выдаются теперь на период, в течение которого ребенок нуждается в уходе, но не более чем на 14 календарных дней.

Оплата первых 7 календарных дней, а одиноким матерям, вдовам (вдовцам), разведенным женщинам (мужчинам) и женам военнослужащих срочной службы, — первых 10 календарных дней производится в соответствии с действующим законодательством. Выплата указанного пособия за период соответственно с 8-го по 14-й календарный день и с 11-го по 14-й календарный день производится в размере 50 процентов заработка, независимо от непрерывного трудового стажа и членства в профсоюзе.

Бэседу вел В. СЕРГЕЕВ.

УСЛУГА КООПЕРАТОРАМ

С 1 октября 1987 года на основе действующих Правил добровольного страхования имущества кооперативных и общественных организаций Министерством финансов введено добровольное страхование имущества кооперативов по производству товаров народного потребления и обслуживанию населения.

В Москве и Московской области в порядке эксперимента такой вид страхования был введен несколько раньше, с 1 сентября 1987 года. Договоры с органами Госстраха уже заключили кооперативное кафе «Кропоткинская, 36», мебельный кооператив «Спутник», Балашихинский кооператив по общественному питанию «Аист». Судя по читательской почте, этот вид страхования сразу привлек внимание кооператоров. В своих письмах они просят подробно рассказать о порядке заключения договоров добровольного страхования имущества кооперативов. Выполняем их просьбу.

Прежде всего о том, что именно подлежит страхованию. Это могут быть здания, сооружения, оборудование, инвентарь, транспортные средства, товарно-материальные ценности и другое имущество, принадлежащее кооперативам, а также имущество, полученное по договору найма (если оно не застраховано у наймодателя) или принятое у других организаций и населения для производства товаров народного потребления и оказания услуг¹. Договор заключается при условии страхования всего имущества кооператива.

Что же касается страховых платежей, то они установлены в размере 40 копеек со 100 рублей страховой суммы.

Договоры добровольного страхования с кооперативами заключаются на случай гибели или повреждения имущества в результате пожара, удара молнии, взрыва, наводнения, землетрясения, просадки грунта, бури, урагана, ливня, града, оползня, обвала, необычного для данной местности обильного снегопада, селя, действия подпочвенных вод, проникновения воды из соседнего помещения, аварий, в том числе аварий средств транспорта, отопительной системы, водопроводных и канализационных сетей.

По желанию кооператива имущество может быть дополнительно застраховано на случай хищения, а также уничтожения или повреждения имущества в результате прекращения подачи электроэнергии, вызванного стихийным бедствием. Однако при этом ставка страховых платежей (40 копеек) увеличивается на 10 копеек со 100 руб. страховой суммы за каждый дополнительный страховой случай.

Страховое возмещение выплачивается путем перечисления его на счет кооператива в учреждении банка.

¹ Страхование сельскохозяйственных животных, пушных зверей, кроликов, домашней птицы и семей пчел, принадлежащих указанным кооперативам, а также страхование урожая сельскохозяйственных культур осуществляется в соответствии со специальными правилами.

Читателей интересует и такой вопрос: всегда ли выплачивается страховое возмещение? Нет, не всегда. Например, если гибель (повреждение) застрахованного имущества произошла в результате невыполнения предписания органов господнадзора либо явилась следствием умышленных действий члена кооператива, а также если о повреждении имущества не было заявлено в органы милиции, страховое возмещение не выплачивается.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что договоры добровольного страхования имущества кооперативов заключаются сроком на один год, а кооперативов, деятельность которых носит сезонный характер, — на срок от трех месяцев до одного года.

Обращаться для заключения договора следует в инспекции государственного страхования.

Н. ВАРЛАМОВА,
юрист

Осторожно: СПИД!

Что такое СПИД, как им можно заразиться и почему это заболевание называют иногда чумой XX века, сегодня знает каждый. Однако хотелось бы еще раз напомнить, что СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита) — угроза человечеству. Заболевание это вызывается специфическим вирусом, который, попадая в кровь, повреждает определенный тип белых кровяных шариков (лимфоцитов), являющихся важным звеном защитной (иммунной) системы организма. Пораженный вирусом СПИД, человек становится абсолютно «беззащитным» перед микробами и опухолями, что приводит к смерти.

По данным ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения), в настоящее время в мире насчитывается от 5 до 10 миллионов вирусоносителей, а количество больных СПИДом составляет около 100 тысяч человек. Эксперты ВОЗ считают: к концу столетия СПИДом заболит от 1 до 5 миллионов человек.

В нашей стране принят ряд мер, направленных на предупреждение и ограничение распространения СПИД. В частности, усилена борьба с наркоманией и проституцией. Министерством здравоохранения созданы все необходимые условия для исключения передачи вируса СПИД при донорстве. Однако до определенного времени специальные обследования на СПИД проводились только на добровольных началах. В результате люди, в отношении которых можно было предположить, что они являются вирусоносителями, в поле зрения органов здравоохранения не попадали и никакой ответственности за распространение этой болезни не несли.

В целях охраны здоровья населения и предотвращения заражения вирусом СПИД на территории СССР, а также учитывая важность принятия мер для эффективного международного сотрудничества по борьбе с этим заболеванием, Президиумом Верховного Совета СССР 25 августа 1987 года принят Указ «О мерах профилактики заражения вирусом СПИД». Прокомментируем некоторые его статьи.

Статья 1 Указа гласит: граждане СССР, а также иностранные граждане и лица без гражданства, проживающие или находящиеся на территории СССР, могут быть обязаны пройти медицинское освидетельствование на выявление заражения вирусом СПИД.

Правилами освидетельствования, утвержденными Министерством здравоохранения СССР 28 августа 1987 года, установлено, что специальное медицинское обследование должны пройти те граждане, которые могут быть источником заражения вирусом СПИД. К ним относятся прежде всего так называемые группы риска, куда входят гомосексуалисты, проститутки, наркоманы. Освидетельствованию подлежат также доноры; советские граждане, возвращающиеся из длительных зарубежных командировок; иностранные граждане и лица без гражданства, прибывающие на длительный срок в нашу страну из мест, где имеет распространение СПИД, а также те, кто имел половые контакты с вирусоносителями.

В тех случаях, когда граждане, в отношении которых имеются основания предполагать, что они заражены вирусом СПИД, уклоняются от освидетельствования в добровольном порядке, они могут быть доставлены в лечебные учреждения органами здравоохранения при содействии в необходимых случаях органов внутренних дел.

Что же касается иностранных граждан и лиц без гражданства, уклоняющихся от освидетельствования, то, как предусмотрено Указом, в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР», они могут быть выдворены из пределов СССР.

Указом установлена и строгая уголовная ответственность как за заведомое поставление в опасность заражения заболеванием СПИД, так и за сам факт заражения. В первом случае виновный наказывается лишением свободы на срок до пяти лет, во втором — на срок до восьми лет. Таким образом, мера наказания зависит от наступивших последствий преступления. При этом надо иметь в виду, что к уголовной ответственности может быть привлечен только тот человек, который знал, что он является вирусоносителем, то есть прошедший медицинское освидетельствование и имеющий заключение лечебного учреждения о наличии в его организме вируса СПИД.

Так как борьба с вирусом СПИД является важнейшей проблемой международного здравоохранения и для ее решения нужна действенная программа научных и практических изысканий всех стран мира, статья 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О мерах профилактики заражения вирусом СПИД» обязала Совет Министров СССР принимать все необходимые меры по развертыванию широкого международного сотрудничества на двухсторонней и многосторонней основе, направленного на предупреждение и ограничение распространения этого заболевания.

В. КАРЯГИН,
заместитель начальника
Управления Министерства
юстиции СССР

ЛЕГКО ЛИ СТАТЬ ВИНОВАТЫМ?

О Ч Е Р К

Февральской ночью 1985 года к дому Адыла Кадырова в поселке Янгибазар Ташкентской области подъехал автомобиль «Жигули». Водитель остался за рулем, а к дому направились четверо, трое в милицейской форме, один в штатском.

— Подполковник милиции Набиходжаев, — представился перепуганному хозяину человек в штатском. — В Ташкенте совершено ограбление ювелирного магазина, следствие располагает данными, что похищенные ценности и деньги находятся в вашем доме. Имеется постановление на обыск.

Спустя два часа «Жигули» увезли работников милиции, а вместе с ними и 4365 рублей личных сбережений семьи Кадырова.

Потрясенному семейству подполковник Набиходжаев оставил копию протокола обыска. С этим документом Кадырову следовало явиться в УВД Ташгорисполкома, где еще до его приезда, как было обещано, по номерам ассигнаций установят, имеют ли эти деньги отношение к ограбленному ювелирному магазину. Если нет, то хозяин их получит вместе с искренними извинениями подполковника Набиходжаева.

Но ничего этого не произошло, так как не было в Ташкенте ограбления ювелирного магазина и не было в природе подполковника милиции Набиходжаева, а была просто афера. Но стоп, афера ли? Неизвестные лица в форме работников милиции ночью обыскивают дом, забирают деньги. Серьезное дело, которое поручают следователю по особо важным делам прокуратуры города Ташкента Х. Таджиеву.

Спустя четыре месяца по вызову Х. Таджиева в городскую прокуратуру явился старший оперативный уполномоченный отделения уголовного розыска Хамзинского РОВД капитан милиции Эдуард Чжен. Разговор был коротким:

— Поедешь со мной в поселок Янгибазар. Суть дела узнаешь на месте.

Уже в Янгибазаре в кабинете начальника райотдела милиции, увидев на трех стульях сложенные комплекты милицейской формы, Эдуард понял, что будет опознание. Сам не раз проводил это следственное действие.

В чем его подозревают, Эдуард Чжен узнал из вопросов следователя к свидетелям во время опознания.

— Узнаете ли в ком-нибудь из сидящих перед вами того, кто производил у вас незаконный обыск и присвоил деньги?

— Нет, среди них никого нет, — ответил молодой член семьи Кадырова.

Второй в кабинет вошла девушка, она очень неуверенно показала на Эдуарда: «Вроде похож». После категорических вопросов: «Так он или нет?», сказала «Он».

Оставался еще один свидетель. Но в это время следователь Таджиев вышел из кабинета. Никто не имел права выходить из помещения во время опознания. Зачем следователь идет на это нарушение?

Вернувшись, Х. Таджиев предложил всем участникам опознания поменяться местами. Эдуард отказался, подчеркивая, что бояться ему нечего.

В кабинет вошел глава пострадавшего семейства старший Кадиров.

— Ассалом ва алейкум, ата! — вскочив из-за стола, начал длинное восточное приветствие Таджиев. Радушно, как после большой разлуки, обнял он человека, с которым раз десять нос к носу на глазах Эдуарда сталкивался в коридоре, пока готовилось опознание.

Теперь все нюансы для Эдуарда приобретали зловещий смысл. Без каких-либо колебаний старик указал на него.

— Отец, посмотри внимательно. Я близко там не был, понятия не имею, где твой дом, — настаивал Эдуард. Но тщетно.

По возвращении в Ташкент в прокуратуре Э. Чжен пытался что-то объяснить следователю. Была еще возможность избежать ошибки. Но Таджиев, сунув ему лист бумаги и буркнув «пиши, а не разговаривай», сел за пишущую машинку.

Эдуард прочитал два первых слова: «Специальное сообщение». Он знал, что такие сообщения пишутся лишь в случаях, когда преступления совершают работники правоохранительных органов. Он пытался объяснить, протестовал, приводил доводы, говорил, что истина лежит на поверхности, стоит лишь проверить, где он был в тот день, поговорить с его коллегами из районной милиции.

Но Таджиев его не слышал. Был рядом, но не слышал. Он был на подъеме, был в ударе. Такое престижное дело. Шел 1985 год, первые шаги перестройки. Масса претензий и к милиции, а здесь... Незадолго до этого Таджиева с выговором освободили от занимаемой должности и назначили следователем прокуратуры по особо важным делам (интересное «понижение!»), а на этом деле он, видимо, решил взять реванш.

Протесты, просьбы, доводы Э. Чжена следователь прервал звонком в милицию с просьбой прислать усиленный наряд, чтобы водворить «преступника» в изолятор временного содержания. Бывшие коллеги Э. Чжена, пряча глаза, надели на него наручники.

Специальное сообщение, напечатанное Таджиевым, гласило, что органами прокуратуры задержан и привлекается к уголовной ответственности за... разбойное нападение (ст. 127 УК УзССР) старший оперуполномоченный Хамзинского РОВД Эдуард Чжен. По сути, это был уже приговор. Формально нет, любой человек знает, что приговор выносит суд. Но то, что знает любой человек, что относится к азам правосудия, как оказалось, могут игнорировать в УВД Ташгорисполкома. Там отнеслись как обыватели — раз привлечен, значит, повинен — и издали приказ, первый пункт которого гласит: «За совершение преступления(?), личную недисциплинированность старшего оперуполномоченного

уголовного розыска капитана милиции Э. Чжена уволить из органов внутренних дел за дискредитацию».

У Э. Чжена в изоляторе еще оставалась надежда. Он знал, что через три дня истекает срок задержания и следователь должен получить санкцию на арест. Прокурор дать ее не должен, не может, обязательно вызовет, и кончится этот страшный сон. Так думал Эдуард. Но прошло пять дней, никто не появился, никуда не приглашали, а от дежурного по изолятору он узнал, что санкция есть и он уже не задержанный, а арестованный.

Но человек не один, есть семья, друзья, коллеги по работе. Вся районная милиция была на стороне Эдуарда. Он не виновен. Арест — грубая ошибка следствия. Начальник отделения уголовного розыска Ильяр Ташпулатов и заместитель начальника райотдела милиции Валерий Шурховецкий пытались объяснить следователю, что обвинение ошибочно, что не мог ведущий работник, который круглые сутки на работе, имеет самый тяжелый участок (рынок, вокзал) и самые высокие показатели раскрываемости дел, превратиться в обвиняемого. Кроме личных впечатлений, у них были и профессиональные аргументы. По показаниям свидетелей, Эдуард якобы писал протокол обыска, копия которого осталась у потерпевших и имеется в деле. Почерковедческая экспертиза, которую можно было сделать еще до вызова Э. Чжена в прокуратуру, полностью исключила бы его причастность к этому делу. Но она не была сделана до ареста, не делалась и после. Одновременно с Эдуардом был арестован некий Д-в, человек с уголовным прошлым, по новым делам которого Чжен сам недавно начал расследование. Теперь, согласно учету, имя этого человека прошло через многие документы, которые невозможно закрыть — есть надзор, есть контроль. Так где логика? — спрашивали Таджиева, — кто же будет привлекать к ответственности своего напарника до преступления? Но у Таджиева нашлось что ответить:

— Вы не защищайте, еще до вас доберемся.

А Чжен, сидя в камере, протестовал, писал жалобы и заявления в различные инстанции, ташкентские и московские. Писали и его родственники. Ответы были стандартными: «Жалоба рассмотрена, необходимые следственные действия проводятся, ход расследования находится на контроле в прокуратуре, а данное заявление направлено для приобщения к делу». Последние слова следовало читать: «ваше заявление направлено тому, на кого вы жалуетесь». Эдуард добивался встречи с прокурором, подписавшим санкцию на арест. Не добился. Не смог встретиться и с прокурором по надзору за следствием.

Наконец через начальника изолятора временного содержания он передал, что готов давать показания о преступной деятельности руководителей ташкентской милиции. Тогда к нему пришел прокурор города Г. Филиппенков с начальником следственного отдела.

— Меня арестовали незаконно, по опознанию, проведенному с грубейшими нарушениями процессуального кодекса. Почему никто не прекратит этот произвол? Об этом я и хотел говорить с вами.

Все, что он говорил, внесли в протокол, обещали проверить, разобраться. Таджиеву Эдуард отказался давать показания, письменно заявив отвод. Писал, что следствие ведется предвзято,

исключительно с обвинительным уклоном, все, что не подкрепляет обвинение, отбрасывается, не проверяется, не фиксируется в деле.

Затем наступила пауза.

Шли дни. Никто Эдуарда не вызывал, никто с ним не беседовал, казалось, о нем забыли. Спустя три месяца Чжена вызвали в кабинет, где он увидел следователя по особо важным делам прокуратуры города Урамана Эшанханова. Им приходилось раньше встречаться — выезжали на место происшествия.

— Я буду вести твоё дело, Эдуард. Таджиева отстранили, у нас все будет нормально, — бодро начал Эшанханов. — Я сам очень хорошо отношусь к милиции, ты же знаешь, — я зять министра внутренних дел, в обиду милицию не дам. Сейчас направляю на почерковедческую экспертизу ту самую расписку-протокол изъятия денег, этот вещдок. Если почерк не твой — дело прекращаю.

— А что, раньше, до ареста, это не мог сделать Таджиев?

Почерковедческая экспертиза дала отрицательный ответ, и Эшанханов сдержал свое слово. Появившись снова в конце октября, он ознакомил Эдуарда с заключением экспертов и с постановлением о прекращении уголовного дела.

Казалось бы, это и есть счастливый конец, надо поздравить друг друга с торжеством справедливости и подумать о том, чтобы ничего подобного не произошло впредь, но в том-то и загвоздка: чтобы избежать подобного впредь, надо сначала привлечь к ответственности кое-кого за незаконный арест, за ненадлежащий надзор за следствием, за само следствие. А кто они? А это работники городской прокуратуры. Теперь над ними навис меч правосудия. Как же быть? Держать Э. Чжену под арестом нельзя, судить его не за что, отпустить — как говорится — себе в убыток и еще какой! За незаконный арест нужно отвечать.

Оказывается, напрасно Э. Чжен, сидя в камере, думал, что никто им не занимается, совсем забыли. В это время шла самая большая «изыскательская» работа, и, когда следователь Эшанханов зачитывал постановление о прекращении дела, решение проблемы было найдено, подготовлено и ждало своей минуты. Только успел Эдуард осознать, что незаконное обвинение с него наконец снято и уже собрался выслушать извинения следователя, как Эшанханов предъявил ему новое обвинение. Оказывается, взамен провалившегося дела начато новое — о злоупотреблении служебным положением, допущенным им, Эдуардом, за два года до той самой злосчастной аферы с обыском в доме Кадырова.

К обвинительному заключению была приложена такая справка (дословно): «Уголовное дело возбуждено и принято мною в производство 28 октября 1985 года. Обвинение Э. Чжену предъявлено 29 октября 1985 г. Предварительное следствие окончено 30 октября 1985 г.». Внизу личная подпись Эшанханова.

Тут же приложен список лиц, подлежащих вызову на судебное заседание, — двадцать пять человек. Возникает вопрос — когда же следователь успел с ними встретиться, взять показания, провести очные ставки. Если делал, то не за три же дня. Если не делал, то кто работал за него?

Оказывается, был такой человек. Все тот же следователь Таджиев. Это он, поняв, что за незаконный арест Эдуарда грозит уголовная ответственность, нашел выход. Он воспользовался принципом: «Был бы человек, а статья найдется».

Итак, был человек — Эдуард Чжен, а статьи у него не было. И когда Эдуард удивлялся, что его никто не вызывает, что следствия о нем забыли, шла самая напряженная работа — Таджикив занимался отказными делами Эдуарда.

Отказные дела. Что же это такое?

Отказ от возбуждения уголовного дела возникает нередко. Думал, например, человек, что у него похитили ценную вещь, а она нашлась, кто-то взял без спроса, а потом вернул. Пишется встречное заявление, дело не возбуждается. Но отказ оформляется по всей форме, подписывается руководством милиции, проверяется прокуратурой района, ведется учет отказов. Бывает, что отказы повторно проверяют различные комиссии и не всегда с ними соглашаются, кое-что возвращают для перепроверки. Это минус работникам милиции. Как раз такая комиссия в описываемое время работала в Ташкенте, и Таджикив запросил, а нет ли у Эдуарда отказных дел. Оказалось, что есть, но гораздо меньше, чем у других его коллег. Тогда Таджикив сам лично едет в райотдел милиции и добивается возврата на расследование еще пяти старых заявлений. Теперь у Эдуарда не меньше, чем у других, «необоснованных» отказов.

Но где же здесь преступление, где заведомо злой умысел и личная корысть Чжена? На помощь приходит статья 149 — «Злоупотребление служебным положением», часть вторая (при особо отягчающих обстоятельствах). Эту статью применили к Эдуарду, не смутившись тем, что она была включена в Уголовный кодекс в марте 1985 года, то есть закон был принят спустя полгода после последнего отказного дела, которое поставили в вину Э. Чжену.

Опять противоречие элементарным принципам правосудия. И где? В прокуратуре города Ташкента.

Эпизоды, попавшие в обвинительное заключение, на удивление, однообразны. В одном из гаражей сняли колеса с машины, переставили на другую, а водителя не предупредили. Он решил, что кража — и к начальнику. Заявили в милицию. Через день разобрались и написали встречное заявление. Возникло отказное дело. В другом месте электрик снял кондиционер и отправил в ремонт, но предупредить кого надо забыл. Тоже, думали, кража. Тоже отказное дело. Где-то повздорили супруги, муж забрал свои вещи и уехал. Не желая расстраивать кормящую мать, родственники ей сказали, что муж уехал в командировку, а вещи украдены. Поддали даже заявление в милицию. Но тут же втайне от «потерпевшей» написали встречное заявление. И здесь отказное дело.

Никто из заявителей и не вспоминал про эти дела, никаких претензий ни к Чжену, ни к милиции не было. И вдруг, спустя почти два года, всех вызывают в прокуратуру. Но не для того, чтобы найти похищенное (искать-то нечего), а чтобы доказать, что Чжен принуждал писать встречные отказные заявления, добивался снятия с учета и укрытия преступлений. И они уже не потерпевшие, а свидетели по обвинению Чжена. В разговоре с ними Таджикив походя ронял информацию: «А вы знаете, что Чжен-то в тюрьме. Да, вот такой оказался человек». Это был фон, на котором такая мелочь, как отказные дела, — лишь штрихи к портрету «оборотня» в милицейской форме. Кое на кого это действовало.

Но Таджиев знал, что, даже доказав «вину» Чжена в злоупотреблении служебным положением, не оправдать ареста и содержания под стражей. Не та статья. Требовалось найти нечто весомое. И тут возник эпизод Петра Семенца — сына потерпевших, от которых Эдуард якобы хотел получить отказное заявление. В обвинительном заключении, изготовленном сменившим Таджиева следователем Эшанхановым, указано, что Эдуард Чжен с двумя неустановленными работниками милиции избивал Петра Семенца, заставляя его взять на себя кражу транзистора и орденов отца-фронтовика. Избиение свидетеля — это уже серьезное обвинение, статья 150 УК УзССР — превышение власти. Здесь уже арест оправдан.

Марию Ивановну Семенец — мать Петра — вызывали в прокуратуру раз десять. Она постоянно говорила одно — никто встречных заявлений не вымогал, никаких претензий к Чжену нет. Наоборот, все соседи ему благодарны — навел порядок на участке, избавил от вокзальной шпаны, пьяниц и хулиганов. Сына не оправдывала — большой человек, трижды лечился от алкоголизма, все может сделать и сказать. Удивлялась, как можно из него делать центральную фигуру обвинения. Однажды она с ужасом обнаружила, что говорит одно, а в протокол пишется совсем другое. Пожилая женщина возмутилась, стала протестовать, открыто заявила, что здесь нечестное дело. Она кинулась вырывать из рук следователя листки протокола. На шум сбегались работники прокуратуры, пригрозили надеть наручники (?!).

Но «машина» прокуратуры, набрав обороты, уже не могла остановиться. И так, суд.

Дело рассматривалось в Кировском районном суде Ташкента под председательством народного судьи Назарова. В зале было много сослуживцев Эдуарда — работников Хамзинского райотдела милиции. Расследование «дел» Эдуарда Чжена имело в их районном отделе непосредственное продолжение. Вспомним угрозу Таджиева: «А вы не защищайте, еще до вас доберемся». Он сдержал свое обещание. Городская прокуратура возбудила уголовное дело против заместителя начальника райотдела Валерия Шурховецкого за те же отказные дела Чжена по той же статье (149 УК УзССР). Его отстранили от должности, и встал вопрос о его партийности. Первичная организация райотдела категорически не согласилась исключить Шурховецкого из партии.

Не все, конечно, работники районной милиции оставались стойкими и принципиальными, кое на кого подействовало, что дело против Чжена и Шурховецкого ведет зять министра внутренних дел. «Мудрые» решили не протестовать, не высвечиваться. Не зря говорил Эшанханов о своем родстве с министром, оно здесь постоянно срабатывало — связывало руки тем, кто хотел помешать произволу, и развязывало другим.

На суде по всем эпизодам обвинения свидетели дали показания в пользу Чжена. Адвокат не оставил от обвинения «камня на камне». Эдуарда Чжена под аплодисменты присутствовавших освободили из-под стражи в зале суда.

Это было эффектное зрелище, но не более того. Не было радости ни у Чжена, ни у его адвоката, ни у коллег по работе. Освободить — это еще не значит оправдать. До торжества справедливости было еще далеко.

Суд оправдал Чжена лишь по статье 150 УК УзССР (превышение власти), но признал виновным по ст. 149 — злоупотребление служебным положением по отказным делам. Его приговорили к двум годам исправительных работ без лишения свободы с зачетом срока содержания под стражей. По форме — освободили в зале суда, а по сути — осудили, объявили преступником. Но не было потерпевших. Никто из свидетелей обвинения себя потерпевшим не считал, ни следствие, ни суд их потерпевшими не признали. Парадоксальная ситуация.

Приговор был обжалован, но Ташкентский городской суд оставил его без изменений. Тогда адвокат Чжена пошел на прием к председателю президиума городского суда. Дело было истребовано, изучено и коллегиально рассмотрено, было принято постановление. Вот краткие выдержки: «Предварительное следствие проведено с нарушением Уголовно-процессуального кодекса УзССР» (указаны нарушения по девяти статьям)... «В ходе судебного разбирательства не было установлено, что Э. Чжен, вынося постановление об отказе, злоупотреблял служебным положением, что он не принял мер, предусмотренных законом... Не лишены оснований доводы Чжена о том, что его привлекли к ответственности по ст. 149 УК УзССР, чтобы исправить ошибку — необоснованный арест... Судебное заседание показало, что следствием от свидетелей Семенец П. и Семенец М. И. были отобраны заведомо неправильные показания, дабы очернить Чжена». Решение президиума Ташкентского городского суда было однозначным: приговор по делу Эдуарда Чжена ОТМЕНИТЬ.

Но опять рано радоваться. Отменен лишь приговор, а Эдуард не оправдан. Решением президиума Ташкентского городского суда дело направляется на дополнительное расследование.

И куда бы вы думали? Опять в Ташкентскую городскую прокуратуру. Там оно переходит из одних рук в другие и, наконец, оседает у следователя по особо важным делам А. Холмухамедова, а тот, спустя полгода, выносит постановление, которое полностью реабилитирует... Таджиева и Эшанханова. В итоге вывод — опять Э. Чжен виновен, он злоупотреблял служебным положением, отказывал в возбуждении уголовных дел.

Здесь уже не раз упоминалось, что по «делам» Э. Чжена допускались нарушения уголовно-процессуального кодекса. Не отказал себе в этом и следователь Холмухамедов. Уголовно-процессуальный кодекс регламентирует все процедуры следствия и судопроизводства, потому он и назван процессуальным. В нем четко расписано, что решает суд, что прокурор, а что следователь. И выясняется, что прекращать дело по статье 48 УК УзССР следователь не имеет права. Это не предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом Узбекской ССР. Значит, итоговый документ, подписанный Холмухамедовым, не имеет силы, юридически несостоятельный. От нарушения буквы закона до искажения его сути — один шаг. Процессуальное законодательство предусматривает прекращение дела в связи с изменившейся обстановкой лишь при согласии обвиняемого. Вот в чем суть закона. Чжен был бы против такого прекращения, но его об этом и не спрашивали.

Теперь подведем итоги — что же восторжествовало и кто наказан. По делу об афере с обыском в доме Кадырова, которое при аресте Чжена назвали «разбойным нападением», виновников так и не нашли. До торжества правосудия здесь не дошло. Тех «пре-

ступников», которые якобы укрылись за отказными делами Чжена, тоже не нашли, не ищут и цели такой не ставили.

Но кто же реально пострадал?

Следователь по особо важным делам Таджикиев, как и прежде, на страже закона и порядка.

У следователя Эшанханова кое-что изменилось: он уже представляется иначе, превратился в зятя бывшего министра внутренних дел. В остальном он не пострадал.

Назаров — народный судья Кировского района недавно избран членом городского суда.

Работники городской прокуратуры, которые непосредственно причастны к «делам» Э. Чжена, включая и Холмухамедова, — все на своих местах.

Валерий Шурховецкий, бывший заместитель начальника райотдела милиции, при аресте Чжена «за разбой» получил выговор по УВД Ташкента за плохую воспитательную работу. При обвинении Чжена по отказным делам он был снят с работы, получил партийное взыскание, его даже пытались привлечь к уголовной ответственности. Начатое прокуратурой против него уголовное дело лопнуло как мыльный пузырь. Но в итоге даже не извинились перед ним, не задумались, что человек четырнадцать лет, будучи еще капитаном милиции, работал на должности, требующей звания подполковника, а теперь сверх срока остается майором. Можно сказать, подпортили карьеру, а можно сказать иначе — честный многолетний труд ничего не значит против амбиций нерадивых следователей. До принципиальных оценок здесь тоже пока не дошло.

Эдуард Чжен двенадцать лет работал в уголовном розыске, не раз один на один выходил на вооруженных преступников, незадолго до ареста имел благодарность от начальника УВД города за раскрытие убийства, по которому ошибочно был привлечен невиновный. Эдуард полгода содержался под стражей, потом работал бетонщиком с вычетом как у осужденного двадцати процентов зарплаты. Никакой реабилитации нет. Куда бы ни пришел устраиваться на работу, для всех ясно одно — был милиционером, попал в тюрьму, имел срок исправительных работ. Что произошло на самом деле и за что поломали человеку жизнь, всем не расскажешь. Начальник отделения уголовного розыска майор милиции Ильяс Ташпулатов говорит так:

— Я готов в любой момент взять Эдуарда обратно. Заявлял об этом в прокуратуре, в суде и повторю в любом месте. Но пока что помочь ему не могу. Пытаюсь, не получается.

Не берут даже во вневедомственную охрану.

В «деле» Чжена ясно видны «болевые точки» нашей правоохранительной службы. Оно, как водоворот, втягивало в себя новых и новых следователей и прокуроров, которые теперь вынуждены стоять на своем, иначе придется отвечать.

А народный судья и заседатели, чье решение было отменено, где их ответственность за брак?

Справедливость, социалистическая законность по делу Чжена и пострадавших вместе с ним должны восторжествовать. С виновных должен быть спрос.

И. ЗЕРНОВ

ОТВЕТНЫЙ УДАР «ИМПЕРИИ»

Вступая в должность министра юстиции Колумбии, Родриго Лара Бонилья клятвенно пообещал президенту Бетанкуру не жалеть сил для борьбы с наркомафией.

В результате серии тщательно продуманных и хорошо скоординированных ударов органам колумбийской юстиции удалось одновременно стреножить всех наиболее влиятельных колумбийских кокаиновых баронов — Пабло Эскобара Гавирию, Гонсало Родригеса Гачу, Карлоса Ледера и Хорхе Очоа. Самых «неприкасаемых» не трогали. Однако даже аресты их помощников и руководителей отдельных лабораторий существенно изменили картину в кокаиновой промышленности.

Рейд следовал за рейдом. Тайные лаборатории уничтожались десятками. Готовая продукция конфисковывалась сотнями килограммов. Захваченным оружием можно было снабдить армейский полк. Арестованных самолетов хватило бы для создания небольшой авиакомпании. Ежедневно Лара подписывал пачки ордеров на арест.

Операции приняла такой размах, что в колумбийских политических кругах вскоре засомневались — радоваться по поводу бурной деятельности министра юстиции или тревожиться. Ниточки связей тянулись от рядовых мафиози все выше и выше — к ведущим банкирам и промышленникам, в конгресс, в правительство.

Империя южноамериканских кокаиновых баронов не признает государственных границ. Это действительно империя, простирающаяся от Боливии через Перу и Колумбию до Панамы, Коста-Рики и дальше — до США. Кокаиновые бароны действительно кокаиновые, баснословно разбогатевшие на торговле белым ядом, и как истинные бароны — властные, жестокие, привыкшие ни в чем не знать преград.

Ежегодный доход только упомянутой четверки заправил кокаинового бизнеса составляет по разным оценкам от 15 до 26 миллиардов долларов. На эти деньги они в состоянии купить все, что им требуется для расширения преступных операций, — острова, самолеты, полицию, министров. Надо отдать должное мужеству Родриго Лары Бонильи, который рискнул замахнуться на их всевластие.

Почуввав опасность, наркомафия решила для начала попробовать нейтрализовать чрезмерно усердного министра самым простым и обыденным способом. Один из наиболее влиятельных кокаиновых

баронов, Пабло Эскобар Гавирия, вполне официально обратился к Ларе как член палаты представителей колумбийского парламента (ни больше и ни меньше!) и в изящной дипломатической форме предложил ему взятку в особо крупных размерах. Но на этом этапе беседы у министра так «зачесались» кулаки, что уважаемый депутат предпочел в спешном порядке ретироваться.

Тогда, действуя по принципу «не мытьем, так катаньем», Эскобар решился на новую схватку со строптивым министром. Чтобы затея не сорвалась, Эскобар не брезговал никакими средствами. Зная о том, что у депутата конгресса Хайро Ортеги Рамиреса «рыльце в пушку» и он не посмеет отказать мафиозо, Эскобар поручил ему выступить с сенсационным публичным заявлением о том, что Лара принял миллион песо от другого наркобарона.

Скандал удался на славу. Купленный Эскобаром, судья Хулиан Рохас Оталора возбудил против министра юстиции дело о получении взятки. Несостоятельность обвинения была доказана очень быстро. Тем не менее сплетни и кривотолки заставили многих усомниться в кристальной честности министра.

Стремясь утвердить свой авторитет, Лара решился на беспрецедентный шаг. Под его руководством была проведена крупнейшая в истории Колумбии военно-полицейская операция против наркомафии. Она завершилась разгромом целого комплекса тайных лабораторий по переработке кокаина. В него входили 19 «предприятий» по производству наркотика с постоянным штатом в 1000 человек. Их оборудование позволяло вырабатывать до 300 тонн сверхчистого кокаина в год. На складе комплекса было захвачено 40 тонн невинно выглядящего белого порошка, розничная цена которого превышала миллиард долларов.

После этого авторитет Лары чрезвычайно укрепился. Бросив преступникам вызов, одерживая победу за победой, в глазах миллионов колумбийцев Родриго Лара Бонилья предстал как человек, честно и отважно выполняющий свой гражданский долг.

Мафия смотрела на него несколько иначе. Министр чувствовал на себе этот угрожающий взгляд, знал, что вокруг него плетется паутина заговора. Когда стало известно о предложении президента Колумбии назначить Лару на пост посла Колумбии в Чехословакии, никто не удивился. Лара нанес по репутации наркомафии столь сокрушительный удар, что имел все основания опасаться за свою жизнь. И, подыскивая для него место дальнейшей службы, президент не случайно остановил выбор на социалистической стране.

Для утверждения в должности посла требовалась резолюция конгресса. Но купленные наркомафией депутаты искусно тормозили ход обсуждения его кандидатуры. Лара меж тем продолжал работать. Ездил по-прежнему на обычном «мерседесе», отказавшись от предложения оснастить его пуленепробиваемыми стеклами и бронированным кузовом. Это не было пустой бравадой или игрой на публику. Он не хотел показать, что боится своих врагов. Надеть под пиджак бронезилет означало для Лары признать их превосходство над собой, а значит, над всей колумбийской системой правосудия.

Меж тем мафия уже натянула тетиву лука, в которую была вставлена смертоносная стрела. Общее руководство операцией взял на себя Эскобар, серьезнее других пострадавший от неумо-

мости и непримиримости Лары. В считанные дни он сколотил «сборную» из 22 профессиональных преступников.

Основной ударной группой непосредственно командовал Рубен Лондоньо Васкес — доверенное лицо Эскобара в одном из муниципальных советов колумбийского департамента Антиокия. Рука об руку с ним работал политический секретарь уважаемого депутата Хуан Фернандо Рестрепо. Техническую сторону заговора контролировал матерый бандит Херман Диас Кинтана по кличке Хрипун. Именно он купил два одинаковых мотоцикла «ямаха», легких и мощных. Затем разыскал двух старых приятелей — Дарио Альвареса и Веласкеса Арену, охотно бравшихся за «мокрые» дела. Не вдаваясь в детали, Хрипун предложил им по два миллиона колумбийских песо за убийство якобы его должника.

...Вечером 30 апреля 1984 года Лара задержался в министерстве дольше обычного. Только в начале восьмого небольшой кортеж из белого «мерседеса» и двух «джипов» с охраной тронулся по маршруту, определенному службой безопасности для этого дня. Совсем недалеко от особняка министра, расположенного в фешенебельном районе Боготы, кортеж поравнялся с мотоциклом, неспешно катившем в крайнем правом ряду. Вечер выдался сырой, холодный, и тот факт, что пассажир кутался в просторное грубошерстное пончо, привлек внимание охраны только тогда, когда ткань натянулась упершимся в нее изнутри автоматным стволом. Дарио Альварес практически в упор дал три очереди в правое заднее окно «мерседеса», у которого сидел Лара.

В последнее мгновение министр каким-то чудом успел среагировать и рухнул плашмя на пол между сиденьями. Поэтому шесть пуль пробили ему плечо и руку навывлет по касательной, не задев жизненно важных органов. Но седьмая волею случая угодила точно в затылок.

Охрана открыла ответный огонь с опозданием в несколько секунд. Раненый Дарио Альварес закричал водителю: «Гони!» Защищенные бронезиловыми, преступники отстреливались, швырнули гранату. Но ничто не могло остановить обезумевшую от ярости охрану. Рев двигателей, треск автоматных очередей, визг резины, крики разбежавшихся в ужасе прохожих, завывание сирены и разноголосица автомобильных клаксонов слились в какофонию отчаяния.

На вираже одному из телохранителей удалось вклепить снайперскую очередь в руку водителя мотоцикла. От боли тот на мгновение забылся, и летящая на бешеной скорости машина, срикошетив о бордюрный камень, ударилась в дерево и с хрустом и лязгом разлетелась вдребезги. Дарио Альварес умер мгновенно, разможив об асфальт череп. Веласкеса Арену удалось взять живым.

СЛЕДСТВИЕ ОКОНЧЕНО, ЗАБУДЬТЕ..

Гигантская машина следствия поначалу заработала на высоких оборотах, ритмично и эффективно. Покойный министр не жалел усилий на ее отладку, и аппарат дознания даже после его гибели какое-то время по инерции работал с четкостью часового механизма. Ордер на арест Эскобара, допрос Очоа, прокатившаяся по владениям «кокаиновых баронов» волна обысков — все говорило о серьезности намерений правосудия. Но для того чтобы довести

расследование по делу об убийстве Лары до конца, требовался ни много ни мало новый Лара.

Последним крупным успехом дознания стал арест Хрипуна, следовавший через восемь месяцев после убийства Лары.

Увы, редкостная удача никак не отразилась на ходе следствия, ибо первый раз Хрипун — прямой участник преступления, связующее звено между его исполнителями и вдохновителями — был допрошен только спустя полгода после ареста. Спустя еще полгода следствие встало.

Судья Тулио Мануэль Кастро, руководивший следствием по делу Лары, в тот вечер по обыкновению работал допоздна. Выйдя на улицу, он пожегся: промозглый ночной холод пробрал до костей. Судья остановил такси. За окном побежали пустынные улицы, освещенные тусклыми фонарями. Машина свернула на центральную авениду Каракас.

На углу Каракаса и 47-й улицы судья попросил таксиста остановиться. Расплатился. Открыл дверцу и начал подниматься с продавленных подушек сиденья. Чуть впереди к бровке подрулил новенький спортивный автомобиль. Из него выпрыгнул мужчина с автоматом на изготовку. Метров с десяти он открыл огонь и все бежал, бежал навстречу своей жертве. Последние пули убийца выпустил в расprostертое на асфальте тело в упор.

Накануне гибели судья отказался от постоянно сопровождавших его телохранителей. Дескать, все равно никакая охрана не способна воспрепятствовать неожиданному нападению. В колумбийских условиях подобный аргумент не выдерживает критики. Конфликтующий с наркомафией человек без охраны подобен здесь вытасченной из панциря черепахе. Тем не менее просьбу судьи удовлетворили мгновенно и даже не попытались отговорить его от столь безрассудного шага.

Обычно падкая на подобные душераздирающе таинственные сюжеты, колумбийская печать на сей раз проявила необъяснимое безразличие. Ни одна из газет ни словом не обмолвилась о ходе расследования убийства на авениде Каракас. Как будто судья Тулио Мануэль Кастро, знаменитый судья, неподкупный и бесстрашный, как сам Лара, никогда не существовал.

Такой поворот событий ни у кого не оставил сомнений: дело об убийстве Лары можно считать закрытым. Слишком далеко зашедшее следствие начало отработывать «полный назад». В июне 1986 года суд отказался продлить срок действия ордера на арест Эскобара, фактически сняв с него все подозрения. В результате число лиц, обвиняемых в организации покушения, сократилось с первоначально объявленных 16 человек до 5. Из них только двое — водитель мотоцикла и Хрипун — находились за решеткой. Один ничего не знал. Другой благоразумно помалкивал. Даже к тем преступникам, которые могли пролить свет на мрак заговора, следствие полностью охладело по причине «отсутствия улики».

Спустя месяц полиции удалось обнаружить одного из трех разыскиваемых бандитов. И не кого-нибудь, а ближайшего помощника Эскобара Рубена Лондоньо Васкеса, державшего в своих руках массу ниточек, ведущих к раскрытию заговора. Правда, успех оказался весьма относительным. В распоряжение следственных органов сеньор Васкес попал в виде давно заколоченного трупа. Эпитафией бандиту стала сакраментальная фраза: «Он слишком много знал».

Параллельно шло следствие в отношении причастности к заговору другого кокаинового барона первой категории — Хорхе Луиса Очоа, латифундиста и скотопромышленника с весьма уважаемой родословной. Он был арестован еще 15 ноября 1984 года в Испании, куда бежал сразу после покушения на Лару.

Водворение Очоа в мадридскую тюрьму особо строгого режима дало толчок цепочке фантазмагорических событий. Для начала испанский суд почти год колебался, возбуждать против Очоа дело или нет, и в конце концов решил не связываться. Но отпустить кокаинового барона на все четыре стороны не удалось. Из министерств юстиции Колумбии и США поступили официальные запросы о выдаче преступника за нарушение закона в этих странах. Возникла серьезная проблема: чье требование удовлетворить?

После мучительных колебаний высокая инстанция испанского суда в январе 1986 года приняла решение передать Очоа в руки американской юстиции. Но Колумбия это решение оспорила и потребовала отправить преступника на родину. В марте иск был рассмотрен и признан обоснованным. Кокаиновый барон начал собираться в Колумбию, но в начале апреля США предъявили встречный иск. Межсудебный тяни-толкай продолжался еще месяц. Только в мае встречный иск был отклонен, и Верховный суд Испании подтвердил свое решение передать Очоа колумбийскому правосудию.

К этому времени все претензии к Очоа были сведены к незаконному ввозу из Испании в Колумбию быков для корриды. Таким образом, даже чисто формально колумбийское правосудие отреклось от идеи покарать одного из идейных авторов заговора.

Суд над Очоа вылился в беспрецедентный по цинизму фарс, к тому же весьма быстротечный: процесс занял менее двух недель. Обвиняемый снисходительно признал себя виновным, после чего судья Фабио Пастрана Ойос приговорил опасного преступника к... 20 месяцам тюрьмы и штрафу в один миллион песо. Причем исполнение приговора было тут же отсрочено на два года при условии, что Очоа внесет залог в 2 300 000 песо (что эквивалентно совершенно незначительной для него сумме в 10 500 долларов) и согласится отмечать в полиции каждые 15 дней. Очоа немедленно внес залог, получил заранее подготовленную справку об освобождении и поминай как звали.

Самым потрясающим в деле Очоа оказалось даже не то, что матерый преступник вышел сухим из воды. Особых иллюзий на сей счет не питал никто. Неужто стала бы колумбийская юстиция конфликтовать с американской в тщеславном стремлении устроить показательный процесс над главарем наркомафии? Нет, конечно. Но выказанное судьей Пастраной пренебрежение даже к формальной стороне закона выглядело настолько демонстративным, а нежелание соблюсти хотя бы видимость приличия — настолько вызывающим, что не могло не родить чувства возмущения. Журналисты буквально поперхнулись наглостью наркомафии.

Судебные же власти абсолютно невозмутимо, словно речь шла о привычном, обыденном деле, начали неспешное служебное расследование обстоятельств вынесения скандального приговора. С точки зрения министерства юстиции, Пастрана допустил две грубейшие ошибки в отправлении правосудия. Во-первых, вынес неоправданно мягкий приговор; во-вторых, отпустил Очоа из-под стражи вопреки письменным инструкциям вышестоящих судебных ор-

ганов из Боготы, предупреждавших о существовании дополнительных оснований для продолжения разбирательства по делу кокаинового барона. На его арест было выдано еще два ордера. Он обвинялся в мошенничестве и производстве наркотиков.

Пастрана с незаурядной ловкостью отфутболил оба обвинения назад в министерство. Оказывается, приговор был вынесен в строгом соответствии с действующим уголовным законодательством. Ранее Очоа судим не был, и потому судья формально не имел оснований для более сурового наказания. Что касается отсрочки в исполнении приговора, то право обратиться с таким ходатайством имеет любой осужденный на срок заключения до 36 месяцев. Опять же у Пастраны не было формального повода отказать Очоа в подобной просьбе.

Не менее убедительными выглядели объяснения Пастраны и по поводу переписки с министерством. Он отправил телеграфный запрос в Медельин, административный центр департамента, где находилось семейное поместье клана Очоа. Оттуда ему ответили, что никаких претензий к Хорхе Луису Очоа не имеют. Медельинские судебные власти факт обмена такими телеграммами категорически отрицали, хотя сами телеграммы оказались подшиты в личном деле Очоа. Ну что тут скажешь?

А вот никаких инструктивных писем по делу Очоа из Боготы в деле не обнаружилось. Пастрана категорически отрицал факт их получения, и, оказалось, с полным основанием. По истечении недели лихорадочных поисков они нашлись в горе недоставленной корреспонденции на почтамте. Судья картинно развел руками: «Простите, сеньоры, почта не в моем ведении».

Надо признать, коллеги Очоа честно выполнили заключенное с Пастраной джентльменское соглашение и надежно прикрыли его от наиболее очевидных обвинений.

Когда страсти немного улеглись, Пастрану потихоньку уволили за прошлые огрехи, допущенные им в рядовых процессах. Все претензии по ведению дела Очоа были с него к этому времени сняты. Расставаясь с судейской мантией, он выглядел не слишком несчастным. Соглашаясь помочь клану Очоа, молодой служитель Фемиды логично рассудил, что конец карьеры, к тому же компенсированный очень солидным гонораром, вовсе не означает конец жизни. Упрямство или служебное рвение в данном случае могло обойтись ему куда дороже. Министр Лара в конце концов пожертвовал жизнью ради идеи. Судья Пастрана был убежден в бесполезности и безрезультатности принесенной им жертвы и не имел ни малейшего намерения пополнять мартиролог наркомафии. Судьба судьи вызвала у публики не только сочувствие (надо же, в какой переплет попал парень), но даже зависть (вот повезло... получил солидную взятку).

Розыск Очоа завершился безрезультатно, хотя в нем участвовали десятки тысяч полицейских, солдат и тайных агентов контрразведки. За любую информацию о его местонахождении власти обещали крупное вознаграждение. Но ни один человек не донес на барона. Возможно, Очоа предпочел покинуть пределы Колумбии? Отнюдь. Ибо нигде он не чувствовал себя в большей безопасности.

Под рождество 1986 года муниципальные власти Медельина в порядке рекламы для привлечения туристов из-за рубежа организовали ознакомительную поездку для иностранных журналистов. Их

покатали по городу и окрестностям, показали знаменитый своей коллекцией орхидей ботанический сад. Кульминацией поездки стало посещение конкурсного показа чистокровных лошадей. Победил экземпляр, выставленный конюшней клана Очоа. В жюри возникло некоторое замешательство по поводу того, как поступить с положенным в качестве главного приза кубком. Но длилось оно недолго. Из бокового прохода появился Хорхе Луис Очоа собственной персоной, спокойно принял трофей из заметно дрожавших рук председателя жюри и вновь беспрепятственно исчез.

Охранявшие конкурс полицейские и бровью не повели, словно не видели, в появлении Очоа ничего необычного. А некоторые из стражей порядка по-дружески перемигнулись с окружающей преступника толпой телохранителей. Ну в какой другой стране кокаиновый барон мог рассчитывать на подобное отношение к своей очень-очень разыскиваемой персоне?

В речи по случаю второй годовщины со дня убийства Лары президент Колумбии Бетанкур с большим оптимизмом оценил итоги объявленного им наутро после смерти министра крестового похода правительства против наркомафии:

«Разработанные Родриго Ларой Бонильей планы борьбы против организованной преступности, основанные на быстром и эффективном отправлении правосудия, приносят желанные плоды.

Мы пережили трудные годы. Захлестнувшая нашу родину по воле главарей наркомафии волна разложения подмыла устои общества, извратила политическую обстановку, торпедировала правосудие.

В этих условиях принесенная Ларой жертва не была бесплодной. Благодаря ей жажда правосудия и гордая несгибаемость укоренились на родной почве, государственная власть сомкнула ряды в борьбе против преступности, общество воспряло от летаргии...»

Решимость президента Бетанкура покончить с наркомафией оказалась подобной камню, брошенному в необъятное озеро. Был замах, был всплеск, были волны. Но чем шире расходятся на воде круги, тем быстрее они ослабевают. И в конце концов теряются на просторах водной глади, обретающей первоначальную зеркальную поверхность.

Я был знаком с Ларой. Был свидетелем его лихорадочной борьбы с преступным миром. Он понимал, что обречен на поражение, и одновременно в глубине души все же не давал угаснуть пламени надежды на успех. Потому что отказаться от этой надежды было для него равносильно признанию самозваного права преступников по собственному усмотрению распоряжаться его родиной.

Есть люди, закаленные душой. Ясно видя и радостные, и горестные стороны бытия, они вопреки всему стремятся к выполнению долга, порученного им собственной совестью. Таким был Лара. В память о нем написан портрет в полный рост. Министр изображен в темных брюках и белой рубашке с распахнутым воротом и засученными рукавами. Таким он был в жизни и именно в таком столь необычном для правительственного чиновника образе остался в благодарной человеческой памяти.

А. КУВШИННИКОВ,
журналист-международник

Браслет

иранской бирюзы

Он и Она.

Он нервничал. Не любил нервничать — не любил все, что разрушает комфорт. А вдруг она вообще не придет? Он, конечно, знает номер ее квартиры, но подняться и начать выяснять отношения, которые еще не сложились, — нет, это не по-джентльменски. Он стоял возле ее дома, чувствовал, как напряженно стучит пульс в запястьях, и запрещал себе подниматься вверх и звонить по телефону.

Вообще-то сегодня с утра все складывалось хорошо. А он давно заметил, если складывается с утра, можно чувствовать себя на коне. Но эта женщина!. И ведь действительно хороша. Никогда не дашь сорока трех лет. Преувеличенная уверенность в себе — слабый камуфляж полного одиночества. Видно, и с родственниками у нее не так все просто. Был бы хоть кто-то близкий, не помчалась бы с ним в день своего рождения. Как это она пояснила: «Я стараюсь не отмечать даты, на которые приходят семейные пары — незамужних подруг у меня нет». Вот тебе и кредо. От него и танцуй. Надо думать, презент произведет на нее достойное впечатление. Небось, таких вещей она сроду не выдывала...

Она не опоздала. Напрасно он нервничал. Это он сам явился раньше минут на двенадцать. Дурак, никогда в таких делах не спешил, а здесь не выдержал, все-таки не рядовой случай. Можно сказать, сегодня день, который решит жизнь, какова она будет дальше. Или он одержит над ней верх, или... альтернатива есть, конечно. Остальным он заплатит за молчание.

Вот, идет. Одета прекрасно. Этот костюмчик для загородных прогулок с юбкой-брюками в валютке стоит сорок восемь чеков. Интересно, откуда у нее чеки? С фарцовщиками наверняка не связывается. Перекупает, поди, один к двум, или вещички прямо из торгсести на старую работу приносили? Тоже вряд ли. Прическа

прямо-таки из каталога... Косметика не навязчивая. Да... Надо же — дорогая особа, нет, настоящая дама, из реликтовых остатков... и никто не клюнул!

Он распахнул дверцу.

Она села в машину, и он отметил, как тренированны и изящны ее движения, на работе этого не замечаешь — уж не занималась ли она в молодости гимнастикой?

Он глянул в ее ухоженное лицо, потеплел глазами и сказал прокивновенно:

— Как я рад...

Она улыбнулась и поздоровалась с ним так же, как делала это изо дня в день: вчера, позавчера...

— Едем?

— Минуту... — Он раскрыл свой кейс и вытащил маленький матерчатый сверток. Она опытным взглядом определила: батист старого отечественного производства. Любопытно...

Он не торопился:

— Я долго не мог остановиться на подарке. Таким женщинам, как вы, положено дарить духи, бриллианты и орхидеи. Увы, те орхидеи, что плавают в польских коробочках, так похожи на отрезанную, но живую голову профессора Доуэля, что я никогда бы не решился преподнести вам сию пятирублевую экзотику... Духи... — он чувственно шевельнул крыльями носа, — я не надеюсь достать «Мажи нуар», а иных для вас не представляю. Остаются бриллианты. Но фамильные драгоценности моей семьи, к сожалению, сданы в торгсин еще до моего рождения, а то, что уцелело... Во время войны бабушка самое ценное пожертвовала в фонд обороны, однако кое-что, если не ценное, то красивое, все же осталось. И я, как господин Желтков из старой доброй купринской сказки о любви, не смея прикоснуться к предмету страсти, дарю вам семейный браслет... Нет, не гранатовый. Бирюзовый. — Он развернул батистовый платок, ловко схватил браслет и надел на ее руку. — Браслет стоит вас...

Она растерялась. Сказку, безусловно, мальчик придумал красивую, хотя почему бы этому браслету не принадлежать к семейным драгоценностям бабушки... Но... Почему он делает этот подарок ей? Что замыслил? Нет, не зря она согласилась на эту поездку. Мальчика нужно хорошо, очень хорошо прощупать. Как же окружать себя людьми, не зная, можно ли им верить? А этот... Этот весь какой-то гибкий. И такой, и эдакий. Правильный — и вдруг... Аккуратный, честный, но... Подспудно все время крутятся «но» и «вдруг», никуда от них не деться. Она протянула руку, полюбовалась украшением и невольно коснулась ветрового стекла.

— Славная у вас машина... Кто бы мог подумать, что в Москве, оказывается, есть частный «Фольксваген» и ездите на нем вы... — Она тихо засмеялась. Он включил скорость.

— И куда же мы едем? — спросила она.

— Сейчас двенадцать, самое время пообедать, пока мой друг не перекалил сковороды, а потом, как договорились. Там нас будет пятеро: вы, я, вода, лес и небо.

— А где же остальные? — В голосе насмешка, впрочем, это ее обычная манера — любит подчеркнуть свою исключительность.

— Остальных туда не пускают, — ответил он тем тоном, который избрал специально для нее — снисходительный к ее маленьким и простительным слабостям. — Остальным туда нельзя. Там шлагбаум.

Рисунок Владимира Родина.

Налево от него дача...— Он сделал паузу и назвал фамилию человека, достаточно известного в стране.

— О!.. Где же поместимся тогда мы с вами, лес, вода и небо?

— Где-то рядом.— Он оценил ее юмор.— Сегодня дежурный у шлагбаума — мой старый надежный друг. Мы с ним повязаны старым школьным галстуком, как говорят англичане.

— И с какого же класса вы сидели на одной парте?

Он притормозил, припарковал машину к тротуару, ответил:

— С третьего класса, когда мои родители приехали в Москву и я пошел в новую школу, а вот с шеф-поваром этого заведения Теймуразом я занимался с пятнадцати лет в одной спортивной школе у одного тренера борьбой дзюдо, и оба мы считались крайне перспективными. А потом закружила жизнь. Теймураз ждет нас.

Он привез ее к ресторану гостиницы «Националь».

Инна.

Между тем в другом уголке Москвы случилось ЧП. Впрочем, оно случилось еще раньше, когда в одном из домов готовились к новоселью, ждали гостей.

— Нет, Инна, нет... Сейчас уже не задаются вопросом, в чем смысл жизни, а решают, как жить! Посуди сама...— Александра Эдуардовна на минуту задумалась.— У одного цель сделать важное открытие, у другого — просто стать профессором. У третьего — купить мотоцикл, у четвертого — подсидеть начальника. И какова бы ни была цель, ее конечный результат — сделать свою жизнь лучше. За открытие положено... Не секрет, что профессор зарабатывает больше доцента, начальник больше подчиненного, а мотоцикл в конце концов средство передвижения, а хочешь — материальная ценность. Все идет на благо... Понимаешь меня, Инна?

Инна старалась понять. Она любила свою мать. Та была крайне способным, даже талантливым человеком. Сложись ее жизнь иначе, Инна верила, мать могла стать профессором, да что там, академиком, министром! Любить свою мать Инне всегда приходилось издалека. И теперь, весь этот месяц, она, отгоняя первые смутные мысли, радовалась, что наконец-то они заживут вместе, под одной крышей нового дома.

— Вот сейчас я надену...— Александра Эдуардовна не договорила, раздался звонок в дверь.— Всё, пришли!

Первой в прихожую выбежала Инна. Александра Эдуардовна вышла к гостям не торопясь, подчеркивая и осанкой свое новое положение — хозяйки нового дома.

Гости словно сговорились встретиться заранее. Стояли в дверях шумной толпой. Альберт Петрович церемонно пропустил впереди себя Витину мать. В это время на площадке с грохотом распахнулся лифт и появились Петуховы.

— А... Вот чьи это шуточки... твои, Васька... Лифт из-под носа увести!— прогремел с лестницы голос Майорова.— Ведь видел, как Андрей к твоей «Волге» припарковывается, все к рюмке спешишь! А тут задыхайся на пролетах,— за Майоровым поднимались его жена и дочь с мужем, который нес на руках Иринку — ровесницу сына Инны. Ее взяли на новоселье, чтоб Викешка под ногами не путался, но и не скучал среди взрослых, да и был на глазах. В этой старой сложившейся компании других детей дошкольного возраста не было.

— Я, Саша, Валю Зиновьева пригласил,— сказал Петухов, здороваясь с хозяйкой.— Пусть пофотографирует. Новоселье не часто в жизни случается. Останется на память... Ну, что, потанцуем сегодня?

— Угомонись,— махнула на Василия Васильевича рукой его жена — красавица Аня,— еще и за стол не сели...

— Нет-нет, танцевать обязательно будем,— произнесла хозяйка дома, принимая от гостей плащи, сувениры, сумочки и предлагая им пройти.— Надя, Изабелла, Аня, зеркало налево, если помыть

руки, прямо и за угол. Николай Петрович, не скромничайте. Бертик, пойдй переоденься, у тебя вид не праздничный. Товарищи, вы, конечно, узнали Альберта Петровича?! Давно ведь не виделись с ним. Тогда он был только офицер флота при военном атташе, ныне — контр-адмирал. Правда, уже в отставке...

— Растут в нашей стране люди. Здравия желаю, Альберт Петрович! — громко сказал Петухов. — Но прежде всего осмотрим новый дом.

— Как хотите, Василий Васильевич! С кухни начнем? — Александра Эдуардовна шагнула вперед, и в это время к ней подошел один из гостей, дважды поцеловал запястье:

— Простите великодушно, но сегодня я только работаю шофером. Доставил семейство. И вынужден покинуть вас. Дела. Несмотря на выходной, дела...

— Конечно, Андрюшенька, — ласково сказала Александра Эдуардовна. — Я все поняла с полуслова, очень жаль, но коль дела... — Она поцеловала гостя. — И спасибо тебе огромное, — потом глянула на зятя, — Витя, проводи Андрюшу. Да, да, идемте... Вот Викишина комната... Ирочка, детка, идем с нами, там целая стенка с игрушками... Тебе будет интересно... Бертик, ты уже все видел, переоденься наконец. А ту лампу, Анечка, я отдала молодым. Устала от старых вещей... Нет, я им купила «Режанс», твой «Луи» не для моей Инны, она женщина скромная...

Виктор ругнулся про себя. К тещиным намекам за девять лет он так и не привык. Неужели теперь придется слушать их каждый день?

Он заглянул в столовую. Инна суежилась вокруг стола. Бедняжка, с шести утра на ногах, вчера всю субботу прокрутилась и сейчас весь день будет бегать «прими-подай». Начал помогать ей. Расставил бокалы. «Эх, неловко! — Вдруг вспомнил он, — как же неловко получилось — гостя не проводил! Ладно, детали... Небось, уже давно ушел. Он же торопился».

Виктор слышал, как голоса гостей переместились из детской в комнату Александры Эдуардовны. Все восторгалось кабинетным гарнитуром «Микадо».

— И сколько?.. — спросил женский голос.

— Моя леопардовая шуба... — небрежно ответила теща.

— Неужели, Сана, себе пришлось заполнить декларацию? Как же ты?.. Все-таки четыре гарнитура! — поинтересовалась Тронская.

Александра Эдуардовна высокомерно усмехнулась:

— Не такая я уж примитивная, чтобы купить их в одном магазине! И среди них нет ни одного дороже пяти тысяч. Этот, самый весомый, четыре восьмьсот. Я все учла.

Пошли обозревать комнату молодых, потом столовую, но взрыва восторга не последовало. Тихо оглядывались.

— А люстра-то, боже мой... — выдохнула Аня Петухова, — в Чехословакии таких...

— Виктор и Инна выбирали на свой вкус, — с гордостью ответила Александра Эдуардовна, — наш Витя целый месяц частным образом машины профилактировал. Как вовремя вышел закон об индивидуальной деятельности! Или я, — Александра Эдуардовна глядела победителем, — точно нашла время для устройства семейных дел. Впрочем... Сколько раз я, бывало, просила любимого зятя что-то подзаработать. Но ему, видите ли, щепетильность не позво-

ляла. Теперь хоть стесняться не будет. Ну, хватит. Садимся, садимся...

— Да, копейка нужна,— сказал Майоров, подвигая к себе лоток с заливным,— хрен есть в этом доме?

— А ростбиф,— заявила крашенная блондинка,— ростбиф у Сашуни не хуже, чем у тебя, Петечка. Помнишь, ты их всегда для приемов готовил?

— Молодец, Александра Эдуардовна,— одобрительно улыбнулся Петухов, раскладывая на тарелки салат,— здорово ты о молодых позаботилась. Всю жизнь должны за тебя богу свечку ставить.

Альберт Петрович наконец вышел к столу — в адмиральском мундире, сияя орденами. Женщины заоплодировали. Он смущенно протиснулся на свое место рядом с Александрой Эдуардовной, улыбнулся обществу и взялся за штопор. Инна тоже наконец села — и тут же рванулась с места: в передней опять раздался звонок.

— Господи,— проворчала Александра Эдуардовна.

— Я же говорил,— приглушенно отозвался Петухов,— Валя придет.

Молодой человек, увешанный фотоаппаратурой, скромно поздоровался и присел к самому краю стола.

— Мы тебе потом квартиру покажем,— подмигнул ему Майоров,— налито уже!..

Валентин сделал первый кадр, когда Альберт Петрович стоя провозгласил тост. За новый дом, за новое счастье... Застучали ножи и вилки. Пока все ели, Виктора одолевало беспокойство — ему казалось, что за его родней — отцом, матерью, братом с женой — никто не ухаживает, а сам он сидел далеко.

— Тост за детей, за их благодарность...— провозгласила Изабелла Юрьевна Тронская, которую для себя Виктор назвал «крашеной блондинкой». — Правильно, все правильно ты в жизни, Сана, делаешь.

— Я все готов им отдать, только бы самому пожить дали...— вдруг ворчливо проговорил Майоров.

Виктор посмотрел на жену. Инна взяла бокал с явной неохотой.

— Может быть, горячее? — робко спросила она, зависимо посмотрев на мать.

— Да еще же не танцевали, Инночка,— пробасил жующий Петухов,— вот как спляшем...

Виктор покосился на пол. Как они будут танцевать на этом ковре? Утром Александра Эдуардовна затянула его целлофановой пленкой, что купили для дачи, огурцы накрывать. Ковер простоял в рулоне, как знал Виктор, эдак лет двадцать — не было площади, чтобы его расстелить.

— Дети должны быть благодарны,— продолжала назидательно вещать Надежда Майорова.— Ну и, конечно, учиться у нас создавать дом. И не забывать, чего нам это стоило. А наши ничего не помнят, ничего не ценят...

— Да,— поддержал жену Майоров,— с молодыми теперь сговориться трудно. Они — сами с усами. У них, оказывается, мировоззрение! Я считаю, с молодыми жить опасно.

— Все зависит от человека,— возразила Изабелла Юрьевна,— энергично тряхнув косой, уложенной вокруг головы.— Одно дело — наш первый зять, совсем другое — Андриюша. Правда, Любочка? — обратилась она к дочери. Та покорно кивнула.

— Ирочкин, с позволения сказать, папаша,— Изабелла Юрьевна презрительно хмыкнула,— бывало, как домой со службы явится, так на тахту ложится. Или у телевизора сидит. Нет, не пьяный,— пояснила она в ответ на выразительный щелчок по кадыку Петухова,— совершенно трезвый. Он вообще не пил. Не на что было. Между прочим, Андрюша наш тоже ни-ни. Хоть и есть у него на что. Но он человек абсолютно трезвый. Понимаете? Аб-со-лют-но! Я жизнь прожила и не представляла, что такие бывают. Нет, с Андрюшей нам повезло. Не то что с бывшим... На Андрюшу мы не нарадуемся. Все в дом. Любочке к каждому празднику подарок. Ирочку обожает... Ну что еще?

Александра Эдуардовна артистически улыбнулась:

— Я Витей тоже довольна. Правда, Витя? Хоть и любишь ты давать прозвища.— Она заговорщицки подмигнула.

— Приняли, хватит, плясать пора! — протрубил опять Петухов и включил магнитофон. Потом махнул рукой и, лихо переступая с каблука на мысок, цыганочкой прошелся по столовой. Потом стук его каблуков переместился в холл.

— Раньше-то,— перекрикивая музыку, рассказывал Майоров,— что у нас было? У меня, например, только гимнастерка отца. Теперь молодежи все доступно. Все им даешь, а им мало. Даром достается, оттого и мало.

— А иной раз думаешь,— вступила в разговор его жена Надя,— умру, куда нажитое денется? Детки всё спустят по комиссиям. Сами-то гроши зарабатывают. Вот и попадает в чужие руки. А ведь горбили-то всю жизнь...

— Знаешь,— шепнул Виктору вдруг опять оказавшийся рядом Петухов,— чего она так распалась,— кивнул на Майорову.— Их с Петенькой сыночек... творческая личность! Режиссер, только работать не хочет. МХАТу не подошел, принципы вахтанговцев не разделяет.. В провинцию ехать — так он же москвич! Прижал как-то его Петр. Знаешь, что сынок ответил? «Рядом с вами, жлобами, живет мой талант, и вы за это меня кормить обязаны». Петя с Надей потом в санатории месяц в себя приходили. Петр теперь всех молодых паразитами считает. А я своего — полупаразитом. Вот, ты, вижу, сам пашешь... Руки у тебя мировые, мужицкие.

— Я сам все детям готов отдать,— не то отвечая Ане, не то продолжая свое,— говорил Майоров,— тут кто-то спрашивал, почему они в провинцию не едут? Зачем им из Москвы, вот из таких-то хором? О присутствующих не говорят.

— А о ком? — вдруг в упор спросил Виктор, облизавшись.

Инна умоляюще посмотрела на мужа.

— Посмотри, разве это наш дом? — раздраженно сказал жене Виктор.— Наши гости? Да и разговоры эти... Я человек трудящийся, мне дарового не надо.

У Инны на глаза навернулись слезы. Оставив мужа, она выбежала на кухню.

Раскладывая жаркое, услышала, как мать говорит Изабелле Тронской и Ане Петуховой:

— На руки чистыми восемьдесят пять. Девочке, живущей с родителями, на косметику хватит. А мальчику, будущему мужу, как на такие деньги семью содержать? Никак. Вот он и думает, где найти такую тещу, чтоб подарила «Жигули». К нашему Виктору это, конечно, не относится. Он, слава богу, не инженер, зарабатывает прилично и человек хороший...

«Зачем они все об одном и том же? — удрученно подумала Инна. — Хорошие дети, плохие дети, благодарные дети, неблагодарные. И деньги, деньги, деньги... И как не стыдно! И вообще, зачем мать все это устроила? Нам, молодым, нос утереть, кости перемыть? И что они от нас хотят? Перелета на Северный полюс? Зимовки на льдинах? Так уж это до нас сделали. Ведь мы работаем, баклуши не бьем». — Инне захотелось заплакать в голос, но она сдержала себя и, подавая гостям второе, вдруг обратилась к мужу:

— Витя, налей мне, я хочу сказать!

К ней равнодушно повернулось несколько голов. Другие продолжали разговаривать. Александра Эдуардовна вспоминала, как она вальсировала с шахом...

— Мама, — окликнул тещу Виктор, — Инна говорит тост...

— А ведь шах каждый день, — не слыша зятя, продолжала Александра Эдуардовна, — летал над городом на одноместном самолете, ему кто-то предсказал, что он умрет насильственной...

— Мама, мы слушаем Инну! — зло выкрикнул Виктор.

Александра Эдуардовна повернула удивленное лицо к зятю:

— Инну? — переспросила она, пожав плечами. — С удовольствием.

— Я хочу выпить за нас! За нас! — почти кричала Инна. Ей казалось, что ее не слушают, не хотят слышать. — Мы, конечно, не пережили столько, пользы еще столько не принесли... И в космос не летали. Но мы работаем и тоже приносим пользу. Вот я смотрела «Великую Отечественную»... Там в первой серии женщина от бомбежки бежит... С ребенком, с внуком. Если бы это ты, мама, с Викешей... И я бы пошла в ополчение...

— Инна, довольна! — перебил ее недовольный голос матери. — Мы все поняли...

Инна отпрянула от стола, замерла, поставила рюмку и выбежала из столовой. За ней вышла и мать.

Через пятнадцать минут Александра Эдуардовна вернулась в столовую с бледным, внезапно постаревшим лицом.

— Я попрошу всех оставаться на местах, — тон ее голоса был чужим и официальным, — мне пришлось сейчас вызвать милицию.

Она и Он.

— Здесь — самый вкусный стол в Москве. Вы сейчас сами в этом убедитесь, — он объяснял ей, отчего ежедневно обедает в ресторане.

Она молча слушала, прикидывая, сколько может стоить здесь самый дешевый и скромный обед. Любое второе блюдо в меню — не менее двух рублей.

— Кроме того, это выгодно, как я убедился. Плотный обед исключает ужин. Вполне достаточно творога или фруктов. А в выходные я обычно покупаю на рынке мясо и овощи, готовлю сам. Кстати, это мне обходится дешевле, нежели можно предположить. Я, например, беру маленькую грудинку на суп. Мороженая с костями грудинка в магазине потянет на те же два двадцать. И разве сравнишь с ней вкус рыночного мяса! А бульон какой — насыщенный, прозрачный! — Он посмотрел на нее с превосходством. Знал, в обеденный перерыв она кипит у себя в кабинетике чайник, разводит в стакане бульонные кубики.

Подали салат. Она внимательно разглядывала, как он оформ-

лен, прикидывала, что из этих ухищрений можно взять на вооружение. Пожалуй, вот такие майонезные дорожки она сделает корнетиком для крема. А яйца с черной икрой в виде розеток и бордюр из соцветий цветной капусты — это совсем просто, только чуточку терпения. Когда речь идет о Стасе, терпения у нее хватает. В том числе и на то, чтобы месяцами ждать его. А этот вот мальчик — любопытная штучка...

— Скажите, — решила она наконец спросить его, — ваша машина, это же западногерманская марка, откуда она у вас?

— Всего лишь свадебный подарок тещы, — беззаботно ответил он, сигналя официантке, что пора нести следующее блюдо.

— Широкий человек ваш тещ... — усмехнулась она.

— Да как вам сказать... — в его глазах появилась ирония, — это лопата у него широкая, которой деньги гребут. Всю жизнь за границей. Жаль только, что меня в эти сферы не пускает и дочь свою не достаивает... А «Фольксваген» — это всего лишь автомобильный ширпотреб. Крайне дешевая машина. И по цене, и в эксплуатации. Но прочная.

Когда официантка с подносом подошла к столу, он высокомерно улыбнулся.

— Простите, сегодня по случаю выходного дня все будет почти банальным. Здесь много случайных посетителей. Поэтому особенно изысканных блюд Теймураз предпочитает не готовить. Как-нибудь мы заглянем сюда в будни, и я угощу вас айвовым самбуком. О!.. — И он покровительственно накрыл ее ладонь своей. Она посмотрела насмешливо, но руку не отняла.

Александра Эдуардовна.

Вызов дежурный по городу принял в 14.50. К месту происшествия лейтенант милиции Сиволодский прибыл в 15.10. Фургончик с кинологом и собакой Джерри чуть отстал.

У единственного подъезда дома-башни стоял, покуривая, старший лейтенант милиции.

— Тут кинолога надо, — сказал он Сиволодскому, — а мне тут делать нечего, о чем мне там, — он поднял глаза вверх, — недвусмысленно заявили.

Участковый был лет на пять, не больше, старше Сиволодского, и лейтенант сразу же проникся уважением к его опыту. И коль он тут стоит, спокойно покуривая, дело, видимо, пустяковое.

— Браслет пропал. Иди, разбирайся... Я даже не успел толком протокол составить, выставили вон. Собаку потребовали. И только с вами, с МУРОм дело желают иметь. Звонили туда, знакомому начальству. Народ... — Чувствовалось, участковый обижен.

— Что за люди?

— Понятия не имею. Въехали недавно. Только документы на прописку сдали. А ответственный квартиросъемщик — пенсионерка.

Подъехал фургончик. Участковый опасливо посторонился, пропуская Джерри. Сиволодский, прощаясь, откозырял и пошел за кинологом. Их встретила молодая женщина. Худенькая, с заплаканными глазами. Без слов пропустила в квартиру и пошла, держась за стенку. У распахнутых застекленных дверей стоял высокий плотный мужчина. Представился:

— Петухов, Василий Васильевич.

За стеклянными дверями, вокруг сервированного к чаю стола

где явно было кое-что и покрепче, да убрали, ожидая представителя власти, сидело несколько человек.

Кинолог приказал Джерри сидеть и сам присел в холле на стульчике у телефонного столика.

— Мы вам все объясним,— деловито начал Петухов,— присаживайтесь, вот сюда. Чаю? Перекусить? Время обеденное...

Сиволодский снял фуражку и подумал, что с жары не чаю, а чего-то холодненького хорошо бы выпить, но постеснялся. Огляделся.. Он всегда знал, что пенсионеры бывают разного значения. Интересно, кем была ответственная квартиросъемщица? Наверняка не меньше директора фабрики.

— Подозревать некого,— решительно заявил Петухов.— Все мы тут люди свои. И должен сказать, съели вместе сто пудов соли. Одним словом, все мы вместе работали в одном торгпредстве, за рубежом.

Сиволодский поинтересовался, где именно. Петухов, разъяснив, продолжил:

— Взять эту вещь никто не мог. Ее даже сегодня не видели. Из этой комнаты практически никто не выходил и в ту комнату не заходил. За редким исключением, Прежде всего покидал эту комнату я. Но не дальше холла.— Он кивнул за стеклянные двери.— Я там танцевал цыганочку. На ковре неудобно.— Сиволодский невольно опустил глаза — на ковре топорщились целлофановые лохмотья.

— Комнату покидала Наталья Сергеевна Попова,— Петухов указал на строгого вида женщину лет двадцати пяти,— она учительница, с детьми играла в детской комнате, но не там, где хранились ценности. Подходил к ней ее супруг, кандидат технических наук, между прочим, очень уважаемый человек. Он на трюмо видел коробку.

— Футляр, красивый футляр я видел через раскрытую дверь,— пояснил глухим басом Константин Сергеевич Попов.— Мне показалось, футляр был раскрыт.

— Показалось или был раскрыт? — уточнил Сиволодский.

— Я не присматривался, но, кажется, раскрыт.

— И дети...— добавила сухощавая брюнетка с подсиненной проседью,— дети там играли.

Петухов степенно кивнул:

— Дети играли в другой комнате. Они исключаются. Были под присмотром взрослых.

— Какого возраста дети? — осведомился Сиволодский, прикидывая, как их придется допрашивать: с родителями, с педагогом...

— Дошкольного. Пяти и пяти с половиной лет. Ирочка и Викеша,— пояснила та же дама с подсиненной проседью.

— Мы готовы помочь следствию всеми силами,— решительно заявил Петухов,— можете нас обыскивать. Мы даже настаиваем на личном досмотре.

Сиволодский задумчиво покачал головой. Знал бы, что придется обыскивать женщин... но, кажется, майор Левченко на задание раньше выехала. Подождать да позвонить? К тому же у нее опыт работы по поиску драгоценностей. Но пока ее нет.

— Я могу видеть пострадавших?

Из-за стола вскочила полная женщина, суетливо бросилась к дверям.

— Жена моя,— успокоительно уведомил Петухов.— Петухова Анна Николаевна.

Сиволодский услышал ее голос:

— Сана, Саночка, возьми себя в руки... Там пришли... Нет, другой. Оттуда. Альберт Петрович, дайте же ей руку... Инна, накапай валокордина... Как это нет? Чтоб в доме не было сердечного?! Вы с ума сошли...

Через несколько минут Александра Эдуардовна вышла. Под руку ее поддерживал адмирал. «Ну вот, теперь ясно, куда я пошел»,— подумал Сиволодский и поднялся.

Хозяйка протянула паспорт и изящным жестом пригласила лейтенанта следовать за ней.

— Это произошло здесь?— спросил Сиволодский, оглядывая комнату Александры Эдуардовны. В комнате было множество красивых вещей: японские статуэтки нэцке, вьетнамские лакированные миниатюры, серебряный туалетный набор на трюмо, китайские фарфоровые вазы, на письменном столе инкрустированный прибор, тоже китайский.

«Было тут что взять, кроме браслета, если вор серьезный, хладнокровный, а другой рисковать в полном народе доме не станет»,— подумал лейтенант.

Александра Эдуардовна подвинула к торцу стола кресло и уютно устроилась в нем, укрывшись большим ярким шотландским пледом.

— Михаил Игоревич,— печально сказала она,— может быть, пока мы отложим формальности и начнем поиск? Вы привезли собаку?! Пусть она и займется своим делом.

— Видите ли...— замялся Сиволодский,— прежде я должен знать, что искать собаке. Опишите вашу пропажу.

Александра Эдуардовна резко откинула плед, поднялась и подошла к шкафу. Через минуту перед Сиволодским лежали серьги, кольцо и брошь.

— Вещи золотые?— спросил он, когда Александра Эдуардовна снова села. Сиволодский не предполагал, что простую бирюзу оправляют в золото. Да и техника финифти в его представлении связывалась с серебром, мельхиором...

— Да,— утвердительно кивнула Соколова,— там есть проба. Лупа в верхнем ящике стола, если угодно,— голос ее звучал отрешенно.— Помню, мы с Альбертом Петровичем пошли в театр. Приехал Брехт со своей труппой... После работы, очень торопились, по дороге забежали в нашу торгпредовскую столовую перекусить, на мне были белое платье китайской чесучи и этот гарнитур. Я вошла, и все перестали стучать ложками...— Александра Эдуардовна заплакала.

«Так, значит, дело было до 1956 года,— вспомнил Сиволодский даты жизни Бертольда Брехта, пьесы которого он недавно прочитал, то есть после войны, когда уже существовал его театр... И жили они с мужем в те времена за границей. Вещь хоть куда... Красивая, золото, плюс работа, ценность, конечно. Но не валютная же это ценность, чтобы так убиваться! Воспоминания, наверное, связаны...»

— Скажите, Александра Эдуардовна, сколько стоит весь гарнитур?

— Я не знаю, сколько он стоил,— это подарок Альберта Петровича.— Сейчас за него дают, за целый, не менее сорока тысяч.

— Да не может быть! — вырвалось у Сиволодского. — Филигрань богатая, но...

— Это не филигрань, молодой человек, — оскорбилась Александра Эдуардовна, — это золотая скань, это иранская бирюза, гляньте на игру черных прожилок!

И тем не менее Сиволодский недоверчиво покачал головой: сорок тысяч — явное преувеличение. Впрочем, сколько бы ни стоили украшения, его дело — их искать и найти.

— Вы кого-то подозреваете? — спросил лейтенант.

Александра Эдуардовна только развела руками и снова заплакала. Сказала сквозь слезы:

— Как же мне подозревать родных и близких, очень близких людей? Я не выдержу подобного разочарования...

Последняя фраза все же обнадежила лейтенанта — как ни больно ей, но подозрения, однако, существуют. Тогда начнем по порядку:

— Где были эти вещи, когда вы видели их в последний раз?

— Здесь, в шкафу, — ответила Александра Эдуардовна, не задумываясь.

— Почему же один из гостей утверждает, что заметил раскрытый футляр от браслета на трюме? Он и сейчас там лежит, этот футляр... Разве вы не видите?

Александра Эдуардовна вздрогнула. Впилась взглядом в подзеркальник. Долго всматривалась в знакомые предметы. Лейтенант увидел, как у нее начали мелко дрожать колени.

«Что же, выходит, я сама положила? — тревожно подумала она. — Но когда? Совершенно не помню. Или это все-таки Инна, из мелкой зависти, из мести, из мещанской своей ограниченности? Значит, спрятала, чтобы сделать мне больно! Дурацкого тоста ей оказалось мало... Но это уже дело не милицейское. Пусть лейтенант только найдет, и если это она, я объясню, как в тот закуток что попало...» Неимоверная злоба против дочери поднялась в груди Александры Эдуардовны. Она вообще удивлялась, как из ее Инны могло получиться нечто путное. Когда матери приходилось кому-то говорить о дочери, она всякий раз начинала со слов: «странно», «удивительно».

Удивительно, ничего на мордашку вышла! — Инна не была похожа на мать. Как ни странно, закончила все же вуз, на работу в приличное место попала Правда, Инна, по представлениям Александры Эдуардовны, никогда не блистала интеллектом.

Чудеса, нашла приличного парня! Виктор оказался даже очень хорошим человеком. Только, по мнению матери, дочь слишком уж была уверена в муже и позволяла себе дома выглядеть как послевоенная домработница.

Но что больше всего раздражало Александру Эдуардовну в дочери, да и в зяте тоже, — это их подспудное, вслух не высказываемое и оттого еще более твердое несогласие с ее взглядом на жизнь. У Инны и Виктора оказалась совершенно иная шкала ценностей. И не было даже стремления повисить ее! Ну ладно, Виктор, он с детства в своей подмосковной семье ничего слаще морковки не ел. Но Инна! Конечно, кровь не вода, отец Инны при всех чинах, постах, регалиях всегда был равнодушен к быту и комфорту, к самой идее благополучия, как понимала ее Александра Эдуардовна, от того они, в общем, и разошлись. И не почнала Инна ножниц между желаниями и возможностями, тех самых нож-

ниц, что заставляют быстрее соображать и быстрее крутиться в этой жизни. Оттого она так и взъелась сегодня... Беседы застольные вышли, конечно, не слишком тактичными, но ведь никто никого не хотел обидеть. Хотя, если посмотреть правде в глаза, то действительно нынешние дети по гроб жизни должны быть обязаны своим родителям — во всяком случае, тем из них, что собрались за столом Александры Эдуардовны, за исключением, пожалуй, только Альберта Петровича. Все обязаны — всем джентльменским набором: квартира, машина, дача, престижная служба, иногда — научная степень.

— Я не знаю, чего вы ждете, — очнувшись от своих дум, нервно проговорила Александра Эдуардовна. — Есть футляр, который брал в руки вор. Почему вы не догадались привести с собой эксперта, чтоб он снял отпечатки пальцев?

— Я и сам в состоянии провести дактилоскопию, — успокоил ее Сиволодский, — хотя футляр брало в руки столько людей и он так мал, что... Не скоро найдешь верный неискаженный отпечаток. Но я сделаю...

Александр Эдуардовну уже не нужно было успокаивать. Она была уверена, что собака сумеет отыскать пропажу, куда бы Инка ее ни сунула.

Кинолог с Джерри так и сидели в холле. Дети поставили перед собакой мисочку с водой, но она только косилась, высунув язык. На детей глядела серьезно и вдумчиво.

Но тут Сиволодского осенила мысль. «Как же так, — подумал он, — футляр валяется, хозяйка видит его, но пропажу обнаруживает...»

— Александра Эдуардовна, при каких обстоятельствах вы обнаружили пропажу?

— Видите ли... Моя дочь... Очень утомилась и... — Сиволодский не понял, отчего эта уверенная женщина вдруг так растерялась. — Пошла прилечь. Я подумала, жара, надо помочь... — Сиволодского кольнуло, он слышит полуправду, но почему? — И я зашла в свою комнату, чтобы взять из аптечки... — Вот где полуправда, отметил Сиволодский, в этой комнате лекарств нет, когда он пришел, жена Петухова удивлялась, что в доме нет сердечных капель. Зачем Соколовой легенда? — Я взяла китайское средство, очень действенное при переутомлении... Полезла за ним и...

— Сана, — с порога окликнул Александру Эдуардовну адмирал, Сиволодский повернулся на его голос. — При чем тут... Ведь это я просил тебя надеть гарнитуры, вот почему ты и полезла в шкаф, — адмирал усмехнулся.

— Это-то само собой, — замахала руками Александра Эдуардовна. — Я же рассказываю... Я не умёю по-вашему, ать-два! Я соблюдаю последовательность... Я достала капли для Инны. Вспомнила вот... о просьбе Альберта Петровича. Да, полезла в шкаф... — глаза женщины наполнились слезами, но Александра Эдуардовна на сей раз справилась с собой, проглотила комок. — А там... А там только один футляр, круглый. А вот этого, длинного, нет. В панике я его и на трюмо-то не заметила. Мне сразу дурно самой стало. И я сразу же вызвала милицию.

Адмирал опять усмехнулся — на сей раз зло.

Лейтенант Сиволодский передал продолговатый затейливый футляр кинологу.

Джерри чихнула, без ее нюха можно было определить, что

футляр пахнет застарелыми духами. Собака снова потянулась мордой, принялась, затаиваясь на месте, натягивая поводок и чертя носом по полу, затрусил к двери. Подняла морду и скованно через намордник гавкнула, оглядываясь на хозяина. Кинолог вопросительно посмотрел на лейтенанта.

— Открывай дверь, — сказал Сиволодский.

— Нет!!! — сорвалась с места Александра Эдуардовна, — вы нам подсунили дефективную собаку! В дом только приходили, никто из дома не уходил! Вещь в доме! Пусть понюхает другую коробку. Вы что не знаете, что у золота есть специфический запах?

Кинолог пожал плечами и вернул Джерри в холл.

Александра Эдуардовна принесла овальный футляр, раскрыла его и бесстрашно протянула собаке. Та попятилась. Кинолог бережно принял коробочку, с минуту с интересом разглядывал украшения, дал понюхать ее Джерри. Собака отчего-то заскулила, опять принялась носом вычерчивать узоры по паркету. В эту минуту в комнату вошла девочка. Джерри чуть не прыжком подскочила к ребенку, и только умелое движение кинолога не дало собаке поставить лапы на детские плечи. Джерри уже рвала намордник... Дама с высокой прической вылетела из-за стола, а за ней рванулась дочь Изабеллы Юрьевны, Люба...

— Я же сказала, дефективная собака! — закричала хозяйка дома.

— Подождите, подождите... — бросился наперерез всем Сиволодский. — Подождите, Джерри, фу! Сережа, да убери ты ее!..

Собака повиновалась, но, сидя у ног милиционера, приглушенно рычала.

— Тебя как зовут? — ласково спросил Сиволодский, присаживаясь на корточки возле девочки. — Ирочка?

Он нашел взглядом ее мать и бабушку — обе бледные, взъерошенные...

— Это не допрос, я не нарушаю законность, — уверил он их (признаться, Сиволодский побаивался всю эту публику, за малейшую ошибку так толкнут со своих высоких вершин, что и положение о молодых специалистах не поможет). — Я только задам два-три вопроса, если позволите... Вы же сами говорили, что в интересах следствия готовы... Это не допрос. Ирочка, ты не видела браслет и бусы в комнате Александры Эдуардовны?

Ирочка посмотрела на Викешу, смущенно улыбнулась и сказала:

— Мне Викеша давал их померить. Вот сюда, — приложила она ручки к кокетке кружевного платья, куда только что едва не бросила свои лапы собака. По комнате пошел не то вздох облегчения, не то сдержанный ропот.

— А куда же вы их положили? — тем же ласковым тоном спросил лейтенант.

— В коробочку.

— В какую? Где она лежала?

— У зеркала в комнате тети Саши.

— Да, — мужественно подтвердил слова подружки Викеша.

— Бабушка, извини, пожалуйста, я дал Ире померить. Но мы положили обратно...

— Когда это было, ты помнишь? Ты взял из шкафа?

— Нет, — Викеша отрицательно покачал головой. — Они и лежали у зеркала. Коробочка была закрыта, мы открыли, померили и положили обратно. К синему эти бусы не шли, — заключил Викеша,

с гордостью поглядывая на бабушку. С неделю назад она проводила с ним «урок хорошего вкуса», нечто новое в его жизни, когда объясняют, что это совсем не просто, какую надеть рубашку к шортикам.

— Когда, когда это было? — повторил вопрос лейтенант. — Взрослые уже сели за стол?

— Нет. Бабушка им кухню показывала. А потом мы положили на место, честное слово.

Сиволодский даже глаза закрыл, соображая. Гости и хозяйка находятся в той, левой половине квартиры. Осматривают кухню и, видимо, столовую. В это время дети вбегают в комнату бабушки, играют украшениями... Почувствовав приближение взрослых, поспешно складывают, а точнее, кидают все обратно в футляр. В это время входит толпа. И кто-то, пока остальные отвлечены осмотром планировки и обстановки, незаметно опускает украшения в карман. Или за вырез платья. Значит, этот кто-то все-таки здесь. Но как проводить обыск без санкции прокурора? Однако делать что-то надо. Сиволодский поднялся и решительно повернулся к человеку с фотоаппаратурой:

— Позвольте осмотреть ваши чехлы и футляры...

Тот отреагировал совершенно спокойно: «Ради бога».

Только Сиволодский принялся методично осматривать замки и застежки, как опять раздался взволнованный голос хозяйки:

— Я не позволю обыскивать моих гостей! Да еще Валу! Он... Он сын нашего торгпреда, нашего покойного торгпреда, это дитя колонии, он не мог!..

— Извините, — сказал Валентин Сиволодскому, — но я в ту комнату вовсе не заходил... Опоздал к торжеству. Прямо к столу попал. Так и не осмотрел квартиру.

— Это точно, — подтвердил оказавшийся рядом Майоров, — Вала пришел позже всех. И с места не двигался. Даже, извините, в туалет.

Кроме фотоаппарата, вспышки и разных оптических приспособлений, в чехлах ничего не было, ничего, ни тайничков, ни мелких карманчиков для мелких вещей... Сиволодский извинился.

— А вообще это правильная мысль, и не нужно возражать, Сана, — с вызовом заявила Петухова, — пусть нас всех обыщут, пусть, — и она пошла грудью на Сиволодского. — Вот я, вся перед вами... Вот, смотрите!

Ее муж, следом за ним Майоров принялись извлекать из карманов мелкие предметы и методично складывать их на стол. С заминкой, но их примеру последовал дедушка Ирочки. Бабушка и мама Ирочки молча положили перед Сиволодским свои дамские сумочки. У Петуховой сумочки при себе не было — осталась в машине, но она не унималась:

— Саша, давай, пойдем в ванную, я при тебе до гола раздеюсь.

Сиволодскому вдруг стало стыдно.

Адмирал подошел к лейтенанту:

— Я уверен, Александра Эдуардовна, вероятно, просто забыла, куда убрала свои драгоценности. Я попросил надеть их, это верно, но она забыла, наверное, как достала их из шкафа, ее, видимо, что-то отвлекло, она запомнила, как оставила футляр у зеркала... Например, собираясь встречать гостей. — Слова «забыла», «отвлек-

ло», «запамятовала», «оставила» адмирал произносил с явным нажимом.

Сиволодский вяло покивал головой:

— Все в один голос показывают, что Александра Эдуардовна больше не возвращалась в свою комнату до того, как была обнаружена пропажа. Я не могу не верить показаниям очевидцев. И до определенного момента не имею права обыскивать их. Однако собака повела к двери. И, уж извините, она чуть поцарапала дверную обивку, требуя дверь открыть. Вещи унесли, товарищ адмирал, скорее всего так...

«Я его понял, пусть и он поймет меня...— уныло думал Сиволодский.— Я-то понял его, насколько мои розыскные действия здесь нежелательны. Пусть и он меня поймет, что в этих условиях мне тут делать совершенно нечего. Середины нет».

— Если вещь в доме,— продолжал Сиволодский,— и просто забыта, Александра Эдуардовна сама ее найдет. А если нет... Вещь такая всплывет. Ни через одну таможню не проскочит. Комиссионным магазинам будет дано соответствующее...

Адмирал похлопал Сиволодского по плечу:

— Вы верно рассуждаете. Почти верно. Потому что из квартиры никто не уходил. Вот так-то!

«Дело семейное, пусть сами разбираются...» — заключил про себя лейтенант и поискал глазами фуражку.

— Да, я, видно, могу отбыть. Ну, если что, напишите подробное заявление, мой протокол его подкрепит. Начнем все сначала,— он тяжело вздохнул, кивнул кинологу и шагнул к двери.

— Вы уходите? — вскричала Александра Эдуардовна.— Да как вы смеете! Я не отпущу вас до тех пор, пока браслет не будет найден!

— Хорошо,— помолчав, сказал Сиволодский,— отпустите собаку, животное отдыхать должно...

Зазвонил телефон. Соколова схватила трубку: «Да, разумеется, минуту»,— и снова обратилась к лейтенанту, ее тон был многозначителен:

— Я ведь предупреждала, Михаил Игоревич. Могу и до министра дойти. Вот, пожалуйста, звонят... Следователь по особо важным делам полковник Быков. Он просит вас.

Сиволодский поначалу удивился, но если принять названную хозяйкой стоимость похищенного браслета на веру, то... И одновременно обрадовался, что к делу подключился именно Быков, у которого он проходил практику. Плотнo закрыв дверь в холл, лейтенант коротко рассказал ему о своих затруднениях.

— Так, так,— повторил Быков в ответ,— и не выпускают... Молодцом, правильно. Пришел — делай дело. Сыщик ты или кто? А может, в окно злоумышленник камушки выкинул? Не строил такой версии? Напрасно. А под окном сообщник золотишко принял. А? Рвалась собачка? Рвалась... Хорошо. Вот и надо было уходить с собачкой, пока рвалась. Ладно, жди. Больно ситуация экстравагантная...

Она и Он.

Вот где, оказывается, нужно отдыхать. В Подмосковье. Денек-то какой! Полное отдохновение... Забыла, что и бывает такое. Вот как жизнь к коновязи поставила — расслабиться как следует не умеешь! Однако все время лезет в голову мысль: когда этот мо-

лодой человек начнет приставать к ней. Сейчас или вернувшись из воды? Хотя зачем плохо думать о человеке, которого она, по существу, не знает? Ведь поначалу он ей даже понравился: деловитый, подтянутый. С подчиненными предельно корректен, хотя они у него... гм... так себе народ. Однако он умеет — и свое достоинство не уронить, и быть справедливым с ними. От совсем уже негодных пытается избавиться. И, если говорить честно, те, кого он набрал вместо сброда, что уютно существовал при старом директоре, делают ему честь. Компетентны, умеют работать с людьми. Прекрасно выглядят. Он даже настоял, чтобы всем на заказ была сшита спецодежда с фирменными знаками, и, пожалуй, дело от того только выиграло, хоть ей и пришлось покрутиться, выискивая дополнительные средства. «Мы напрасно мало внимания уделяем внешней стороне. С нее все начинается. И он молодец, что уговорил меня обратить внимание и на людей, и на обстановку, и на оформление. Говорят, подступался с этим и к старому директору, да он работал настолько по старинке, что... Вовремя ушел на пенсию, иначе гореть ему на бюро райкома... Хотя наверняка нечистым ушел. Вот как бы только этот при своей современной деловитости и любви к воплощению всех передовых идей... Есть в нем нечто отталкивающее, однако».

То, что в этом красивом молодом человеке была какая-то червоточина, она ощущала чутьем опытной женщины. И как сведущий работник, по долгу прежней службы много проанализировавший и разобравший чужих ошибок и служебных проступков, знала: за блестящим фасадом с легким искривлением что-то должно быть. Вот и в этом парне ее многое настораживало — живет явно не по средствам и в общем-то скрывать этого перед ней не желает. Почему? Собирается втянуть ее в свои дела? А может, ничего за ним нет и она вдруг ослепла и разучилась разбираться в людях? Значит, средства откуда-то сбоку? Его благодарят? Но она так поставила дело, что слева ничего не придет и налево ничего не уйдет. Полмесяца назад он попросил помочь его друзьям. Безвыходное положение. На руках у них ребенок и пожилая мать. Надо помочь, нет у них возможности действовать общим порядком. Вышла она глянуть на этих друзей. Загадала — если из тех, которые... тогда ясно, понятно, откуда у него средства. Однако перед ней стояла скромная молодая пара. Ребенок и пожилая мать у них действительно оказались. Она помогла. Все происходило при ней. Его вообще рядом не было. Да и это такие, видно, ребята, что с них и брать нечего. Грешно даже.

А может, он решил доставить ей это загородное удовольствие в знак признательности за помощь друзьям? Он человек внимательный и воспитанный, в этом она имела случай убедиться. С облегченной душой пошла в воду. Да, он был прав. Их всего пятеро: небо, лес, вода, она и он, — далеко заплыла, и все дно видно. И карасики тени ее пугаются... Хорошо здесь, только очень неловко было, когда подъехали к тому самому шлагбауму. Сразу почувствовала, что села не в свои сани. И эта ухмылочка на гладкой физиономии его приятеля, дежурного офицера. Так и не поняла, что за войска. И не милиция, и не внутренние... Похоже на форму лесоохраны, но он же говорил — офицер! Вот так все с ним, все прекрасно, и вдруг что-то не то. Ну почему, почему?

А что если эта загородная прогулка — тонкая форма благодарности, при чем тут подарок? Конечно, ничего особенного, недоро-

гая вещь. Тем более действительно у нее сегодня день рождения... Однако почему он дарит семейную реликвию ей, чужому человеку, а не жене? Хотя бы в благодарность за «Фольксваген»?

Когда она вышла на берег, он поднялся, набросил ей на плечи полотенце и нежно промокнул спину. «Сейчас...» — встревожилась она, — сейчас...» Но он даже не обнял ее, а пошел к машине.

«Вот еще что настораживает, — подумала она, — он молод, по своим способностям может претендовать на более солидную должность, а не стремится...»

Он вернулся с пластиковой сумочкой, сел рядом.

— Послушайте, — спросила она, — отчего вы не учитесь?

— Учился, — ответил он. — Три курса физмата в педагогическом. Но... Не мое это... — он помолчал, внимательно взглянул на нее, улыбнулся робко, — ладно, вам доверюсь. Только ради бога, больше никому. Не хочу выглядеть смешным. Я уже пятый год в Литинститут поступаю.

— Литинститут? — искренне удивилась она. Он заметил, что глаза ее расширились, взгляд стал другим, словно она впервые увидела его, увидела по-новому.

— Ну и что же? — спросила участливо. — На чем сыпиться? Творческий конкурс? Это ведь всегда тяжело... — добавила она с пониманием.

Двоюродная сестра ее училась в текстильном, на модельера. Вся семья до сих пор помнит, что такое творческий конкурс...

— Вы оружия не складывайте. Поступайте. Если нужен отпуск, пожалуйста. Это и в трудовом законодательстве учтено.

— Благодарю... — кивнул он и подумал: «При чем тут отпуск... Мне бы к редактору пробиться».

Свои стихи он относил в одну из отраслевых газет. Там, в отделе культуры, сидел литконсультант, и дальше этого фильтра дорога ему закрыта. Он чувствовал, литконсультант — симпатичный мужик, дал же он ему рекомендацию в Литинститут и пробил публикации в областной газете тех краев, откуда сам был родом. Но больше все уговаривал читать, набираться литературной культуры. Да что он, Некрасова с Пушкиным не знает? Как это он должен учиться у них? Надо пробиваться к редактору. Надеюсь, поймет. И вообще если во что верил, так это в силу взятки. Мать прошлый год болела. Да она умерла бы, если бы он не прорвался к завотделением и не поставил ему для начала на стол французский коньяк. Тут же и медсестра нашлась, по ночам дежурить. А так... «У нас за больными ухаживают родственники». Это что же — ему, что ли, по ночам матери судно подавать? Он, между прочим, сын, а не дочь, чтоб в женской палате крутиться. И сестры у него нет, даже двоюродной.

Или. Как он и в пед поступал? Отец достал секретарю приемной комиссии покрышки для его старого «Москвича» — тогда с резиной было плохо. И четыре курса за счет чего его тянули, не выгнали за полную неспособность к точным наукам? Попал он на физмат, к слову сказать, только потому, что на других факультетах и в других институтах среди преподавателей знакомых не нашлось. Исключительно за счет автомобильных запчастей, которыми по сей день командует его папаша — директор автохозяйства. Потом надоело, сам ушел. А то мог бы и закончить. Диплом получить. Но зачем? Учителишкой бегать с классным журналом за сто тридцать рз? Опыты с электричеством проводить? Да эти деньги он

за два дня имеет безо всякого электричества. А опыты ставит поинтересней и с большим толком...

Он посмотрел на свою спутницу и не увидел браслета. Сняла... Вот досада! Снова надел ей его на руку, поцеловал запястье.

— Отчего вы эту вещь жене не подарите? Семейная драгоценность должна оставаться в семье...

Он усмехнулся так же печально, как тогда, когда говорил о своих стихах:

— Эту девушку мама приучила носить только бриллианты...

Инна.

Руки у Александры Эдуардовны были все-таки старческие, морщинистые и веснушчатые. Она крепко держала этими руками плечи полковника милиции Быкова и говорила, переходя на шепот:

— Вы не представляете, полковник, родная дочь требует, чтобы я обыскала ее! Родная дочь! Да, они спровоцировали... Дали повод, подали пример... И теперь вы должны, вы обязаны найти негодяя... Я не стану ее обыскивать... Она там, в ванной, она ждет... Какой ужас, ужас какой! Да, потом я хочу вам сказать. Я взяла в долг... у своей подруги... под этот браслет. Двадцать четыре тысячи. Вы не понимаете, что это такое? Вы не поймете. Это вся моя жизнь...— в расширенных зрачках женщины был неподдельный ужас. Быков даже невольно попятился от нее.— Покупатель уже был. Это народная артистка республики. Такие вещи не продаются по комиссиям. Что я скажу ей? Сорок тысяч! Умоляю вас! Умоляю...

...Человек, открывший Быкову дверь в квартиру, прошелестел сухими губами:

— Вы знаете, товарищ полковник, тут был скандал, но ваш молодой коллега не учел важного и определяющего обстоятельства. Скандал — не афишируемый. Обратите особое внимание на дочь и зятя хозяйки. Мы думаем, это кто-то из них... Наследство! Если она продаст драгоценности, что им останется? За эту мебель через десять лет и половину стоимости не дадут. Они не глупые люди, она математик...

— Ваша фамилия? — оборвал Быков аскета.

— Тронский... Иннокентий Дмитриевич, будем знакомы.

И только избавившись от Тронского, Быков тут же оказался в цепких руках хозяйки дома.

— Так где ваша дочь? — спросил он.

— Там... В ванной. Но умоляю...

Быков спокойно отвел руки женщины и пошел к Инне Аркадьевне Поповой, как представил ему дочь Соколовой лейтенант Сиволодский.

— Здесь, Вячеслав Иванович,— предупредительно прошептал лейтенант,— здесь надо очень осторожно. Это такие люди!

В возрасте Сиволодского Быков еще попадал под влияние магии слов «значительный», «солидный», «влиятельный». Однако за последние пять лет ему довелось допрашивать и проводить обыски разных «значительных» и «солидных» людей, и эпитеты эти вовсе не определяли их человеческого достоинства и порядочности.

«Пока Сиволодский отвечал лишь на вопрос «кому выгодно?»,— думал Быков, слушая полшепот лейтенанта.— И по его рассказу получается — либо всем, либо никому. Это уже, как шутит мой

друг прокурор Павлов, «ограбление почтового поезда». Поэтому вместо классического вопроса «кому выгодно?» будем ставить вопрос иначе: «кто мог?» Кто мог вот из этих уважаемых, благополучных, значимых пойти на преступление, кражу и почему? Вообще-то лейтенант сделал тут все, что мог, в том числе и ошибки. Употреблять власть не осмелился. Не выяснил конкретно, кто эти люди. Пенсионерка союзного значения? Кто об этом сказал? Крупные работники Внешторга? С чего он взял? Роскошь квартиры глаза затмила? Мало работает, не понял еще, что самые роскошные квартиры — у тех, против кого направлен закон о нетрудовых доходах. Золотой столовый набор: ножи, вилки, ложки, я, помнится, как-то конфисковал у приемщика стеклотары. — Быков толкнул дверь, до которой проводил его лейтенант. — Ну что ж, начнем... Попова Инна Аркадьевна...»

На пуфе, подперев голову руками, сидела худенькая женщина, закутанная в махровый халат. Она медленно подняла к нему лицо.

— Здравствуйте, Инна Аркадьевна. Полковник Быков, Вячеслав Иванович.

— Вы будете меня допрашивать сейчас или увезете, — обреченно спросила она. — Все решили, что это я, и больше никому...

— Вот глупость! Просто люди начитались детективов... Маму свою простите, хотя она и не права. К тому же нужно войти в ее положение. Она что, хотела продать браслет?

— Да, за долги, — ответила Инна. — Мама заняла большую сумму, надеясь именно на этот бирюзовый гарнитур. Шубу из настоящего леопарда она продала, чтобы купить вот эту спальню...

— А у меня дома такая же — «Режанс»...

Инна усмехнулась:

— Только вы, наверное, покупали ее до повышения цен.

— Да, конечно... Кем вы работаете, Инна Аркадьевна?

— Я инженер-программист в НИИ. Честно говоря, в этот район мы переехали, чтобы мне не тратить на дорогу два часа в один конец. Мы раньше у Выставки жили. А вообще я не хотела меняться.

— Почему?

— Ответ повлияет на успех розыска?

— Нет, но... Люди обычно руководствуются чисто практическими соображениями. Многие бы хотели иметь такую квартиру. Эта квартира ведь ваша. Ваша и вашего мужа.

— Эта квартира моей мамы, и долго еще будет принадлежать ей, — подчеркнуто твердо произнесла Инна.

«Так... она не кривит душой. Мораль: к браслету и другим драгоценностям она тоже относится как к вещам сугубо материнским, твердо зная, что мать может поступать с ними как угодно — хранить, носить, продавать, дарить... Такое не сыграешь».

— Значит, инициатором обмена была ваша мама? — снова задал вопрос Быков. — Она мудра.

— Мама вообще очень умная и практичная женщина.

— Кем же она работала за рубежом? — поинтересовался Быков, предполагая, что Соколова занимала достаточно высокий пост.

— Иномашинисткой в торгпредстве... Печатала тексты на иностранных языках... Одно время была личным секретарем торгпреда Степанкова. Иногда выполняла обязанности переводчика. Тогда было неважно со специалистами. А ее с детства тетушки учили...

— А потом мама вышла замуж за Альберта Петровича,— попытался продолжить за Инну Быков, все еще отыскивая источник высокого благосостояния семьи.

— Нет, Альберт Петрович старый мамин...— Инна на секунду замялась,— друг.— И вдруг глянула с вызовом.

«Что, поздняя материнская любовь не нравится замужней дочери? А Соколова, оказывается, жила одна,— подвел маленький итог Быков,— и самостоятельно заработала на все, что я здесь вижу. Любопытный парадокс: машинистка там и машинистка здесь... Разительный контраст. Несоизмеримый результат трудовой деятельности. По сути, при равном труде. В чем же дело? В тех отчислениях, что идут на сберкнижку? Это отчисления заработной платы, соответствующей установленным ставкам. Разница в валютных курсах? Но там тоже надо есть, пить, одеваться... Спекуляция заграничным дефицитом? Скорее всего. Интересно, наши ведущие юристы, размышляя над вопросом, что считать нетрудовыми доходами, при подготовке Указа по борьбе с ними учли вот эту частность? Надо расспросить гостей, пусть расскажут о житье-бытье Соколовой за границей. Они там сейчас такие раскаленные все, невольно раскроются... Адмирал? Но может быть, и адмирал сыграл определенную роль в накоплениях? Или наследство? Тех же тетушек... Любят у нас ссылаться на наследство».

— Мне сказали, Инна Аркадьевна, в доме произошел скандал. Якобы вы его виновница.

— Виновата,— вздохнула Инна.— Было. Не знаю, как вам объяснить. Долгая история...

— У нас есть время. Это связано с вашим нежеланием съезжаться?

— В какой-то степени. Но дело не в этом. Понимаете... Люди, которые тут собрались... Я их плохо знаю, хотя это старая мамина компания, но мы всегда жили с ней отдельно... И все они как сговорились доказать, что родители — всё, а мы, дети, ничто. Я никогда еще не попадала под такой обстрел. И я не позволяю нас с Витей унижать.— По лицу Инны неожиданно потекли слезы.

— Проблема отцов и детей слишком стара, к ней следует относиться философски,— заметил Быков.

— Но они явно хотели подчеркнуть нашу ничтожность.— Быков удивился: только что слезы градом, и вдруг такое холодное презрение в голосе.— Конечно, мы с Витей такую квартиру не подняли бы, да и зачем нам эта роскошь? А на приличную обстановку вполне сами бы смогли заработать. Я брала бы чертежную работу. Виктор — сверхурочную...

— Где работает ваш муж?

— Механиком в гараже, в крупном автохозяйстве. Окончил автотехникум, его ценят. Виктор очень хороший человек.

— Я рад, что вы его любите.

— Я не о том... Мама не захотела ждать, когда мы с Виктором сможем обставить квартиру, вот в чем дело. Ей все нужно было сразу. И началось... Шубу продала, в долги влезла... Под бирюзу набрала денег у нескольких человек! Мне с самого начала все это не нравилось.

— Извините, Инна Аркадьевна, но мне всегда казалось, что бирюза не драгоценный камень, как, скажем, и малахит.

— Если уральская бирюза, то да. А вот иранская...— драгоцен-

ный камень наравне с цветными корундами, рубином, изумрудом. И только иранскую бирюзу оправляют в золото.

— Спасибо за справку, не знал. А откуда знаете вы? Интересовались, ходили оценивать?

— Что вы? — Инна даже отпрянула от следователя. — Я к маминым вещам не прикасалась... Об этом она сама мне рассказывала.

— И она вам сказала, сколько стоит весь гарнитур?

— Мама утверждает, что тысяч сорок. Для меня это звучит как четыре тысячи, так же невообразимо много. Мама решила, что я спрятала в отместку... Зачем? — Инна пожалала плечами. — Я никогда ни на что не претендовала, поверьте... Мы с Витей жили вполне обеспечено. Отыгрывать обратно? А как расплачиваться с мамой? По чести говоря — эта спальня тоже ее.

— А ведь вы, Инна Аркадьевна, боитесь не столько финансовой, сколько моральной зависимости...

— Да, муж это называет кабалой. Он говорит, что принимать все это для него унизительно. Виктор сам смог бы заработать.

— Ну, а коль денег нет, можно и поскромнее жить? Однако ваша мама...

— Хозяин — барин, — Инна посмотрела холодно.

— Прежде чем я задам ей ряд вопросов, я должен знать одну тонкую вещь: друг вашей мамы помогал ей материально?

Инна пожалала плечами.

— Да, конечно, о таких вещах не говорят и с дочерью, — понял Быков свою бестактность. — Ну, а вы как считаете, кто мог взять вещь?

— Не представляю. Альберт Петрович утверждает, что бирюза в доме. Спросите его, почему у него сложилось такое впечатление. Лично я никого не подозреваю.

«Нет, это не Инна. Слишком щепетильна, дотошно подсчитывает каждый потраченный матерью рубль. Она не могла взять бирюзу, которая должна покрыть долг, не могла», — решил для себя Быков, поднялся и пошел к гостям.

— Я обращаюсь ко всем присутствующим, — начал он, — расскажите, кто как сюда добирался?

— Мы с женой, — сказал Петухов, — на личной машине. У нас уговор: если я в гостях выпью, машину ведет Аня, она, как стеклышко... Хотите осмотреть «Волгу»? Из окошка видно... — Петухов подошел к окну и поманил Быкова, — вот стоит, серенькая лошадка... В экспортном исполнении. Возьмите ключики. Я трудовой человек, шофер. На чужое не зарюсь, за что и ценили. И если купил «Волгу», много лет отышачив за кордоном, то исключительно за счет жестокой экономии, главным образом на питании. Не думайте, житуха за бугром совсем не рай, как думают некоторые, особенно если хочешь что-то сколотить.

«Вот и все твои «дипломаты», — мысленно сказал Быков Сиволодскому, — это, браток ты мой, техперсонал. За исключением адмирала, которого занесла в этот круг не общность взглядов и интересов, а совсем другое».

Ключи от машины Быков у Петухова не взял, но посмотрел на него внимательно. Тот, однако, не смутился, не занервничал, не засуетился. «Сиволодский, пожалуй, прав, что Петуховы активничали в поиске бирюзы больше остальных, — подумал Быков. — Почему «цыганочку» он танцевал в коридоре без зрителей?»

(Окончание следует.)

РАССКАЗЫВАЮТ ЧЕКИСТЫ...

В истории Советской страны есть интересный факт, который всем известен, но особенно не отмечается ни учеными, ни писателями. А именно: Всероссийская Чрезвычайная Комиссия была образована лишь на сорок четвертый день после взятия Зимнего дворца и перехода высшей власти к революционному народу.

Только крайнее обострение классовой борьбы, резкий рост бандинизма явно политической окраски, повсеместный саботаж чиновников старых государственных учреждений, спекуляция, грозившая голодом, и т. п. вынудили Советскую власть создать специальный орган для подавления врагов, объявивших нам войну не на жизнь, а на смерть.

Щит и меч стали выразительной эмблемой органов госбезопасности нашей страны уже в момент их образования и остаются таковой семьдесят лет. И эмблема читается именно в таком порядке, потому что первой задачей является защита жизненно важных интересов государства трудящихся, и лишь второй — кара для ее врагов. Это должен помнить каждый, кто пишет о советских чекистах разных поколений.

Деятельность разведчиков, контрразведчиков, следователей, сотрудников иных специальностей, как принято говорить, «школы Дзержинского и Менжинского», издавна привлекала внимание писателей, драматургов, кинематографистов. Заслуженной популярностью и доверием пользуются уже долгие годы лучшие произведения на эту тему Вадима Кожевникова, Юрия Королькова, Александра Насибова, Георгия Брянцева, Льва Никулина, Александра Азарова. Продолжают создавать новые произведения о чекистах Василий Ардаматский, Юлиан Семенов, Овидий Горчаков, Ирина Гуро, Мария и Михаил Колесниковы, Марк Еленин, Владимир Богомолов... Появилась группа писателей-международников, в чьих книгах советские разведчики отсутствуют, но показана подрывная деятельность спецслужб империалистических государств против стран социалистического содружества и так называемого «третьего мира». Это Александр Кулешов, Генрих Боровик, Михаил Озеров, Леонид Млечин и другие.

Спору нет — хорошие книги о чекистах имеют большое познавательное и воспитательное значение. Поэтому и распродаются они мгновенно, и в библиотеках на них нескончаемая очередь (и это при том, что они, в отличие от чисто криминальных детективов, редко строятся на лихо закрученных сюжетах, отсутствуют в них, как правило, и «кровавые тайны»). Однако совершенно особую ценность имеют редкие, прямо скажем, книги, написанные самими чекистами либо действующими сотрудниками органов госбезопасности. В них подкупают правдивость, глубокое знание материала, умение точно отобразить главное в работе чекистов, специфику их деятельности, не имеющую, пожалуй, аналогов в других сферах приложения человеческих талантов и способностей. Наконец, при прочих

больших или меньших литературных достоинствах эти произведения навсегда останутся ценными историческими документами, свидетельствами очевидцев и участников драматических событий в бурной истории нашего XX века.

В этой связи благодарности сотен тысяч читателей заслуживает инициатива издательства «Советская Россия», единственного, регулярно выпускающего сборники с достаточно выразительным названием «Чекисты рассказывают». За семнадцать лет издательство (бессменные заведующий редакцией А. Н. Бенинсон и редактор И. В. Стабникова) выпустило уже семь таких сборников. Последний выпуск приурочен к юбилею органов ВЧК — ОГПУ — КГБ СССР.

Семь альманахов — это несколько десятков произведений разных жанров. Тут и строго написанные воспоминания, и рассказы, и довольно объемные (в три-четыре авторских листа) повести. Последние отличаются от обычных, столь распространенных приключенческих повестей важным обстоятельством: они всегда основаны на подлинных событиях и фактах, хотя порой, по понятным соображениям, герои носят вымышленные фамилии, встречаются хронологические или географические смещения. Некоторые повести созданы в соавторстве чекистами и профессиональными литераторами.

Читатель, сумевший купить все семь выпусков, имеет фактически в своем распоряжении своеобразную хрестоматию к пока еще не написанной общедоступной истории органов государственной безопасности нашей страны. По сути, так или иначе в них отражены почти все если не типические (это не слишком подходящее для разведки слово), то, во всяком случае, наиболее характерные ситуации, в которых приходилось действовать чекистам в сражениях тайной войны, которую ведут против нас уже семь десятилетий наши враги: белогвардейские, монархические, эсеровские, националистические контрреволюционеры, террористы, диверсанты, позднее — эмиссары шпионских центров белой эмиграции, разведки Англии, Франции, еще позднее — фашистской Германии и империалистической Японии, наконец, уже в послевоенные годы и наши дни, — спецслужбы западных держав, прежде всего США. Широко освещена героическая деятельность чекистов в годы Великой Отечественной войны: на фронтах, в самом фашистском логове, на оккупированной врагом территории, в советском тылу — по ликвидации вражеских шпионов...

Сделать даже беглый обзор вышедших семи сборников не так-то просто: в каждом две-три небольшие повести (или имеющие самостоятельное значение отрывки из более объемных произведений), несколько рассказов, документированных воспоминаний. В общей сложности — десятки авторов, десятки работ. Достаточное разнообразие жанров, масштаба затрагиваемых событий, наконец, степени литературной одаренности авторов.

Примечательна подмеченная закономерность: когда чекисты, действительно, просто рассказывают о пережитом ими лично или их товарищами, то произведения подкупают и содержанием, и формой, убеждают именно своей простотой, профессиональной наблюдательностью, психологизмом, достоверностью ситуаций, которых порой не выдумать даже человеку с бурной фантазией.

Так, необычайно скромно, точно, убедительно повествует о самых, должно быть, трудных годах своей жизни, проведенных в аме-

риканской тюрьме, ныне всемирно знаменитый советский разведчик полковник Рудольф Иванович Абель в рассказе «Возвращение на Родину». Ему удалось, пожалуй, передать то единственное, чего в литературе придумать нельзя: психологию героя, находящегося в экстремальных обстоятельствах не минуты, не часы, а долгие годы... Это же достоинство отличает и записки чекиста Г. Л. «Первые шаги в роли разведчика». Оба названных материала помещены в сборнике № 1, который, кстати, иллюстрирован превосходными рисунками самого... Абеля, человека, который был наделен многими талантами...

Наоборот, в тех, к сожалению, не единичных случаях, когда авторы сборника поддавались соблазну писать «шпионские повести» по примеру бесчисленных произведений такого рода, «создаваемых» некоторыми профессиональными литераторами, их постигала явная творческая неудача. Тем более досадная, что она сводила на нет подлинные достоинства действительно интересного и ценного самого по себе жизненного материала.

Во втором сборнике один из самых интересных материалов — повесть Ф. Шамагонова и Е. Зотова «Индекс без индекса». В нашей приключенческой литературе существует целая библиотека книг о работе следователей органов внутренних дел и прокуратуры. «Индекс без индекса» — одна из немногих, знакомящих с весьма специфической работой следователей органов государственной безопасности. Неблагодарное дело — пересказывать содержание остросюжетного произведения. Ограничусь весьма приблизительной канвой: на важном производственном объекте произошла серьезная авария. Есть основания полагать, что она результат диверсии. Тогда встает вопрос: кто виноват... Мы знаем, были в истории нашего общества трудные времена, когда некоторые горе-следователи решали эту проблему без особых затруднений и моральных терзаний. Партия бескомпромиссно осудила антисоциалистическую практику, связанную с грубыми нарушениями законности.

«Индекс без индекса» выделяется и умелым построением сюжета, и хорошим литературным языком.

Деятельность чекистов в годы революции и гражданской войны всегда привлекала особое внимание и пишущих людей, и читателей: именно в тот период складывались наши органы госбезопасности, вырабатывались славные чекистские традиции, выковывалось профессиональное мастерство разведчиков, контрразведчиков, особистов. Вот почему наше внимание привлекла интересная повесть В. Шевченко «Владимирские «якобинцы», опубликованная в третьем сборнике. На богатом историческом материале автор рассказывает о том, как летом 1918 года в тогдашней Владимирской губернии чекисты раскрыли и ликвидировали опасный белогвардейский заговор.

Примечательно, что за долгие годы вокруг сборников сложился достаточно устойчивый коллектив постоянных авторов (хотя в каждой книжке мы находим произведения и дебютантов на литературном поприще). Один из них — почетный чекист В. Листов, которого с полным основанием сегодня можно считать уже профессиональным литератором. Много лет он собирал материалы о жизни и деятельности видного работника органов ВЧК — ОГПУ Терентия Дмитриевича Дерибаса. В четвертом сборнике В. Листов под обобщенным названием «Революция защищаетя» опубликовал несколько глав из своей будущей книги. В них умно, достоверно и хорошим

слогом повествуется о том, как под руководством Дерибаса была осуществлена сложная разведывательная операция по внедрению в руководство известным «антоновским» мятежом на Тамбовщине бывшего эсера, порвавшего со своей партией и полностью перешедшего на позиции РКП(б) Евдокима Муравьева. В итоге вся военная «головка» мятежников была обезврежена, что значительно облегчило войскам Красной Армии ликвидацию «антоновщины».

В последующих публикациях В. Листов рассказал о борьбе чекистов, возглавляемых Дерибасом, с агентурой империалистской Японии на Дальнем Востоке, что прямо сказалось в дальнейшем на событиях второй мировой войны в этом регионе.

Надо сказать, что составители и редакторы сборников уделяют большое внимание тому, чтобы публикации охватывали разные периоды в истории нашей страны, разные регионы, разные формы борьбы со спецслужбами империалистических держав, внутренней контрреволюции, белоэмигрантскими воинствующими организациями. Показательно в этом отношении содержание пятого сборника. Читатель встретит здесь публикацию почетного чекиста Д. Федичкина «Сын его превосходительства» об одной из самых драматических страниц в истории борьбы нашей разведки против подрывной деятельности так называемого «Российского общевонинского союза» («РОВС»), А. Бесчастнова «Чекисты против «Эдельвейса» — о некоторых эпизодах «тайной» войны на Кавказе, И. Фесенко — о совместной борьбе советских чекистов и сотрудников органов госбезопасности ГДР против общего врага в послевоенные годы.

Не угасает читательский интерес к новым, ранее неизвестным или плохо освещенным событиям Великой Отечественной войны.

Ставшее общенародным — «Никто не забыт, ничто не забыто» в полной мере относится и к подвигам наших разведчиков и контрразведчиков. В этом отношении заслуживает внимания необычный материал ветерана-чекиста С. Ананьина «Подвиг комсомольца» в шестой книге. Именно С. Ананьин установил все обстоятельства теперь широко известного эпизода из жизни выдающегося конструктора космических кораблей Героя Советского Союза К. П. Феоктистова — в 1942 году бойца истребительного батальона НКВД г. Воронежа.

В наши дни чекисты — и ветераны органов госбезопасности, и представители молодого поколения — продолжают свою бессменную вахту на страже интересов Родины. Ни на один день, ни на один час разведки империалистических государств, прежде всего США и других стран, входящих в агрессивный блок НАТО, не прекращают своей подрывной деятельности против СССР и его союзников. Продолжается засылка в наши пределы шпионов, противник пытается осуществлять диверсионные акции в области экономики и идеологии. В борьбе незримой, но отнюдь не «тихой», чекистам помогают советские люди, весь народ. Именно это — всенародная поддержка — заведомо обрекает на провал самые хитроумные операции, замышляемые в стенах зарубежных спецслужб.

Справедливость требует отметить, что уже само традиционное название сборников «Чекисты рассказывают» осложняет, порой весьма заметно, работу составителей и редакторов, находящихся в Москве, сужает круг потенциальных авторов. Между тем существует реальная возможность этот круг расширить. В последние годы во многих республиканских и областных центрах страны (например, в Ленинграде, Горьком, Львове) вышли сборники воспомина-

ний чекистов разных поколений, объединенных по территориальному признаку. В них встречаются поразительно интересные вещи, достойные того, чтобы с ними познакомился и всесоюзный читатель. Однако, как правило, эти сборники расходятся в тех областях, где изданы, в другие регионы попадают считанные экземпляры.

Представляется целесообразным, чтобы в сборники «Чекисты рассказывают», выходящие в центральном, по существу, издательстве «Советская Россия», включались лучшие произведения, уже опубликованные не только местными издательствами, но и центральными журналами. К примеру, повесть А. Афанасьева «Крах одной карьеры», увидевшую свет в последних номерах журнала «Человек и закон», в которой рассказывается о драматических обстоятельствах жизни молодого ученого, сына железнодорожника из Днепропетровска Валерия Кушнира, а также и другие произведения, находящиеся в портфеле редакции.

В небольшой рецензии невозможно даже очень сжато пересказать содержание интересных произведений. Поэтому завершу ее одним из положений Политического доклада XXVII съезду КПСС: «Мы убеждены, что советские чекисты, воины-пограничники всегда будут находиться на высоте предъявляемых к ним требований, будут проявлять бдительность, выдержку и твердость в борьбе с любыми посягательствами на наш государственный и общественный строй».

Теодор ГЛАДКОВ,
председатель комиссии
по приключенческой литературе
Московской писательской организации,
лауреат Золотой медали
имени Николая Кузнецова

НАША БЛАГОДАРНОСТЬ

Решением редакционной коллегии бесплатной годовой подпиской журнала «Человек и закон» отмечены внештатные авторы и лучшие общественные распространители печати: Алексеев Анатолий Иванович Ваксян Александр Захарович Глазунов Михаил Михайлович Гришин Иван Павлович Громова Светлана Михайловна Ефремов Николай Валерьевич Дьяченко Александр Леонидович Жадан Олег Львович Каратеев Леонид Гаврилович Кисель Анатолий Сергеевич Миронов Михаил Мионович

Митрофанов Борис Алексеевич Осташевская Любовь Николаевна Панов Евгений Дионисович Редькин Андрей Валентинович Севрюкова Екатерина Степановна Старостина Ирина Леонидовна Турецкая Клавдия Степановна Халина Марина Ивановна Челединов Иван Павлович Редакция журнала благодарит наших помощников за проделанную работу, желает им крепкого здоровья, надеется на дальнейшее сотрудничество в деле пропаганды правовых знаний.

ВМЕСТО КРОССВОРДА

Мы не случайно сняли в этом номере привычную для читателя рубрику «Знаете ли вы право?» Дело в том, что во множестве кроссвордов, которые приходят в редакцию, часто встречаются «юридические термины» с весьма любопытными, на наш взгляд, авторскими пояснениями их значений.

1. Третейский судья. 2. Помощник кинолога. 3. Испытание на гражданскую зрелость. 4. Форма выяснения отношений. 5. Убеждение фактами. 6. Принудительное обследование участков местности и отдельных граждан. 7. Ходатай по судебным делам. 8. Действия, способствующие нарушению общественного порядка. 9. Преклонение перед формой. 10. Неродная родственница. 11. Общественник, принимающий участие в судебном заседании. 12. Незаработанная часть зарплаты. 13. Главное лицо на суде. 14. Ворота, возведенные в честь какого-нибудь события. 15. Письмо, сообщающее что-либо неприятное. 16. Объединение людей, связанных общими интересами. 17. Место, куда заглядывают редко и украдкой. 18. Аморальный человек сам по себе. 19. Злая неуживчивая женщина. 20. Житель пустыни. 21. Предшественник ГАИ. 22. Человек, занимающийся заключением сделок с гражданами. 23. Предмет взятки. 24. Большой опыт юриста. 25. Вид преступника. 26. Форма выражения неудовольствия. 27. Спорный отдел. 28. Способ задержания матерого преступника. 29. Затруднительное положение. 30. Лицо женского рода, занимающееся мелким хищением государственного имущества. 31. Документ, удостоверяющий несчастный случай. 32. Не обвиняемый, но очень важное лицо в судебном процессе. 33. Враг человечества. 34. Неприятное чувство. 35. Времяпрепровождение. 36. Единица распределения пищевых продуктов.

1. Аккавал. 2. Собака. 3. Искус. 4. Драка. 5. Доказательство. 6. Обыск. 7. Адвокат. 8. Хулиганство. 9. Формализм. 10. Теща. 11. При-
сжигий. 12. Аванс. 13. Судья. 14. Арка. 15. Анонимка. 16. Бата. 17. Тайник. 18. Троюжен. 19. Мегера. 20. Индус. 21. ОРУД. 22. Афе-
рист. 23. Икра. 24. Навык. 25. Уголовник. 26. Жалоба. 27. Арбит-
раж. 28. Засада. 29. Казус. 30. Несущка. 31. Завещание. 32. Сиде-
тель. 33. Водка. 34. Скука. 35. Перекур. 36. Едок.

Ответы на кроссворд, опубликованный в номере 12 за 1987 год:

По горизонтали: 1. Расписка. 3. Бокариус. 8. Договор. 9. Протест. 10. Тратта. 11. Акция. 12. Корона. 15. Инкассо. 16. Ломбард. 17. Липатов. 19. Шпионаж. 25. Орбели. 26. Недра. 27. Развод. 28. Вексель. 29. Мартенс. 30. Апатриды. 31. Подделка.

По вертикали: 1. Расстрел. 2. Проступок. 4. Рассрочка. 5. Служащие. 6. Приказ. 7. Опцион. 13. Неустойка. 14. Эстоппель. 18. Прецедент. 20. Наказание. 21. Гипотеза. 22. Мандрыка. 23. Увечье. 24. Тюрьма.

Сдано в набор 28.10.87. Подписано в печать 23.11.87. А 12430.
Формат 84×108^{1/32} Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 9,40.
Усл. кр.-отт. 7,56. Тираж 10 300 000 экз. (1-й завод: 2 600 000 экз.).
Заказ № 1487.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП,
Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В. Буркина 87

В. Буркина 87

— Алло, жэк, отключите отопление, нам жарко.

Рис. В. Буркина

Цена 60 коп.
Индекс 71075.

«Человек и закон»,
1988. № 1. 1—128.